Г. КАРАЕВ

БЕЛОФИНСКОГО ПЛАЦДАРМА

ЛЕНИЗДАТ

1941

Встреча победителей в Ленинграде

Г. КАРАЕВ

РАЗГРОМ БЕЛОФИНСКОГО ПЛАЦДАРМА

30 ноября 1939 г. — 13 марта 1940 г.

★

ЛЕНИНГРАДСКОЕ
ГАЗЕТНО-ЖУРНАЛЬНОЕ И КНИЖНОЕ ИЗДАТЕЛЬСТВО
ЛЕНИЗДАТ 1941

1998

ФИНЛЯНДИЯ —

ОЧАГ ВОЕННЫХ ИНТРИГ И ПРОВОКАЦИЙ

Начиная с 1157 года, когда шведский король Эрих IX, при ближайшем содействии кардинала Николая Албано, высадился с войском в устье реки Аура, у города Турку (Або), и до 1917 года, то есть на протяжении 760 лет, финский народ не знал независимости.

После вторжения в страну шведского феодального дворянства, Финляндия была включена в состав шведского королевства. Шведские бароны, получив в захваченной стране богатые земельные владения, жестоко эксплуатировали финский народ. В этом им деятельно помогало духовенство, насильно обращавшее местное население в христианство. Восстания финнов подавлялись со свирепой жестокостью.

Так было до 1809 года. После разгрома русскими войсками шведских войск, действовавших в Финляндии под командой генерала Кингспора, по условиям заключенного в Фридрихсгаме мирного договора вся Финляндия отошла к Российской империи под названием «Великое княжество финляндское». Создавая из Финляндии автономное государство со своими законами и управлением, царизм стремился «...привлечь на свою сторону финляндцев, бывших подданных шведского короля...».[1] Однако последовавшее в 1899 году объявление русского языка официальным языком в Финляндии, широкая практика назначения русских чиновников в финские учреждения, манифест о праве издания законов без согласия финляндского сейма и тому подобные мероприятия означали по сути дела превращение Финляндии в бесправную окраину царской России.

Эксплуатируемый одновременно финляндской буржуазией и русскими помещиками-капиталистами, финский пролетариат

---

[1] В. И. Ленин, Соч., т. IV, стр. 337.

в 1905 году выступил совместно с русскими рабочими на борьбу против угнетателей. Революционная борьба финской Красной гвардии в Гельсингфорсе, героическое Свеаборгское восстание, волны стачек и забастовок, охвативших большую часть Финляндии, — все это свидетельствовало о готовности трудящихся масс финского народа к вооруженной борьбе вместе с русскими рабочими, солдатами и матросами против ненавистного им царизма.

«В Свеаборге, рядом с русскими сражались, совместно проливая кровь, и финские рабочие из Красной гвардии, — писал тогда орган финляндских большевиков — газета «Вестник казармы». — Они — свободолюбивые и гордые, как и пролетарии всего мира — братски боролись с товарищами свеаборжцами против общего заклятого врага — российского царского самодержавия и гнета».

Революционная борьба финского народа и в дальнейшем не прекращалась. В 1917 году, когда пал царизм и было создано Временное правительство Керенского — Милюкова, продолжавшее политику национального гнета, финский пролетариат организовал мощное стачечное движение, которое охватило почти всю Финляндию. На это революционное движение финского пролетариата правительство Керенского — правительство охраны помещиков и капиталистов от народа, как метко назвал его В. И. Ленин, — отвечало мерами насилий и вооруженного подавления «беспорядков».

Тяжелый и длинный путь прошел финский народ под гнетом шведских баронов, а затем в тисках великорусской политики царского самодержавия и его последыша — Временного правительства Керенского.

В 1917 году, только после победы Великой Октябрьской социалистической революции, впервые после 760-летнего угнетения, Финляндия получила признание своей независимости из рук Советского правительства.

Таким образом, только Великая Октябрьская социалистическая революция, освободив трудящиеся массы царской России от капиталистического рабства, предоставила финскому народу возможность организовать свое независимое государство. Это обстоятельство, однако, не обеспечило добрососедских, дружеских отношений между обоими государствами, так как у власти в Финляндии осталась буржуазия. С первых же дней независимости Финляндии эта буржуазия показала свое классовое лицо. Буржуазное правительство Финляндии заняло резко враждебную позицию по отношению к Советской России. Оно вошло в тесный контакт с правительствами капиталистических государств Европы и начало поход против

трудящихся масс своего народа, добивавшихся ликвидации гнета капиталистической эксплуатации в стране.

Не взирая на репрессии, финский пролетариат не прекращал борьбы; в Финляндии началась гражданская война. В результате развернувшихся боев между финской Красной гвардией и белогвардейскими боевыми организациями, получившими название «шюцкор»,[1] отряды революционных рабочих 27 января 1918 года заняли Хельсинки (Гельсингфорс). Буржуазное правительство Свинхувуда бежало в город Ваза. В Хельсинки было образовано революционное правительство Финляндии. Предвидя в этой обстановке неминуемое поражение финляндской буржуазии, капиталистические государства Европы послали ей вооруженную помощь. В героической борьбе с высадившимися в Финляндии иностранными регулярными войсками финский пролетариат потерпел весной 1918 года поражение.

Опираясь на штыки англо-французских оккупационных войск, генерал барон фон Маннергейм залил страну кровью рабочих и крестьян. 16 тысяч человек было расстреляно, свыше 15 тысяч человек умерло от голода и тифа, около 100 тысяч человек было заключено в концентрационные лагери. Эти кошмарные цифры дополняются многочисленными жертвами развернувшегося вслед за этим белого террора — до 40 тысяч человек рабочих и крестьян финские шюцкоровцы расстреляли без всякого суда. Таким образом физически уничтожалась передовая, наиболее революционная и стойкая в борьбе против буржуазии часть трудящихся масс финского народа.

В стране была установлена военная диктатура финской буржуазии, открывавшая широкое поприще для деятельности ее наиболее реакционных элементов.

Ничто не мешало теперь финляндскому буржуазному правительству Свинхувуда — Маннергейма проводить антисоветскую внешнюю политику, которая стала с этого времени его официальной программой.

Эта антисоветская политика правящей реакционной клики Финляндии находила опору и поощрение со стороны правительств самых могущественных в то время государств Европы — Англии и Франции. Гарантируя финляндской буржуазии полную безнаказанность в ее внешней политике в отношении Советской республики, финансируя антисоветские мероприятия

---

[1] Военно-фашистская организация, состоящая из добровольцев-белогвардейцев. Законом 1927 года шюцкор признан составной частью вооруженных сил страны.

правительства Свинхувуда — Маннергейма, поддерживая на территории Финляндии бежавшую туда из России белогвардейщину — помещиков и капиталистов, заправилы англо-французского империализма всячески старались сколотить в Прибалтике антисоветский блок в составе Финляндии, Эстонии, Латвии и Литвы. Блок этот, вместе с белогвардейскими формированиями, созданными в Прибалтике царскими генералами и монархистским офицерством, должен был, по замыслу англо-французских генеральных штабов, принять участие в подготовлявшемся со всех сторон вторжении в молодую Советскую республику.

Это был совместный поход международного империализма и российской контрреволюции, ставивший своей ближайшей задачей занятие колыбели Октябрьской революции — Красного Питера, а затем свержение Советской власти в России и восстановление в ней буржуазных порядков.

Началась гражданская война в России, во время которой советский народ в течение трех лет героически отражал нападение иностранных интервентов и русских белогвардейцев с востока (Колчак), с юга (Деникин, Врангель), с севера и северо-запада (англо-французские интервенты, белофинны, Юденич) и с запада (белополяки). Это были годы великих жертв и великих всемирно-исторических побед трудящихся масс новой России над вооруженной внутренней и внешней контрреволюцией.

В этот именно тяжелый период, когда рабочие и крестьяне Советской страны под руководством боевой большевистской партии напрягали все свои силы, чтобы отразить вражеское вторжение и отстоять с оружием в руках свои революционные завоевания, финляндская буржуазия, по указке правительства Антанты, выступила против Советской России. Это было величайшим преступлением против советского народа, давшего перед тем согласие на предоставление Финляндии полной независимости.

Не располагая достаточными военными силами для открытой войны против Советской России, белофинны организовали на протяжении 1918 года многократные налеты на нашу территорию, сопровождавшиеся убийствами советских работников, насилиями и грабежами. Так например, весной 1918 года белофинский отряд полковника Мальма пробрался через Карелию до города Кеми, произвел разрушения на Мурманской железной дороге и напал на расположенные поблизости части Красной Армии. Когда через несколько месяцев после этого англо-французский экспедиционный корпус, высадившись в Мурманске, стал продвигаться вдоль железной дороги на

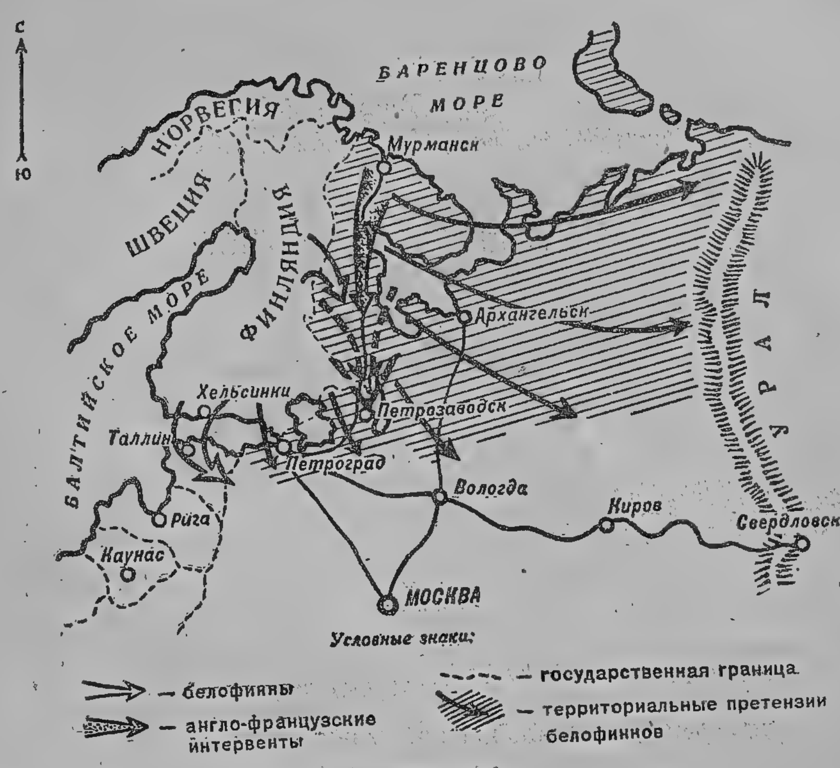

Схема 1. Взаимодействия белофиннов с англо-французскими интервентами в 1918 году и территориальные претензии белофиннов.

Петрозаводск, белофинские отряды вновь перешли нашу границу и захватили район Ухты.

Этим, однако, дело не ограничилось. Демонстрируя перед зарубежными хозяевами свою готовность к совместному вооруженному выступлению против Советской России, маннергеймовская клика организовала осенью 1918 года переброску отрядов финских егерей на территорию Эстонии. Там эти отряды помогали белоэстонским частям и белогвардейским формированиям бороться против Красной Армии (см. схему 1).

Все это сопровождалось наглыми антисоветскими выпадами против Советского правительства в финской печати, потоками гнусной клеветы на советский народ продажных газетных писак, распространением всякого рода «сведений» и «слу-

хов» из белоэмигрантских источников о неминуемом падении Советской власти и т. д.

Чем тяжелее было положение нашей страны, окруженной со всех сторон огненным кольцом фронтов гражданской войны, тем наглее становились заправилы буржуазной Финляндии, тем заносчивее делался тон их газет.

Летом 1918 года Советское правительство предложило правительству Финляндии вести переговоры о мирном разрешении спорных вопросов. В ответ на это мирное предложение Советской республики, правительство Свинхувуда выдвинуло в качестве отправной платформы для переговоров наглые, совершенно не приемлемые для Советского правительства требования. Эти требования сводились, в основном, к присоединению к Финляндии всей Советской Карелии (с городом Петрозаводском) и Кольского полуострова (с городом Мурманском) на севере. С юга к Финляндии должна была отойти Ингерманландия, входившая в состав бывшей Петроградской губернии. Зарвавшиеся финские политиканы не постеснялись при этом включить в состав Ингерманландии и Красный Питер. Нечего и говорить, что эти неслыханные требования белофинского правительства были решительно отвергнуты Советским правительством и переговоры прерваны.

1919 год не внес изменений в характер внешней политики белофинских лакеев англо-французских поджигателей антисоветских походов.

В Хельсинки, на глазах у всего мира и при поддержке финляндской буржуазии, царский генерал Юденич, совместно с генералами Маннергеймом и Лайдонером и при «дружеском сотрудничестве» английской и французской военных миссий, развернул деятельную подготовку к вторжению в Советскую страну и захвату Петрограда. Финляндия обязалась при этом выставить в помощь белогвардейцам «добровольческую» армию, которая должна была нападением на Петрозаводск и Лодейное Поле прервать железнодорожное сообщение с нашими частями, защищавшими подступы к Петрозаводску, помочь наступлению англо-французов и, соединившись с ними, создать угрозу Красному Петрограду с востока. В это время части белого Северного корпуса (впоследствии развернутого в Северо-западную армию) и белоэстонские дивизии должны были наносить главный удар на Петроград с запада в кратчайшем операционном направлении Ямбург — Красное Село — Петроград (см. схему 2). В составе этих частей тоже принимали участие сформированные в Финляндии так называемые ингерманландцы, повторно демонстрировавшие стремление белофиннов к захвату южного побережья Финского залива.

Схема 2. План наступления Юденича—Маннергейма и англо-французских интервентов в 1919 году.

О том, как представляли себе дальнейший ход событий белофинские захватчики из маннергеймовской клики, свидетельствуют наглые условия заключения мира с Советской страной, которые были выработаны несколько позднее на объединенном совещании представителей балтийских государств в Таллине (бывш. Ревель). О результатах этого совещания тогда же сообщала латвийская буржуазная газета «Ригаше рундшау»:

«Представителями балтийских государств представлены Советской России следующие условия мира: 1) политическая

граница между Россией и прибалтийскими государствами будет установлена на основании этнографической границы; 2) за этнографической границей будет создана широкая нейтральная зона, в которой Советская Россия не может содержать войска; 3) порядок в нейтральной зоне будет поддерживаться одной из нейтральных держав; 4) Советская Россия должна передать свой военный флот одной из нейтральных держав».

Совершенно очевидно, что под этими «условиями» подразумевалось отторжение от нашей страны всей Карелии, Кольского полуострова и значительной части Петроградской области вместе с Петроградом. Буржуазия Финляндии стремилась отрезать этим нашей стране доступ к Балтийскому морю.

Как известно, планы белофиннов и всей белогвардейской своры потерпели полное поражение.

Белогвардейские банды Юденича были разгромлены и выброшены за пределы нашей Советской земли, «добровольческая» армия белофиннов была разбита под Видлицей и перестала существовать.

Это серьезное предупреждение белофинским заправилам не возымело на них, однако, надлежащего действия. Только в 1920 году, видя банкротство своих антисоветских авантюр, видя, что буржуазная Эстония выбыла из антисоветского блока и заключила с Советской Россией не только мир, но и выгодный для Эстонии торговый договор, видя, наконец, последовательный разгром Колчака, Деникина, Врангеля, неудачу белополяков и т. д., — белофинские правящие круги решили возобновить переговоры с Советским правительством на приемлемых для него условиях.

В подписанном 14 октября 1920 года мирном договоре Советское правительство подтверждало независимость Финляндии и предоставляло ей свободный выход в Северный Ледовитый океан, путем передачи Финляндии Печенгской области. В свою очередь Финляндское правительство взяло на себя обязательство немедленно очистить захваченные белофинскими бандами Реболскую и Поросозерскую волости и не укреплять находящихся в Финском заливе островов Гогланд, Сейскари и др.

Но и заключение этого договора не привело, однако, к установлению между Советской Россией и Финляндией нормальных добрососедских отношений. Подписав этот договор, заправилы буржуазной Финляндии не прекратили своей провокационной политики в отношении Советской страны. Находя деятельную поддержку в Лондоне и Париже, правители Финляндии предприняли осенью 1921 года новую авантюру, с целью добиться присоединения к себе Северной Карелии, природные

богатства которой не давали спокойно спать белофинским лесопромышленникам и банковским дельцам.

Вторгшись на территорию Советской Карелии, белофинские «лехтари» подняли в приграничных районах кулацкие мятежи и пытались демонстрировать мнимое «освобождение» карельского народа. Авантюра эта, как и все прочие, закончилась полным провалом. Действуя в исключительно тяжелых условиях северной зимы 1921—1922 годов, части Красной Армии, совместно с партизанскими отрядами из местного карельского населения, нанесли белофинским бандам решительное поражение. В числе многочисленных подвигов, совершенных бойцами, командирами и комиссарами наших полков, заслуживает особого внимания героический рейд курсантов-лыжников Интернациональной школы по тылам белофиннов. Действуя под руководством финского революционера, стойкого борца за свободу финского народа Тойво Антикайнена, герои-курсанты разгромили штаб белофиннов в деревне Кимасозерской, уничтожили их материальную базу и нанесли им целый ряд поражений, способствовавших полному разгрому врага.

Приказ командования, посвященный завершению боевых действий, гласил:

«Советская Карелия очищена красными полками от белых банд, организованных финляндским офицерством на средства финляндской и иной буржуазии. В тягчайших условиях Севера, в пустынных холодных пространствах и иной раз по пояс в снегу, под которым не замерзает вода, солдаты революции снова выполнили свой долг до конца.

Преступление правящих классов Финляндии и ее представителей дало трудовым массам России новые лишения и жертвы и внесло в историю Красной Армии новые подвиги героизма».

Тем не менее и после ликвидации этой белофинской авантюры в Карелии правительство Финляндии, вкупе и влюбе с буржуазными националистами и социал-демократами, не прекратило своей провокационной деятельности. Подчинив внешнюю политику своей страны интересам англо-французского империализма, правители буржуазной Финляндии — Свинхувуд Таннер, Каяндер, Маннергейм и другие — фактически лишили свой народ той государственной независимости, которую дала ему Советская власть, и превратили свою страну в очаг военных интриг и провокаций, создали постоянную угрозу войны на северо-западных рубежах Советской России.

Финская печать не переставала бредить «Великой Финляндией». Оголтелая маннергеймовская военщина и активисты из

реакционного объединения лапуасцев всячески старались раздуть на этой почве пожар войны против Советской России, втянуть в эту войну другие прибалтийские страны и добиться территориального расширения своих границ.

В декабре 1930 года на одном торжественном заседании, на котором присутствовали финляндский премьер Свинхувуд, генерал Маннергейм и все руководство реакционной лапуаской организации, один из лидеров этой последней — Карес в своем докладе заявил:

«Наши задачи состоят в том, чтобы объединить в одно целое обе части Карелии по ту и по эту сторону границы, а также часть Ленинградской области и дойти вплоть до Уральских широт, где также имеются наши соплеменники. Москальской власти должен быть положен конец».

Это заявление открыто свидетельствовало о том, что белофинские заправилы не только не оставили своих планов 1918—1919 годов, но продолжали деятельную подготовку к их осуществлению. На это же указывали хлопоты в Лиге наций финляндских представителей, явившихся там инициаторами постановления о «финансовой помощи» малым странам на случай войны. Сюда же надо отнести и срыв Финляндским правительством в 1927 году предложений Советского правительства о подписании пакта о ненападении и целый ряд других враждебных Советской стране шагов.

При полнейшем одобрении белофинских правителей, в Финляндии получила повсеместное распространение реакционная организация лапуасцев. Под лозунгом искоренения коммунизма, лапуасцы осуществляли массовый кровавый террор против оппозиционно настроенных трудящихся масс финского народа. На протяжении ряда лет они не раз пускались на провокации вооруженных столкновений на советско-финляндской границе, пытаясь во многих местах ее нарушить.

Опираясь на гарантии Англии и Франции, финляндские правители приступили даже к пересмотру условий мирного договора 1920 года.

По указке из Лондона правительство Финляндии потребовало согласия Советского правительства на укрепление «совместно со Швецией» Аландских островов. Получив отказ, Финляндское правительство приступило, вопреки соответствующим статьям договора 1920 года, к устройству военно-морских баз на ряде островов Финского залива в той его восточной части, которая является не чем иным, как непосредственным подступом к Ленинграду.

Когда Советское правительство заключило договор о ненападении и дружбе с Германией и договоры о взаимопо-

мощи с Литвой, Латвией и Эстонией, правительство буржуазной Финляндии отвергло предложение Советского правительства о заключении такого же договора с Финляндией и ответило на него наглой антисоветской кампанией в финляндской печати.

Это являлось ничем не прикрытым вызовом по адресу советского народа и выражало антисоветскую сущность всей провокационной политики финляндских правителей на протяжении более 20 лет независимого существования Финляндии.

Становилось все более очевидным, что только вооруженная сила нашей Красной Армии и Военно-Морского Флота сможет обуздать вконец обнаглевших белогвардейских правителей.

Наглым военным интригам и провокациям Финляндского правительства, являвшегося марионеткой в руках англо-французских империалистов, должен был быть положен решительный конец.

ВОЕННЫЙ ПЛАЦДАРМ МЕЖДУНАРОДНОГО ИМПЕРИАЛИЗМА

В своем докладе на Шестой сессии Верховного Совета СССР 29 марта 1940 года товарищ Молотов сказал:

«...Еще 17 апреля 1919 года английский „Таймс" писал:

„Если мы посмотрим на карту, то мы найдем, что лучшим подступом к Петрограду является Балтика и что кратчайший и наиболее легкий путь к нему лежит через Финляндию, границы которой находятся всего в каких-нибудь 30 милях от столицы России. Финляндия — это ключ к Петрограду, а Петроград — это ключ к Москве".

Если нужны были какие-либо доказательства того, что английские и французские империалисты не расстались до сих пор с такого рода сумасбродными планами, то после последних событий в Финляндии всякие неясности на этот счет устранены».

Приведенная товарищем Молотовым цитата из английского официоза лишний раз подчеркивала замечательную по своей оперативно-стратегической глубине оценку товарищем Сталиным еще в 1919 году окраинного положения Петрограда и вытекавшую из этого для него опасность вражеского вторжения. В своей беседе с корреспондентом «Правды» товарищ Сталин тогда сказал:

«Подступы к Петрограду — это те пункты, отправляясь от которых противник, в случае успеха, может окружить Петроград, отделить его от России и, наконец, овладеть им. Таковы: Петрозаводский участок, имеющий направление на Званку, цель — охват Петрограда с востока; Олонецкий участок с направлением на Лодейное Поле, цель — заход в тыл нашим петрозаводским войскам; Карельский участок, имеющий направление прямо на Петроград, цель — захват Петрограда с севера; Нарвский участок с направлением на Гатчину

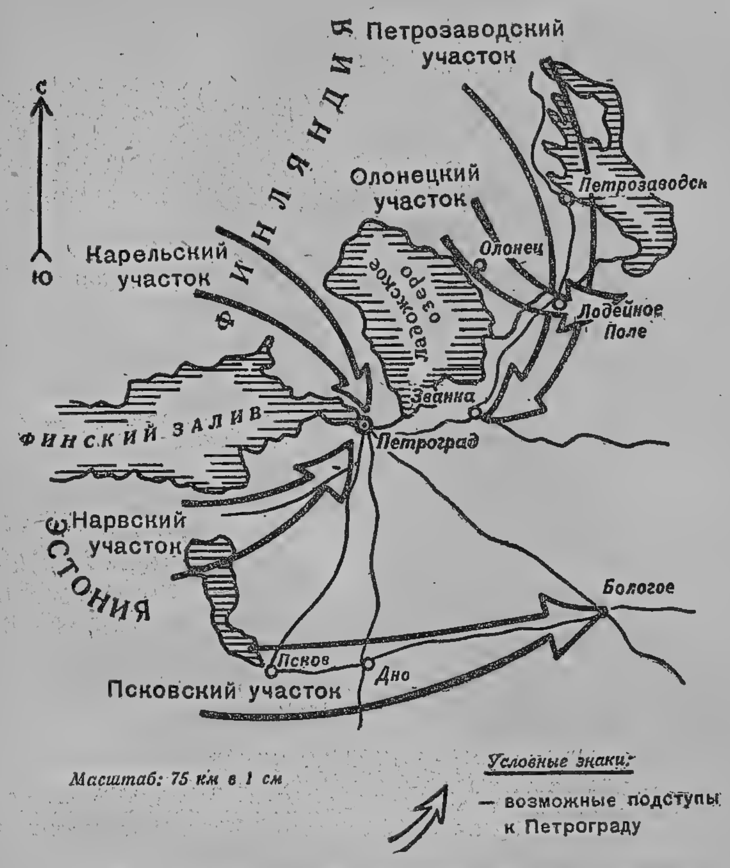

Схема 3. Подступы к Петрограду по оценке товарища Сталина летом 1919 года.

и Красное Село, цель — взятие Петрограда с юго-запада или, по крайней мере, взятие линии Гатчина — Тосно и охват Петрограда с юга; Псковский участок с направлением на Дно — Бологое, цель — отрезать Петроград от Москвы; наконец, Финский залив и Ладожское озеро, открывающие возможность высадок противника с запада и с востока от Петрограда». [1]

Наши границы на северо-западе (см. схему 3), остававшиеся с тех пор и до зимы 1939—1940 годов без изменений,

[1] „Правда“, 8 июля 1919 г.

сохраняли для империалистов в Прибалтике и особенно в Финляндии возможность выгодного стратегического сосредоточения сил для вторжения в пределы нашей Советской страны. Социалистический Ленинград — этот крупнейший промышленный и культурный центр СССР — продолжал находиться под постоянной угрозой удара со стороны интервентов.

Территория Финляндии как нельзя лучше отвечала той задаче, которую собирались на ней решать англо-французские генеральные штабы. Достаточная обширность этой территории, близость ее к основным жизненным центрам нашей Советской страны и нахождение ее на морских путях, соединявших нас с Западной Европой и, в первую очередь, с Англией и Францией, делали Финляндию прекрасным плацдармом для нападения на СССР с нанесением удара в общем направлении Ленинград — Москва.

Следует также указать, что исключительно благоприятные для подобной цели местные условия облегчали поджигателям войны выполнение их планов. Дело в том, что Финляндия издавна славилась как «страна лесов и тысячи озер». Озер в Финляндии свыше 30 тысяч, и занимают они до 12 процентов всей ее территории. Что касается лесов, то их массивы охватывают 74 процента площади всей страны. Если к этому добавить многочисленные реки, изобилующие порогами и водопадами, из которых наиболее значительны Вуокса, Торнео и Кюммене, и сильную пересеченность местности, покрытой каменистыми кряжами, скалами и огромными валунами, то легко себе представить, насколько природные условия, делая страну труднодоступной для вторжения в ее пределы, помогали белофиннам в выполнении тех задач, которые выдвигали перед ними их зарубежные хозяева.

Малодоступность финляндской территории усиливалась, кроме того, характером финского морского побережья вдоль Финского и Ботнического заливов. Изрезанность береговой линии бухтами и большое количество крупных и мелких скалистых островов, носящих общее название «шхеры», облегчало действия финляндского флота, создавало для него естественные гавани, позволяло устраивать многочисленные, хорошо скрытые от постороннего глаза морские базы.

Прикрываясь островами шхер, расположились в глубине удобных бухт и заливов финляндские порты и военно-морские базы: Виипури, Котка, Хельсинки, Ханко — на побережье Финского залива и Турку (Або), Пори (Бьёрнеборг), Ваза, Оулу (Улеаборг) — на берегу Ботнического залива. Главнейшими из них были Хельсинки и Виипури, представлявшие

Проволочные заграждения перед одним из дотов „линии Маннергейма". Слева виден дот

Противотанковые надолбы в сожженном белофиннами населенном пункте в районе Уусикиркко

собой хорошо оборудованные порты и первоклассные базы военно-морского флота.

Кроме того, у юго-западной оконечности Финляндии, там, где начинается Ботнический залив, шхеры образовали Аландский архипелаг, близко подходящий своими островами к берегам Швеции. В этом архипелаге насчитывается до 300 островов различной величины общей площадью около 1,5 тысячи кв. километров (из них главный остров Аланд в 475 кв. километров). Этому архипелагу генеральные штабы Англии и Франции придавали особенно большое стратегическое значение как первоклассной отправной военно-морской базе у входа в Финский залив.

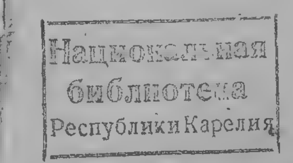
В качестве вспомогательных баз, находящихся в непосредственной близости к нашей границе и фортам Кронштадта, служили расположенные в Финском заливе острова Суурсаари (Гогланд), Сейскари, Лавансаари и Тютярсаари (Малый и Большой).

Наметив Финляндию в качестве первоклассного военного плацдарма против Советского Союза, англо-французские империалисты не обманывали себя в отношении тех возможностей, которыми располагала финляндская буржуазия. Они отлично понимали, что Финляндия, насчитывавшая всего 3 миллиона 650 тысяч человек населения, то есть почти равнявшаяся населению только одного Ленинграда, не могла собственными силами успешно предпринять какие-либо крупные наступательные операции против нашей страны. К тому же, недавнее прошлое гражданской войны являлось в этом отношении слишком убедительным уроком. Финская армия поэтому не предназначалась для подобных действий. Она должна была в предстоявших военных действиях выполнить задачи армии прикрытия. Как таковая, она должна была, опираясь на естественные трудности и возведенные сильные укрепления, обеспечить беспрепятственное стратегическое сосредоточение и развертывание мощных иностранных армий, предназначенных для вторжения на территорию Советского Союза и, в первую очередь, для захвата Ленинграда.

Вот этот-то план и лег в основу подготовки Финляндии в качестве военного плацдарма для нападения на СССР.

Английский империализм, прибрав к своим рукам экономику Финляндии, превратил ее в свой экономический придаток. Англия являлась основным потребителем финляндского леса, никеля и почти всей продукции развивающейся горнозаводской промышленности.

Одновременно Англия и Франция совместно готовили Финляндию в военном отношении. В своем развернутом виде эта

подготовка, почти законченная к концу 1939 года, в основном заключалась в следующем:

1) реорганизация финляндской армии и ее вооружение в соответствии с требованиями современного боя; особенное внимание должно было быть уделено инженерно-техническому оснащению частей;

2) подготовка на территории Финляндии (преимущественно в ее южной и юго-восточной части) такого количества аэродромов, которые могли бы принять мощный воздушный флот, могущий обеспечить интервентам господство в воздухе и угрожать не только Ленинграду, но и центральным районам Европейской части Советского Союза;

3) подготовка в районе Аландских островов и юго-западной оконечности Финляндии первоклассной военно-морской базы для флота, способного достигнуть господства в Финском заливе и запереть наши суда в его крайней восточной части;

4) укрепление приграничной полосы, примыкающей к советско-финляндской границе, обратив особенное внимание на обеспечение недоступности границы для наступления Красной Армии на ближайших к Ленинграду участках, то есть на Карельском перешейке и в примыкающем к нему с востока районе Ладожского озера;

5) строительство железнодорожной и шоссейной сети, обеспечивающей достаточно быструю переброску войск и грузов из портов Финляндии в Ботническом и Финском заливах в ее юго-восточную и восточную части.

Наибольшее внимание финляндская военщина и англо-французское командование обратили на укрепление Карельского перешейка. Этот участок советско-финляндской границы, ближе всего подступавший к Ленинграду (от Белоострова до северной окраины города по прямой линии всего 32 километра), представлял собой непосредственную угрозу нашему городу, позволяя финляндской дальнобойной артиллерии в любой момент подвергнуть его бомбардировке. Воздвигая здесь железобетонные укрепления, создавая мощные укрепленные районы на этих кратчайших к Ленинграду путях, финская военщина и ее зарубежные заказчики стремились сделать невозможным наступление наших частей на этом участке будущего фронта и сохранить таким путем в своих руках все вытекающие из этого оперативно-стратегические выгоды.

Во время боевых действий зимой 1939—1940 годов эти укрепления Карельского перешейка, известные под общим названием «линия Маннергейма», сделались местом решаю-

щих операций Красной Армии против белофиннов. Они заключали в себе четыре укрепленных сектора и Выборгский укрепленный район (см. схему 4). Это были:

1. Тайпалеенский укрепленный сектор, упиравшийся своим левым флангом в Ладожское озеро, а правым — в озеро Вуоксенярви. Передний край укреплений этого сектора проходил по северному берегу озера Суванто и реки Тайпалеенйоки.

Этот сектор запирал Кексгольмское направление.

2. Салменкайта-Илвесский укрепленный сектор, упиравшийся своими флангами в озера Вуоксенярви (слева) и Муолаярви (справа).

Этот сектор запирал пути к городу Антреа.

3. Ляйпясуо-Суммский, наиболее мощный укрепленный сектор, ограниченный на своих флангах озером Муолаярви (слева) и водной системой озера Куолемаярви (справа).

Этот сектор запирал наиболее важные железнодорожный и шоссейный пути, идущие вдоль Карельского перешейка на город Виипури.

4. Приморский укрепленный район, включавший в себя узлы Кархула, Колккала, Хумалйоки и крепость Койвисто (Бьёркё). Его правый фланг упирался в море у города Мурила.

Укрепления этого сектора прикрывали правый фланг «линии Маннергейма» со стороны моря и одновременно запирали пути на город Виипури, проложенные вдоль морского побережья.

5. Выборгский укрепленный район, с расположенной на островах Выборгского залива крепостью Тронгзунд, находился в глубине укрепленной полосы, охватывая с востока, юга и юго-запада ближние подступы к городу Виипури.

Этот укрепленный район прикрывал ближайшие подступы к городу Виипури.

Все эти укрепления, пересекавшие Карельский перешеек от Ладожского озера до Выборгского залива, входили в состав «линии Маннергейма».

Товарищ Молотов в своем докладе на Шестой сессии Верховного Совета СССР 29 марта 1940 года охарактеризовал «линию Маннергейма» следующим образом:

«... поблизости от Ленинграда, на всем Карельском перешейке, углубляясь на 50—60 километров, финляндские власти соорудили многочисленные и мощные железобетонные и гранитноземляные военные укрепления с артиллерией и пулеметами. Число этих укреплений исчисляется многими сотнями. Эти военные укрепления, особенно железобетонные сооружения, достигшие значительной военной мощи, имевшие под-

Схема 4. Белофинские укрепления на Карельском перешейке.

земные соединения, окруженные специальными противотанковыми рвами и надолбами из гранита и поддерживаемые устройством многочисленных минных полей, в совокупности составляли так называемую „линию Маннергейма”, построенную под руководством соответствующих иностранных специалистов по типу „линии Мажино” и „линии Зигфрида”. Следует отметить, что эти укрепления считались до наших дней неприступными, т. е. такими укреплениями, которые до сих пор еще ни одной армией не были сокрушены. Следует также отметить, что каждую деревушку в этих районах финские военные власти заранее старались превратить в укрепленный пункт, снабженный оружием, радиоантеннами, колонками для горючего и т. п. Во многих местах в южной и восточной Финляндии вплотную к нашей границе были проведены стратегические железнодорожные пути и шоссейные дороги, не имеющие никакого хозяйственного значения».

Созданные белофиннами на Карельском перешейке укрепления делились в глубину на:

1. Небольшие пограничные укрепления полевого типа, расположенные вдоль нашей границы, главным образом, под прикрытием естественных препятствий (реки, болота и т. п.).

2. Предполье, имевшее своим назначением задержать наступление частей Красной Армии, измотать их системой заграждений и промежуточных оборонительных рубежей, оторвать от наступающих частей танки и тяжелую артиллерию.

3. Основная укрепленная полоса, о которую должны были разбиться усилия наступающих частей Красной Армии.

Как промежуточные укрепления предполья, так и железобетонные и гранитно-земляные сооружения основной укрепленной полосы седлали, как правило, перешейки между многочисленными озерами или располагались за речными преградами. Там, где не было озер или реки, белофинны расчищали лес и заболачивали местность, используя все местные возможности для усиления возведенных укреплений.

Каждый укрепленный сектор «линии Маннергейма» распадался, в зависимости от характера местности, на различное количество узлов сопротивления, связанных между собой подготовленными заблаговременно полевыми позициями. Глубина узла сопротивления достигала четырех и более километров. Общая глубина основной укрепленной полосы на Выборгском направлении была до 30—35 километров.

Как правило, каждый узел сопротивления имел от 4 до 8 опорных пунктов. Основной костяк каждого такого опорного пункта составляли 3—5 железобетонных сооружений артиллерийско-пулеметного типа.

Эти сооружения, получившие название дотов (долговременные огневые точки), были двух типов — меньшие, построенные до 1937 года, и более крупные, построенные в 1938—1939 годах.

Первые из них, рассчитанные на 2—3 пулеметные амбразуры, были размером 12 × 8 или 16 × 10 метров при толщине стен от 1,2 до 1,5 метра и с покрытием в 1,5 метра. Амбразуры были снабжены щитами из стальной брони. Ряд дотов имел бронебашни.

Вторые имели по 5—10 амбразур для пулеметов и 37-миллиметровых скорострельных пушек. Часть амбразур была двухэтажная. Размер сооружения составлял 40 × 12 метров при толщине стен в 1,75 метра.

Внутреннее устройство дотов меньшего размера состояло из боевых казематов и помещения с нарами для отдыха личного состава гарнизона дота. Крупные доты имели под землей железобетонные казармы, рассчитанные на гарнизон в 40—60 человек. Все доты были обеспечены водой, путем устройства фильтров и колодцев, электрическим освещением, вентиляцией, телефонной и радиосвязью и звонковой и ламповой сигнализацией.

Железобетонные доты располагались в глубине и прикрывались с фронта системой деревянно-земляных огневых точек (дзоты) и окопными сооружениями полевого типа.

Деревянно-земляные укрепления располагали 1—3 амбразурами для пулеметов. Их покрытие было так рассчитано, чтобы выдержать действие снарядов тяжелой артиллерии. В системе опорных пунктов дзоты сочетались с пулеметными гнездами полевого типа, обеспечивая перед опорными пунктами и внутри их многослойный пулеметный огонь.

Особенное внимание было при этом обращено на организацию перекрестного флангового или косоприцельного огня.

На подступах к укреплениям всех типов были устроены искусственные противопехотные и противотанковые препятствия, состоявшие из колючей проволоки, каменных надолб, эскарпов, минных полей и т. д. На некоторых, наиболее важных участках фронта эти искусственные препятствия образовывали сложную систему, требовавшую от наших частей большого уменья, мужества и геройства для их преодоления.

Так например, в Ляйпясуо-Суммском укрепленном секторе искусственные препятствия перед передним краем основной укрепленной полосы белофиннов состояли из 1—2 полос проволочных заграждений в 3—5 кольев каждая, проложенных в 75—150 метрах от огневых точек. Перед проволокой, в 40—50 метрах от нее, были устроены широкие

противотанковые рвы, перед которыми в 15—50 метрах торчали гранитные надолбы, поставленные в 4—5 рядов. Наконец, перед надолбами проходили вновь заграждения колючей проволоки в 3—5 кольев.

Внутри укрепленных районов, в свою очередь, была устроена целая система искусственных препятствий из колючей проволоки, минных полей, завалов, засек и т. д.

Все сооружения тщательно маскировались. Пересеченный и лесистый характер местности создавал исключительно благоприятные условия для маскировки.

Белофинская воинствующая клика Таннера — Маннергейма, а вместе с ней и англо-французские военные эксперты полагали, что укрепления Карельского перешейка, занятые финляндскими войсками и усиленные частями полевой артиллерии, надежно обеспечат им осуществление их далеко идущих антисоветских стратегических замыслов.

В мае — июне 1939 года белофинские укрепления осматривал английский генерал Кирк, который неоднократно привлекался финляндскими правителями в качестве эксперта. По словам финской печати, генерал Кирк был «восхищен» созданными на Карельском перешейке укреплениями. В августе того же года эти укрепления осматривались военным министром Швеции генералом Шельдом, также давшим им весьма положительную оценку.

Характерно, что строитель бельгийских укреплений генерал Баду, состоявший техническим советником при устройстве «линии Маннергейма», еще в январе 1940 года, когда наши части уже вели в ряде мест самоотверженную борьбу за передний край главной укрепленной полосы белофиннов, не верил в возможность ее прорыва. Он писал в газете «Листувос жиниос»:

«Нигде в мире природные условия не были так благоприятны для постройки укрепленных линий, как в Карелии. На этом узком месте между двумя водными пространствами — Ладожским озером и Финским заливом — имеются непроходимые леса и громадные скалы. Из дерева и гранита, а где нужно и из бетона, построена „линия Маннергейма". Величайшую крепость придают „линии Маннергейма" сделанные в граните противотанковые препятствия; даже двадцатипятитонные танки не могут их преодолеть. В граните финны при помощи взрывов оборудовали пулеметные и орудийные гнезда, которым не страшны самые сильные бомбы. Там, где нехватало гранита, финны не пожалели бетона».

Генерал Баду верил в неприступность «линии Маннергейма», считал тщетными усилия Красной Армии прорвать ее.

Указывая, что в убежищах современного типа, построенных на «линии Маннергейма», финский солдат-наблюдатель неуязвим, он пророчил провал всякой попытки прорыва подобной укрепленной полосы.

Возводя укрепления, руководство финской военщины позаботилось и о развертывании в стране военной промышленности. Были построены 3 орудийных завода, 3 завода, производящие порох и взрывчатые вещества, 2 патронных завода, снарядный завод, авиационный завод, химические заводы, судостроительные верфи и т. д. Все это еще более поднимало значение Финляндии в качестве военного плацдарма англо-французского империализма.

«...Финляндия, — как указал в своем докладе 29 марта 1940 года товарищ Молотов, — и, прежде всего, Карельский перешеек, была уже к 1939 году превращена в готовый военный плацдарм для третьих держав для нападения на Советский Союз, для нападения на Ленинград».

На этом плацдарме, в качестве армии прикрытия, до прибытия и развертывания армий третьих держав, то есть их мощных экспедиционных сил, должны были действовать вооруженные силы самой Финляндии.

Затевая, по указке англо-французских империалистов, военную авантюру против Советского Союза, белофинские правители мобилизовали в ряды армии до 25 возрастов, что составило около 500 тысяч человек, или одного человека на каждые 7 человек населения.

Укрепления «линии Маннергейма» на Карельском перешейке еще задолго до начала боевых действий были заняты крупными силами белофиннов. На важнейшем Выборгском направлении, в глубине обороны, расположились танковые части с десятками импортных машин. На ближайших к Ленинграду финских аэродромах находились к этому времени в полной боевой готовности до 150 самолетов. Остальные белофинские части были направлены на другие участки советско-финляндской границы. Значительная их часть была оставлена в глубине страны в качестве стратегического резерва.

Англо-французские империалисты могли быть довольны. Буржуазия Финляндии, потопив в море крови собственного народа революционное движение, толкала теперь этот народ на военную авантюру, сулившую ему новые лишения и жертвы, и предоставляла зарубежным хозяевам свою территорию в качестве военного плацдарма для нападения на страну Советов.

Плацдарм этот был готов. Казалось, что все идет как нельзя лучше. Прожженным любителям загребать жар чужими

руками оставалось только найти, кроме своих экспедиционных войск, не особенно многочисленных, кстати сказать (по последним данным они не превышали 100—200 тысяч человек), такие армии, на которые можно было бы взвалить основные трудности предстоящего похода.

В конце 1939 года нужные вооруженные силы стали определяться в лице армий скандинавских стран. Эти страны предстояло только втянуть в военный конфликт с Советским Союзом.

Такая перспектива, как казалось англо-французским поджигателям войны, имела все основания для успешного осуществления.

НА СТРАЖЕ БЕЗОПАСНОСТИ РОДИНЫ И СЛАВНОГО ГОРОДА ЛЕНИНА

Переговоры между Советским правительством и правительством Финляндии происходили в обстановке второй мировой империалистической войны.

Уже третий месяц правительства и генеральные штабы Англии и Франции прилагали все усилия к тому, чтобы расширить за счет других стран театр военных действий в Европе.

Использование с этой целью финляндского военного плацдарма в соединении с военным выступлением скандинавских стран означало бы оккупацию англо-французскими военными силами Севера Европы. Это означало бы появление англо-французских войск в непосредственной близости к жизненным центрам Германии. Кроме того, Германия в этом случае была бы лишена импорта из Скандинавии.

Поэтому нет ничего удивительного в том, что начавшиеся переговоры между Советским правительством и Финляндским правительством Эркко—Таннера—Маннергейма проходили при непрерывном нажиме англо-французских дипломатических представителей на правительство Финляндии. Правительство лорда Чемберлена не скупилось при этом на обещания и гарантии. Под предлогом неприкосновенности границ Финляндии, гарантированных Англией, была поднята широкая клеветническая кампания против Советского Союза, посягающего якобы на независимость малых «демократических» стран в лице Финляндии, нарушающего якобы устав Лиги наций и т. д. Вся буржуазная пресса Финляндии и, в особенности, Англии и Франции представляла деятельность своих правительств в свете благородной помощи «малому государству», которое подвергается, видите ли, нападению со стороны Советской страны.

«... Наемные разбойники пера, — говорил товарищ Молотов на Шестой сессии Верховного Совета СССР 29 марта 1940 года, — из числа всяких писателей, специализировавшихся на газетном жульничестве и надувательстве, пытаются объяснить подобное поведение англо-французских кругов особой заботой о „малых народах". Но объяснить эту политику Англии и Франции особой заботой об интересах малого государства просто смешно. Объяснять ее обязательствами перед Лигой Наций, которая потребовала, де, защиты ее члена, также совершенно неостроумно.

...На самом деле, права и интересы малых народов представляют разменную монету в руках империалистов».

Фактическое содержание финляндско-советских переговоров при этом тщательно замалчивалось буржуазной прессой, а если что и приводилось, то в искаженном виде. Все это вытекало непосредственно из той резко враждебной Советскому Союзу политики, которую на протяжении многих лет проводили правители Финляндии во главе с Эркко, Таннером, Маннергеймом. Форсированное строительство укреплений на Карельском перешейке, устройство многочисленных аэродромов, в количестве, во много раз превышающем нужды самой Финляндии, попытки укрепить Аландские острова и т. п. — все это заставило Советское правительство выдвинуть перед Финляндией справедливые и минимальные предложения, направленные только к тому, чтобы обезопасить советскую северо-западную границу и город Ленинград от всяких военных неожиданностей.

Правительство Советского Союза выступило с предложениями, которые, в случае их принятия, не нанося ущерба Финляндии, в то же время смягчали бы создавшееся напряженное положение на нашей северо-западной границе и в особенности на подступах к Ленинграду.

«... Не трудно понять, — говорил товарищ Молотов на внеочередной Пятой сессии Верховного Совета СССР 31 октября 1939 года, — что в современной международной обстановке, когда в центре Европы развертывается война между крупнейшими государствами, чреватая большими неожиданностями и опасностями для всех европейских государств, — Советский Союз не только имеет право, но и обязан принимать серьезные меры для укрепления своей безопасности. При этом естественно, что Советское Правительство проявляет особую заботу относительно Финского залива, являющегося морским подступом к Ленинграду, а также относительно той сухопутной границы, которая в каких-нибудь 30 километрах нависла над Ленинградом. Я напомню, что население Ленин-

града достигло трех с половиной миллионов, что почти равно населению всей Финляндии, насчитывающей 3 миллиона 650 тысяч жителей».

Предложения Советского правительства выражали собой ту, проникнутую миром, добрососедскую позицию, которую Советский Союз занимал в отношении Финляндии с декабря 1917 года, то есть с момента признания ее независимости. В том же выступлении товарищ Молотов изложил эти предложения с предельной ясностью и полнотой. Он сказал:

«Мы начали переговоры с представителями Финляндии, для чего Финляндское правительство командировало в Москву г.г. Паасикиви и Таннера, с предложением заключить советско-финский пакт взаимопомощи, примерно, по типу наших пактов взаимопомощи с другими прибалтийскими государствами. Поскольку, однако, Финляндское правительство заявило нам, что заключение такого пакта противоречило бы занятой им позиции абсолютного нейтралитета, мы не стали настаивать на нашем предложении. Мы предложили тогда перейти к конкретным вопросам, в которых мы заинтересованы с точки зрения обеспечения безопасности СССР и, в особенности, безопасности Ленинграда, как со стороны моря — в Финском заливе, так и со стороны суши, ввиду чрезмерной близости пограничной линии к Ленинграду. Мы предложили договориться о том, чтобы отодвинуть на север от Ленинграда на несколько десятков километров советско-финскую границу на Карельском перешейке. Взамен этого мы предложили передать Финляндии часть территории Советской Карелии, превышающую в два раза территорию, передаваемую Финляндией Советскому Союзу. Мы предложили также договориться о том, чтобы Финляндия сдала нам в аренду на определенный срок небольшой участок своей территории в районе входа в Финский залив, дабы мы могли там организовать военно-морскую базу. При наличии советской военно-морской базы у южного входа в Финский залив, а именно в Балтийском порту, как это обусловлено советско-эстонским пактом взаимопомощи, создание военно-морской базы у северного входа в Финский залив могло бы полностью обеспечить безопасность Финского залива против враждебных покушений со стороны других государств. Мы не сомневаемся в том, что создание такой базы соответствует интересам не только Советского Союза, но и безопасности самой Финляндии. Другие наши предложения и, в частности, наше предложение об обмене территории некоторых островов в Финском заливе, а также части полуостровов Рыбачий и Средний на двойную по размерам территорию в Советской Карелии, по-

видимому, не встречают возражений со стороны Финляндского правительства...

Мы сделали, далее, ряд новых шагов навстречу Финляндии. Мы сказали, что, если будут приняты наши основные предложения, мы готовы снять наши возражения против вооружения Аландских островов, на чем уже давно настаивает Финляндское правительство. Мы оговорили только, что мы снимаем свои возражения против вооружения Аландских островов при условии, что указанные вооружения будут проводиться национальными силами самой Финляндии и что в этих вооружениях третьи страны не будут принимать никакого участия, поскольку и СССР не участвует в них. Мы предложили также Финляндии провести на всей советско-финской границе на Карельском перешейке разоружение укрепленных районов, что должно целиком соответствовать интересам Финляндии. Мы выразили, далее, желание усилить советско-финский пакт ненападения дополнительными взаимными гарантиями. Наконец, упрочение политических советско-финских отношений несомненно явилось бы прекрасной базой и для быстрого подъема хозяйственных отношений между нашими странами.

Таким образом, мы готовы итти навстречу Финляндии в тех вопросах, в которых она особенно заинтересована».

Несмотря на предельно ясную мирную позицию Советского правительства и исключительную скромность сделанных им предложений, Финляндское правительство Эркко—Таннера—Маннергейма, толкаемое на вооруженный конфликт с СССР англо-французскими империалистами, заняло резко враждебную по отношению к СССР позицию. Чем больше старалось Советское правительство мирным путем разрешить вопрос о безопасности северо-западных границ СССР, тем наглее и непримиримее становились представители Финляндии.

На советско-финляндской границе, главным образом на участке, проходящем через Карельский перешеек, стали сосредоточиваться белофинляндские войска. Вскоре обнаглевшие шюцкоровцы, с благословения финского командования, начали провоцировать столкновения с нашими пограничниками. Надо было иметь большое самообладание, чтобы не дать провокаторам войны добиться своих целей. Наши пограничники показали себя стойкими сынами нашей великой родины, — ни одним выстрелом не ответили они на провокационные выходки и огонь финской белогвардейщины.

К двадцатым числам ноября белофинские провокации еще больше усилились. Наконец, 26 ноября наши пограничные части были неожиданно подвергнуты обстрелу с финской

территории артиллерийским огнем, в результате чего с нашей стороны были жертвы.

Этот возмутительный факт, в результате которого была пролита кровь советских бойцов, переполнил чашу терпения советского народа. Сообщение ТАССа о наглой выходке финской белогвардейщины, напечатанное в газетах от 27 ноября, подняло бурю негодования на заводах и фабриках, в колхозах и научных институтах, в университетах, в школах... Всюду, на огромном пространстве нашей родины, от Владивостока до Львова и от Мурманска до Баку и Ташкента, прокатывались волны митингов протеста против провокаций белофинской военщины. С величайшим удовлетворением принял советский народ весть о ноте Советского правительства от 26 ноября 1939 года правительству Финляндии по поводу белофинской провокации. Эта нота гласила:

«Господин посланник!

По сообщению Генерального Штаба Красной Армии сегодня, 26 ноября в 15 часов 45 минут наши войска, расположенные на Карельском перешейке у границы Финляндии около села Майнила, были неожиданно обстреляны с финской территории артиллерийским огнем. Всего было произведено семь орудийных выстрелов, в результате чего убито трое рядовых и один младший командир, ранено семь рядовых и двое из командного состава. Советские войска, имея строгое приказание не поддаваться провокации, воздержались от ответного обстрела.

Советское Правительство, ставя Вас об этом в известность, считает нужным подчеркнуть, что оно уже во время недавних переговоров с г.г. Таннером и Паасикиви указывало на опасность, которую создает сосредоточение большого количества регулярных финляндских войск у самой границы под Ленинградом. Теперь, в связи с фактом провокационного артиллерийского обстрела советских войск с финляндской территории, Советское Правительство вынуждено констатировать, что сосредоточение финляндских войск под Ленинградом не только создает угрозу для Ленинграда, но и представляет на деле враждебный акт против СССР, уже приведший к нападению на советские войска и к жертвам.

Советское Правительство не намерено раздувать этот возмутительный акт нападения со стороны частей финляндской армии, может быть, плохо управляемых финляндским командованием. Но оно хотело бы, чтобы такие возмутительные факты впредь не имели места.

Ввиду этого Советское Правительство, заявляя решительный протест по поводу случившегося, предлагает финлянд-

скому правительству незамедлительно отвести свои войска подальше от границы на Карельском перешейке — на 20—25 километров, и тем предотвратить возможность повторных провокаций.

Примите, господин посланник, уверения в совершенном к Вам почтении.

Народный Комиссар Иностранных Дел СССР В. Молотов».

Твердая позиция, занятая Советским правительством, вызвала многочисленные одобрительные отклики во всей Советской стране.

«Бездарные правители Финляндии, выполняя приказ своих империалистических хозяев, затевают новую провокацию, создавая угрозу нашему городу Ленина, — писали в своей резолюции рабочие и служащие московского автозавода имени Сталина. — Трудящиеся Советского Союза не потерпят подобных злостных выпадов против нашей родины. Мы горячо приветствуем решительный ответ нашего правительства и целиком присоединяемся к требованию ноты СССР: незамедлительно отвести финские войска подальше от границы на Карельском перешейке — на 20—25 километров, и тем предотвратить возможность повторных провокаций.

Долой провокаторов войны! Все, как один, пойдем на защиту социалистического отечества!

Да здравствует великий Советский Союз!

Да здравствует Красная Армия и Военно-Морской Флот — надежный оплот мира!

Да здравствует наш вождь великий Сталин!»

Многолюдные митинги состоялись на фабриках и заводах Ленинграда. На митинге рабочих промышленного гиганта — Кировского завода рабочий Дашкевич заявил:

«Наша страна строит здание коммунизма, мы никому не позволим нарушать наш мирный труд. На удар врага ответим тройным ударом».

В принятой единогласно резолюции говорилось:

«Мы, кировцы, свято храня октябрьские завоевания и верные славным революционным традициям путиловцев, заверяем правительство, партию и великого Сталина, что приложим все силы к дальнейшему укреплению нашей социалистической родины. По первому зову партии и правительства мы готовы с оружием в руках выступить на защиту социалистической родины и нанести кровавым поджигателям войны сокрушительный удар.

Да здравствует наша славная Красная Армия и Военно-Морской Флот!

Да здравствует наше Советское правительство!

Да здравствует наш любимый вождь товарищ Сталин!».

На митинге рабочих и служащих фабрики «Бранка» в городе Львове работница фабрики Е. С. Кузьминская заявила:

«Мы хорошо знаем, где кроются корни провокации на советско-финляндской границе. Незадачливые правители Финляндии затеяли опасную игру. Наша великая родина — Советский Союз, счастливыми гражданами которой являемся мы, трудящиеся Западной Украины, настолько сильна, настолько могуча, что сможет в любой момент обуздать подлых провокаторов войны».

В единогласно принятой резолюции присутствующие обращались к Советскому правительству с просьбой положить конец подлой игре политических картежников, обуздать финских провокаторов войны.

Выступая на многолюдном митинге в селе Свинопуха Черниговской области (колхоз «Жовтнева перемога»), колхозник И. Криволап сказал:

«Неразумные финляндские правители делали все, чтобы прервать переговоры с Советским Союзом. Следующий их этап — провокация на советской границе. На эту провокацию поджигателей войны мы, колхозники, в один голос заявляем: мы не желаем войны, но к войне готовы. Советский народ, руководимый партией большевиков, готов в любую минуту выступить на защиту своих границ».

Так было по всей стране. В знойной Средней Азии и за Полярным кругом, в Восточной Сибири и в городах и селах Западной Украины и Западной Белоруссии, всюду, где развеваются красные флаги нашей прекрасной родины, собирались советские люди и слали своему правительству шедшие от самого сердца заверения о полной готовности с оружием в руках выступить на защиту советских границ, отдать свои жизни за ту светлую, счастливую жизнь, которую они строят под руководством большевистской партии, под руководством великого вождя, друга и учителя всех трудящихся товарища Сталина.

Между тем провокаторы войны продолжали творить свое гнусное дело. По всей Финляндии была развернута разнузданная антисоветская кампания. Финляндские газеты были переполнены клеветническими «сенсационными» сообщениями о Советском Союзе. Не малое место занимали в них и заявления о неприступности «линии Маннергейма» и о слабости Красной Армии, не способной якобы ее прорвать.

Даже в день отъезда в Москву представителей белофинского правительства для переговоров с Советским правительством финляндский официоз — газета «Ууси Суоми» — нагло

писал в своей передовице о том, что эти представители должны вести порученные им переговоры с полнейшей независимостью. В качестве «основания» для такого напутствия развязные борзописцы указывали на то, что Советский Союз никогда не решится применить силу в отношении Финляндии, что Красная Армия не может перейти советско-финляндскую границу, так как для установленной вдоль нее финляндской артиллерии достаточно 2—5 минут, чтобы обрушить на Ленинград целые тонны стали.

Эта полная готовность Финляндии к боевым действиям против Советского Союза являлась, по словам «Ууси Суоми», одним из основных козырей в руках правительства Таннера—Эркко, чтобы вынудить Советское правительство уступить обнаглевшим провокаторам войны и вновь заставить советский народ жить под постоянной угрозой военного нападения империалистов.

Не удивительно после этого, что в ответ на ноту Советского правительства от 26 ноября 1939 года правители Финляндии прислали наглое отрицание факта провокационной артиллерийской стрельбы по нашим войскам и отказ отвести свои войска от советской границы. И это в то время, когда финские шюцкоровцы продолжали не раз стрелять по нашим бойцам, вновь провоцируя открытие военных действий.

Вследствие этого товарищ Молотов принял 28 ноября посланника Финляндии г. Ирие-Коскинен и вручил ему ответную ноту Советского правительства следующего содержания:

«Господин посланник!

Ответ правительства Финляндии на ноту Советского правительства от 26 ноября представляет документ, отражающий глубокую враждебность правительства Финляндии к Советскому Союзу и призванный довести до крайности кризис в отношениях между обеими странами.

1. Отрицание со стороны правительства Финляндии факта возмутительного артиллерийского обстрела финскими войсками советских войск, повлекшего за собой жертвы, не может быть объяснено иначе, как желанием ввести в заблуждение общественное мнение и поиздеваться над жертвами обстрела. Только отсутствие чувства ответственности и презрительное отношение к общественному мнению могли продиктовать попытку объяснить возмутительный инцидент с обстрелом „учебными упражнениями" советских войск в артиллерийской стрельбе у самой линии границы на виду у финских войск.

2. Отказ правительства Финляндии отвести войска, совершившие злодейский обстрел советских войск, и требование об одновременном отводе финских и советских войск, исхо-

дящие формально из принципа равенства сторон, изобличают враждебное желание правительства Финляндии держать Ленинград под угрозой. На самом деле мы имеем здесь не равенство в положении финских и советских войск а, наоборот, преимущественное положение финских войск. Советские войска не угрожают жизненным центрам Финляндии, ибо они отстоят от них на сотни километров, тогда как финские войска, расположенные в 32 километрах от жизненного центра СССР — Ленинграда, насчитывающего 3 с половиной миллиона населения, создают для него непосредственную угрозу. Не приходится уже говорить о том, что советские войска, собственно, некуда отводить, так как отвод советских войск на 25 километров означал бы расположение их в предместьях Ленинграда, что является явно абсурдным с точки зрения безопасности Ленинграда. Предложение Советского правительства об отводе финских войск на 20—25 километров является минимальным, ибо оно ставит своей целью не уничтожение этого неравенства в положении финских и советских войск, а лишь некоторое его смягчение. Если правительство Финляндии отклоняет даже это минимальное предложение, то это значит, что оно намерено держать Ленинград под непосредственной угрозой своих войск.

3. Сосредоточив под Ленинградом большое количество регулярных войск и поставив, таким образом, важнейший жизненный центр СССР под непосредственную угрозу, правительство Финляндии совершило враждебный акт в отношении СССР, несовместимый с пактом о ненападении, заключенным между обеими странами. Отказавшись же отвести войска хотя бы на 20—25 километров после происшедшего злодейского артиллерийского обстрела советских войск со стороны финских войск, правительство Финляндии показало, что оно продолжает оставаться на враждебных позициях в отношении СССР, не намерено считаться с требованиями пакта о ненападении и решило и впредь держать Ленинград под угрозой. Но правительство СССР не может мириться с тем, чтобы одна сторона нарушала пакт о ненападении, а другая обязывалась исполнять его. Ввиду этого, Советское правительство считает себя вынужденным заявить, что с сего числа оно считает себя свободным от обязательств, взятых на себя в силу пакта о ненападении, заключенного между СССР и Финляндией и систематически нарушаемого правительством Финляндии.

Примите, господин посланник, уверения в совершенном к Вам почтении.

Народный Комиссар Иностранных Дел СССР В. Молотов».

Нота Советского правительства не остановила воинствующую белофинскую клику. Вместо того чтобы найти почву для соглашения, финляндские правители, в угоду иностранным империалистам, пошли по другому пути и продолжали сохранять по отношению к нашей стране непримиримо враждебную позицию. Стало очевидным, что дальнейшие нормальные дипломатические отношения с Финляндским правительством в данных условиях немыслимы.

В своей речи по радио 29 ноября 1939 года товарищ Молотов по этому поводу сказал:

«Все это окончательно показало, что нынешнее финляндское правительство, запутавшееся в своих антисоветских связях с империалистами, не хочет поддерживать нормальных отношений с Советским Союзом. Оно продолжает занимать враждебную позицию в отношении нашей страны и не хочет считаться с требованиями заключенного между нашими странами пакта ненападения, желая держать наш славный Ленинград под военной угрозой. От такого правительства и его безрассудной военщины можно ждать теперь лишь новых наглых провокаций.

Поэтому Советское правительство вынуждено было вчера заявить, что отныне оно считает себя свободным от обязательств, взятых на себя в силу пакта о ненападении, заключенного между СССР и Финляндией и безответственно нарушаемого правительством Финляндии.

Ввиду новых фактов нападения финляндских воинских частей на советские войска у советско-финляндской границы, правительство вынуждено теперь принять новые решения.

Правительство не может больше терпеть создавшегося положения, ответственность за которое полностью ложится на правительство Финляндии.

Правительство пришло к выводу, что больше оно не может поддерживать нормальных отношений с правительством Финляндии, и потому признало необходимым немедленно отозвать из Финляндии своих политических и хозяйственных представителей.

Правительство дало, вместе с тем, распоряжение Главному Командованию Красной Армии и Военно-Морского Флота — быть готовым ко всяким неожиданностям и немедленно пресекать возможные новые вылазки со стороны финляндской военщины».

Указав далее, что мероприятия Советского правительства отнюдь не имеют своей целью посягнуть на независимость Финляндии или на вмешательство в ее внутренние и внешние дела, товарищ Молотов так заканчивал свое выступление:

«Единственной целью наших мероприятий является — обеспечение безопасности Советского Союза и особенно Ленинграда с его трех с половиной миллионным населением. В современной накаленной войною международной обстановке решение этой жизненной и неотложной задачи государства мы не можем поставить в зависимость от злой воли нынешних финляндских правителей».

Открывшиеся на следующий день боевые действия явились прямым результатом провокационной деятельности Финляндского правительства Таннера—Эркко—Маннергейма и их зарубежных хозяев из англо-французского империалистического блока.

ВПЕРЕД,

ЗА РОДИНУ! ЗА СТАЛИНА!

30 ноября 1939 года, ввиду непрекращавшихся провокаций со стороны белофинской военщины и явной нагло-враждебной позиции, занятой Финляндским правительством Каяндера—Эркко—Таннера, вооруженные силы Советской страны оказались вынужденными открыть военные действия.

Приказ войскам Ленинградского военного округа, подписанный командующим войсками товарищем Мерецковым и членом Военного совета товарищем Ждановым, гласил:

«Терпению советского народа и Красной Армии пришел конец.

Пора проучить зарвавшихся и обнаглевших политических картежников, бросивших наглый вызов советскому народу, и в корне уничтожить очаги антисоветских провокаций и угроз Ленинграду.

Товарищи красноармейцы, командиры, комиссары и политработники!

Выполняя священную волю Советского Правительства и нашего Великого народа, приказываю:

Войскам Ленинградского военного округа перейти границу, разгромить финские войска и раз и навсегда обеспечить безопасность северо-западных границ Советского Союза и города Ленина — колыбели пролетарской революции.

Мы идем в Финляндию не как завоеватели, а как друзья и освободители финского народа от гнета помещиков и капиталистов. Мы идем не против финского народа, а против правительства Каяндера—Эркко, угнетающего финский народ и спровоцировавшего войну с СССР.

Мы уважаем свободу и независимость Финляндии, полученную финским народом в результате Октябрьской революции и победы Советской власти. За эту независимость вместе с финским народом боролись русские большевики во главе с Лениным и Сталиным».

Приказ заканчивался словами:

«За безопасность северо-западных границ СССР и славного города Ленина!

За нашу любимую родину!

За Великого Сталина!

Вперед, сыны советского народа, воины Красной Армии, на полное уничтожение врага!».

Утро этого исторического дня ознаменовалось первой победой наших наземных частей, воздушных эскадрилий и боевых кораблей над обнаглевшим врагом.

Ровно в 8 часов утра 30 ноября 1939 года войска Ленинградского военного округа перешли в наступление. Мощный огневой шквал нашей тяжелой артиллерии, в соединении с атакой бомбардировочной и штурмовой авиации и стремительным продвижением вперед пехотных и танковых частей, не оставил белофинским провокаторам войны и тех 2—5 минут, в которые они намеревались начать артиллерийский обстрел Ленинграда и обрушить на него тонны стали.

Яркие вспышки орудийных выстрелов в тысячах точек прорезали сероватые сумерки позднего рассвета. Утреннюю тишину нарушил грохот артиллерийской канонады, вой снарядов, удары далеких разрывов. Дальнобойные пушки Кронштадта и его могучих фортов одновременно с батареями корпусной и дивизионной артиллерии обрушили на врага тонны металла. Они разбивали его укрепления, подбивали орудия его батарей, сеяли панику и расстройство в его рядах.

«Над лесом проносились лавины снарядов всяких калибров, — рассказывает писатель Н. Вирта, — и бухали разрывы за рубежом, поражая станции, погранзаставу, скопления шюцкоровских и регулярных финских войск, сметая все, что могло бы помешать движению Красной Армии». Орудийный огонь наших батарей отличался исключительной меткостью.

Обрабатывая общественное мнение и готовясь к войне, белофинские правители распространяли слухи о том, что артиллеристы Красной Армии обучены плохо и что орудия у нас низкого качества. Утро 30 ноября 1939 года принесло горькое разочарование всем тем, кто поверил в эти нелепые утверждения. Разрушенные укрепления, разбитые орудия белофинских батарей, оказавшиеся бессильными воспрепятствовать наступлению наших частей, взорванные нашими снарядами склады боеприпасов, зажженные казармы и станционные постройки — таков был первый наглядный урок нашей силы в то сырое туманное утро.

Номера орудийных расчетов, связисты, наблюдатели-вычи-

слители, разведчики работали с исключительным подъемом, точно и четко выполняя поставленные им задачи. Продвижение батарей на новые огневые позиции за черту государственной границы было встречено возгласами — За Родину! За Сталина! Вперед!

Охвативший артиллеристов подъем лучше всего характеризовался небольшим эпизодом, происшедшим при переправе одной из батарей через пограничную речку. Во время этой переправы машина орудийного расчета, где командиром был тов. Сытко, внезапно остановилась. Мотор заглох. До другого берега оставалось еще довольно большое расстояние. Несмотря на зимний холод, командир орудия Сытко, младший командир Сусленко и боец Кошелев немедленно разделись и прыгнули в студеную, обжигающую холодом, воду реки. Дружными усилиями они убрали камень, попавший под машину, прицепили к ней трос тягача и обеспечили этим безостановочную переправу всей батареи и ее своевременный выезд на новую огневую позицию.

Таких примеров подлинного мужества можно было бы привести много.

Под прикрытием артиллерийского огневого шквала перешли в наступление пехота и танки.

На Карельском перешейке, там, где советско-финляндская граница у Белоострова ближе всего подступала к северным предместьям Ленинграда, пришлось переправляться через пограничную реку Сестру.

По колено в ледяной воде работали над наводкой временного моста для пехоты саперы. Прикрывая переправу наших частей через реку, лейтенант-артиллерист Платунов смело выкатил свои орудия на открытую позицию и прямой наводкой подавлял огонь вражеских пулеметов. Будучи ранен, он не покинул своего поста, пока не выполнил боевого приказа. Исключительной меткостью огня выделилась батарея лейтенанта-артиллериста Самсонова, уничтожившая заставу белофиннов и ловко расчищавшая путь нашей пехоте. Первым переправился через реку батальон старшего лейтенанта Хованского. Во время переправы отличились командир взвода Васов, младшие командиры Попов и Анищенко, бойцы Пустакин, Меллованов, Анисимов и многие другие. Лейтенант Шабалин, будучи трижды ранен осколками снарядов, отказался покинуть строй до выполнения боевой задачи своего подразделения.

Одним из первых ворвался в расположение врага на этом же участке фронта батальон капитана Угрюмова, ныне Героя Советского Союза.

Это было стремительное наступление на плечах отходивших к северу от пограничных окопов белофинских частей. Не давая противнику закрепиться на промежуточных рубежах, роты капитана Угрюмова сбивали врага, охватывая с флангов, поражая пулеметным и гранатометным огнем.

Преодолевая вражеские засады, разрезая заграждения из колючей проволоки, взбираясь на противотанковые эскарпы, батальон капитана Угрюмова с возгласами — За Родину! За Сталина! — прорвался к вечеру того же дня к предместьям города Терийоки и 1 декабря первым вступил в город.

Вместе с пехотинцами двигались вперед неудержимой стальной лавиной наши танки.

Грозные машины вырывались вперед, давили неприятельские пулеметные гнезда, расчищали дорогу пехоте, преследовали отступающего в беспорядке врага.

Сквозь леса, через болота, преодолевая завалы, двигались танки от границы.

Не малую помощь пехоте и танкам оказали с первого же дня боевых действий наши саперы.

Много примеров мужества и самоотверженности показали, например, бойцы и командиры саперного батальона, которым командовал капитан Гурьев. Рота старшего лейтенанта Пономарева получила задачу: действуя вместе с пограничниками, перейти границу и не дать белофиннам взорвать уцелевшую еще со времени гражданской войны часть моста через реку Сестру. Саперы должны были немедленно подготовить этот мост к переправе наших наступающих частей. Эта задача была выполнена саперами отлично. Особенно отличились при постройке недостающей части моста саперы взвода, которым командовал лейтенант Шлейн. Враг не дремал. Он открыл артиллерийский огонь по переправе. Один из снарядов угодил прямо в заготовленные для ремонта моста фермы и изуродовал их. Тем не менее, мост был готов во-время, и уже через несколько часов по нему неудержимой лавиной двигались вслед за пехотой наши танки, машины с боеприпасами, обозы.

В другом месте белофиннам удалось взорвать мост. Наши танки оказались отрезанными от переправившейся уже на другой берег пехоты. Надо было как можно скорее навести новый мост. Выполнить эту задачу было поручено роте, которой командовал лейтенант Виноградов.

Переправа находилась под пулеметно-артиллерийским огнем врага. Малейшее движение на берегу вызывало сильный огонь со стороны белофиннов. Но ничто не могло остановить героев.

Под прикрытием нашего огня, коммунисты-саперы Муси-

хин и Алтынов, комсомолец Шаляпин и другие, горя энтузиазмом, бросились под градом вражеских пуль в холодную воду и стали крепить основание моста. Этот пример подействовал заразительно на всю роту. Люди бросились вперед. Все работали, не жалея сил. Мост был сооружен в предельно короткий срок — наши танки устремились вперед, на помощь своей пехоте.

В этот первый день нашего наступления были захвачены в плен белофинские солдаты. Вот один из характерных разговоров с пленными после их привода в штаб, приведенный в одной из корреспонденций с фронта:

— Я не понимаю... Ничего не понимаю, — твердит пленный Веллинг Хейки, сидя в неловкой напряженной позе на краю скамьи. Шея его вытянута, озябшие руки зажаты между колен. В светлых оледенелых глазах молодого финна ужас.

— Я ничего не понимаю...

— Не волнуйтесь. Закурите. Теперь вам ничего не угрожает, — голос командира тверд и спокоен.

Руки солдата, протянутые к папиросной коробке, заметно дрожат. Он все еще находится во власти испуга, он все еще ничего не может понять.

Месяц назад он еще работал на ящичной фабрике в Виипури. Куцый солдатский мундирчик не успел еще износиться, а его обладатель стать солдатом.

— Я стрелял немного... Совсем немного, — говорит пленный. — Три, нет четыре патрона. Говорю правду, я не знал...

— Чего не знали?

— Что у вас так много машин.

За окном движутся танки. Где-то за лесом бьют орудия. Временами проносятся, наполняя комнату шумом своих моторов, отряды истребителей.

— Какой Вы части?

— Я не знаю, то есть не помню.

— Постарайтесь припомнить... Подумайте.

— Я уже думал... Вы меня все равно расстреляете, — говорит он вдруг.

— Кто вам сказал?

— Офицер. Красные расстреливают всех пленных.

Даже переводчик не может сдержать улыбки при этих словах.

— Что еще вам говорили?

— Красные расстреливают всех... Надо воевать.

— Вы поверили?

— Да... то есть нет; не знаю.

Такие или почти такие разговоры повторялись при каж-

дом захвате пленных. Лишь оказавшись в плену, финские солдаты начинали понимать тот чудовищный обман, которому их подвергали буржуазия и ее приспешники из социал-демократов.

Наступление наших частей продолжало развиваться.

В то самое время, как на всем фронте нашего наступления открыла огонь артиллерия и устремились на врага наземные войска, на аэродромах стартовали, несмотря на плохую погоду и низкую облачность, воздушные корабли и быстрые в движении, увертливые в бою истребители. Сталинские соколы ринулись в воздух, чтобы вместе с артиллерией, пехотой и танками громить врага на его территории.

Тылы белофиннов были подвергнуты бомбежке и обстрелу с воздуха пулеметным огнем. Вот как рассказывает П. Леонидов об одном из таких нападений, произведенном звеном летчика Баранова:

«Северная погода изменчива. Снова небо заволакивается мглой, высота становится незначительной. Баранов искусно ведет свое звено вперед. Часто приходится итти „бреющим".

Баранов смотрит вперед. Перед ним извивается широкая дорога, по которой движутся отряды вражеских войск, их автомобили и повозки, стремящиеся уйти подальше от границы. Командир звена делает легкое покачивание плоскостями и разворачивается. В атаку!

Истребители мгновенно обрушиваются на врага, сея в его рядах панику, ужас и смерть. Белофинны бегут, но советские летчики метким огнем расстреливают врага, посмевшего поднять руку на народы великой страны социализма.

Истребители разворачиваются и с новым азартом продолжают атаку. На земле горят машины, падают белофинны, бесятся от испуга лошади. . .».

Воздушные подразделения тт. Каширина, Антонова, Новикова, Бубнова, Кантеева и ряда других смело прорвались в этот день через огонь белофинской зенитной артиллерии и громили военные объекты в тылу врага.

Одновременно мощные соединения наших бомбардировщиков подвергли нападению железнодорожные узлы и аэродромы врага в Хельсинки, Котка, Виипури и других местах финляндской территории.

Несмотря на низкую облачность и моросящий дождь со снегом, воздушные корабли тт. Саранчева, Заиченко, Баукова, Сухоребрикова, Нанейшвили, Максименко, Туркеля и других уверенно достигли указанных им командованием целей и подвергли нападению железнодорожные строения, воинские эшелоны, ангары и другие военные объекты в глубоком тылу

врага. Столбы огня и дыма, пожары, паника среди врагов сопровождали налет сталинских соколов.

В городе Котка нападению были подвергнуты белофинские суда, вооруженные зенитной артиллерией. Наши бомбардировщики появились над судами неожиданно для белофиннов. Их зенитная артиллерия опоздала: дело было сделано — бомбы ударили по палубе одного из судов. Горящий корабль остался позади.

Иногда приходилось вступать в бой с врагом в воздухе.

Так например, одна из групп наших бомбардировщиков, после бомбардировки белофинских аэродромов, подверглась нападению вражеских истребителей. Головной самолет, управляемый летчиком-большевиком Токаревым, был трижды атакован врагом с воздуха, но все же отбился от вражеских самолетов и, выполнив задание, вернулся вместе с другими самолетами на свой аэродром.

Попытка белофинских самолетов совершить налет на Ленинград была отбита в первый же день войны.

Навстречу наглому врагу устремились наши истребители. Бой с вражескими самолетами был краток. Когда объятый пламенем головной белофинский самолет рухнул вниз, остальные поспешно повернули обратно и скрылись.

Исключительную находчивость проявил летчик, старший лейтенант Вертелецкий.

«Звено наших истребителей попало в зону огня зениток, — рассказывает П. Леонидов. — Положение создалось серьезное. Вокруг рвались снаряды, пули дырявили плоскости. Летчик другого звена — старший лейтенант Вертелецкий решил выручить товарищей, заставить противника прекратить огонь.

И вот — решение в действии. Вертелецкий вводит самолет в пике и нажимает гашетки. В это время несколько вражеских пуль попадают в самолет, а одна тревожит мотор. Это были последние пули вражеских пулеметов. Вертелецкий дает длинную пулеметную очередь, и видно, как падают на землю враги, как замолкают пулеметы.

Дело сделано. Летчик набирает высоту и кладет свой самолет на обратный курс — домой. Вот и аэродром. Вертелецкий делает круг и заходит на посадку. Но что это? Шасси не выпускается. Летчик дает газ и кладет машину вразворот, чтобы в воздухе устранить ненормальности, но все попытки остаются безрезультатными. Вражеской пулей перебита ползушка, и шасси бездействует.

Тогда Вертелецкий принимает смелое решение: он идет на посадку с убранными шасси. Машина мягко касается земли и бороздит „животом" снег. Все в порядке!»

Так в боях с врагом проявлялись замечательные качества сталинских соколов и их прекрасных, выносливых машин.

А в это время, прорезая темную поверхность Финского залива, к вражеским берегам уже двигались боевые корабли славного Балтийского флота.

«Поперек залива лежали острова, двадцать лет запиравшие нам выход, — рассказывает писатель Вс. Вишневский, находившийся в это время на одном из кораблей. — Надо было проломить этот островной финно-британский блокирующий пояс.

Во тьме выходили боевые корабли и транспорты с десантом. Восточный край неба едва серел — там был родной Ленинград.

Вода у бортов от стужи было темной. Еще день-два, еще градусом-двумя меньше, и она начнет замерзать. В эту воду предстояло итти бойцам десанта. Они пошли так же, как ходили в этих же местах матросы первого призыва революции.

Сквозь рассвет проступил огромный 20-километровый горб острова Гогланд. Взять его! Эсминцы заметили подводные лодки противника. Поверхность моря покрылась грязноватыми выбросами воды — это рвались глубинные бомбы. С воем проходили морские самолеты. Началась высадка. Вперед шли, не сводя глаз с финских пристаней и наблюдательных пунктов. Выбрасывались рывком, мгновенно цепляясь за берег, делая тут же промеры глубины, подтаскивая пулеметы и уже намечая глазом, где поднять красный флаг. С моря били корабли, метались желтовато-зеленые вспышки».

Этой десантной операцией начались боевые действия на море.

Подводные лодки, линейные корабли, миноносцы, канонерские лодки и разные вспомогательные суда приступили к выполнению возложенных на них боевых задач. В трудной работе кораблям деятельно помогала морская гидроавиация, производя воздушную разведку и бомбя вражеские аэродромы на островах и побережье Финского залива.

Не будучи в состоянии противостоять нашим морским вооруженным силам, белофинская военщина, в бессильной злобе, предприняла дикое, ничем не оправдываемое разрушение организованной на островах Финского залива светосигнальной системы. Первые же донесения боевых кораблей Балтийского флота, находившихся в дозоре, принесли известия об уничтожении финнами маяков «Нарва» и «Соммерс». Этим были лишены сигнальных огней не только корабли других стран, проходящие через Финский залив, но и многочисленные финские рыбачьи суда, для которых маяк «Соммерс» являлся главным ориентиром. 1 декабря на острове Суурсаари белофиннами

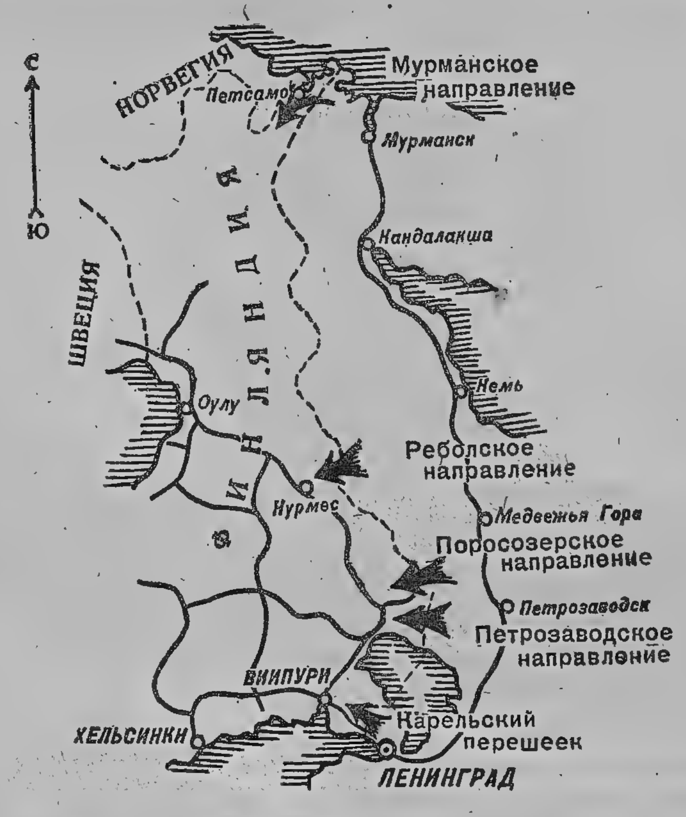

Схема 5. Переход в наступление частей Красной Армии.

был подожжен так называемый Северный гогландский маяк. То же самое пытался сделать начальник маяка на острове Сейскари, но это во-время предотвратили моряки нашего десантного отряда.

Отступая с островов, белофинны насильно уводили за собой проживавшее там финское население. Большую часть домов они разрушали; домашние вещи, которые нельзя было вывезти, уничтожали; рыбачьи суда-лайбы, лодки и прочее портили, коров и лошадей убивали.

После коротких боев с финскими подводными лодками и береговыми батареями, наш флот выполнил поставленную перед ним командованием боевую задачу и в короткий срок — два-три дня — занял острова Суурсаари (Гогланд), Сейскари, Лавансаари и Большой и Малый Тютярсаари, высадив на них морские десанты. Красный флаг, поднятый на этих островах, знаменовал укрепление наших границ в Балтике и такое обеспечение морских подступов к Ленинграду, которое исключало возможность внезапного нападения на него с запада.

Оперативная сводка штаба Ленинградского военного округа, опубликованная 2 декабря 1939 года, гласила (см. схему 5):

«Войска Ленинградского военного округа в течение 1 декабря продолжали движение вперед.

На Мурманском направлении нами занят порт Петсамо.

На Реболском направлении наши войска приближаются к станции Нурмес.

На Поросозерском и Петрозаводском направлениях наши войска продвинулись на 25 километров от госграницы.

На Карельском перешейке наши войска вышли к устью реки Тайпалеенйоки на берегу Ладожского озера, заняли станцию Рауту Кексгольмской железной дороги, прошли город Терийоки, заняли узловую станцию Тюрисевя, поселок Каунис, станцию Ваммелсуу по железной дороге на Койвисто.

Финские войска, отходя, жгут деревни и насильно уводят население.

Финская авиация пыталась штурмовать наши войска на Карельском перешейке, но, встретив отпор нашей авиации, быстро ушла в глубь финской территории. Во время бомбардировочных полетов нашей авиации финская авиация кое-где пыталась вступить в бой, при этом сбито 10 финских самолетов. Из нашей авиации не вернулись на свои аэродромы 2 самолета».

Первые же два дня боев с финской белогвардейщиной принесли, таким образом, серьезное поражение наглому врагу на всем фронте.

За Родину! За Сталина! Вперед, к победе! — с этими возгласами пошли 30 ноября 1939 года в наступление наши бойцы, моряки, командиры, комиссары и политработники. С этими возгласами они одержали победу и водрузили на захваченных вражеских укреплениях красные флаги.

Наступление в глубь финляндской территории продолжалось.

В ТЫЛУ ВРАГА

Наши части перешли в наступление, а навстречу им из Финляндии, с первых же дней, стал доноситься голос трудящихся масс финского народа, зажатого в тиски полицейско-шюцкоровского режима буржуазной демократии системы Каяндера—Таннера.

Характеризуя этот режим, как он сложился к 1939 году, известный норвежский экономист Иоганн Фогт писал в своей книге:

«Жалко выглядит „демократия" в Финляндии. Примером этой „демократии" может служить 1918 год. Белый террор, свирепствовавший тогда в Финляндии, оставил неизгладимые следы.

Профсоюзы были распущены финляндским правительством еще в 1929 году, а их руководители брошены в тюрьмы. В 1930 году финская социал-демократия создала свою новую профсоюзную организацию, однако революционно настроенные рабочие не вошли в нее. Эти профсоюзы охватывают сейчас не более 10 процентов всех рабочих. Среди сельскохозяйственных рабочих фактически нет членов профсоюза. В Финляндии имеются помещики, которые запрещают читать своим рабочим газеты, книги и т. д. Каждый рабочий, желающий вступить в профсоюз, подвергается опасности потерять работу. На ряде заводов рабочие, если они хотят сохранить за собой место, обязаны стать членами реакционных профсоюзов.

В Финляндии около 20 тысяч рабочих лишены всех гражданских прав за участие в рабочем движении. В финских тюрьмах томятся сотни политических заключенных. Их положение ужасно. Они подвергаются всяческим издевательствам.

Такова „демократия" Финляндии, попавшей под сапог финской военщины, продающей национальные интересы финского народа и действующей в угоду иностранных государств».

Передовые, революционно настроенные рабочие Финляндии не желали воевать против Советского Союза и выступали против авантюристической внешней политики правителей Финляндии, против царящего в ней шюцкоровского террора. Эти настроения финских рабочих как нельзя лучше характеризовало письмо одного из них, опубликованное в шведской газете «Ню даг»:

«Дорогой брат! Ты, наверное, читал приказ Маннергейма, опубликованный им после принятия командования военными силами белофиннов. Этот приказ открыл глаза десяткам тысяч финских рабочих. Ты понимаешь, что мы, старые красногвардейцы и весь рабочий класс Финляндии, чувствовали, когда читали приказ Маннергейма — главаря белогвардейских офицерских банд, которые убили десятки тысяч трудящихся. И сейчас речь идет об этом же. Террор маннергеймовских банд не сломит нашей воли к борьбе за освобождение финского народа. . .».

На эту борьбу поднимались рабочие наиболее значительных промышленных центров Финляндии. Та же шведская газета «Ню даг» сообщала несколько позднее о «рабочих беспорядках», начавшихся в Выборгской губернии, в промышленном районе Вуоксенниска и в порту города Котка.

«Местным властям, — писала эта газета, — предоставлены неограниченные диктаторские полномочия для того, чтобы они могли расправиться с рабочими. Местные власти могут арестовывать и держать в тюрьме любого человека, не предъявляя ему никаких обвинений. Местные власти могут изолировать всех им неугодных. Под „деятельностью, вредной для государства", белофинские правители подразумевают деятельность всех оппозиционно-настроенных элементов».

Революционные настроения трудящихся масс прекрасно выражало обращение ЦК компартии Финляндии к трудовому народу Финляндии:

«Рабочие, крестьяне, работники умственного труда!

Нынешние правители Финляндии, всем известные Каяндер, Эркко, Таннер, Маннергейм и другие, довели нашу страну до преступной войны против Советского Союза».

Клеймя дальше позором провокаторскую политику правителей Финляндии, ЦК компартии писал в этом обращении:

«Больше чем в течение 21 года наша страна была, подобно панской Польше, гнездом антисоветских интриг, где министры и штабные офицеры вместе со шведскими банкирами, империалистами великих держав и со всякими антисоветскими авантюристами стряпали военные козни против СССР. Стряпали их до тех пор, пока сами не запутались

Тяжелая артиллерия на огневой позиции перед боем

Связист на мотоцикле передает распоряжение командиру бронетанковой части

в своих сетях. А теперь, когда эти господа попали впросак, они требуют, чтобы весь финляндский народ воевал за них против могучей Красной Армии.

Но широкие массы финляндского народа не хотят жертвовать своей жизнью за маннергеймов и прочих провокаторов войны».

Призывая к свержению антинационального Финляндского правительства и к созданию в стране широкого трудового народного фронта для выдвижения народного правительства, ЦК компартии Финляндии в том же обращении говорил:

«... Это не национальное правительство, а орудие иностранного капитала, правительство капиталистов и помещиков.

Такое правительство не может защищать дело мира, ибо оно является правительством поджигателей войны.

Прогнать подобное правительство! Сбросить его с плеч народа!

Финляндия была до сих пор обетованной землей фабрикантов, директоров банков, бюрократов, лесопромышленников, помещиков. Те, кто работает, жили всегда в притеснении и нужде, но кровопийцы и всякие спекулянты обогащались. И каждый раз, когда рабочий класс нашей страны своей борьбой, при помощи своих организаций, добивался хоть малейшего облегчения своего бедственного положения, капиталисты подкарауливали удобный момент, нападали на рабочих, отнимали их мелкие достижения и наполняли свои карманы путем безудержной эксплуатации трудящихся. Так они поступили в 1918 году, так они поступили в 1930 году и так они поступают и теперь. Под предлогом „обороны страны" рабочий день уже удлинен до 10 часов, заработная плата снижена, цены на предметы первой необходимости взвинчены высоко, и семьи мобилизованных рабочих и мелких земледельцев заброшены в нищете.

От нынешнего сейма нечего ждать. Он дает народу камни вместо хлеба. Он издает в последнее время одни лишь чрезвычайные законы для удушения всех гражданских прав. Реакция свирепствует вовсю, хуже, чем когда-либо раньше.

Предательские вожди финской социал-демократии совершенно потеряли стыд. Они открыто смыкались со злейшими поджигателями войны и лапуаскими мясниками. Социал-демократические министры и бонзы суетятся изо всех сил в качестве профессиональных лжецов и гончих собак буржуазной реакции, обслуживая пресловутую финляндскую охранку.

Бело-Финляндия является в настоящий момент самой черной страной в Европе. Неописуемое бедствие давит на рабочих и всех неимущих Финляндии. Однако теперь пришел конец терпению нашего трудового народа.

Ни одно прежнее правительство не обманывало народ более бессовестно, чем теперешняя правительственная шайка Каллио, Каяндера, Эркко и Таннера. Пусть это презренное правительство, которое делало все возможное для того, чтобы довести наш народ до гибели, будет последним правительством капиталистов и помещиков Финляндии.

Это правительство чувствует и само, что оно ненавистно и проклято в гуще финского народа. Оно боится правды, как чумы. Оно хорошо знает, что, если бы в течение последних недель народные массы имели хоть элементарную свободу слова, то десятки тысяч рабочих, хлебопашцев и мобилизованных солдат уже провозгласили бы во всеуслышание ту же истину, которую мы здесь провозглашаем, — бросили бы этим заправилам прямо в лицо:

Долой обанкротившуюся правительственную шайку! Долой палачей народа и их подручников!

Преступная война финляндских капиталистов против Социалистического Советского Союза должна быть превращена в решительную борьбу трудящегося народа против угнетателей народа».

Чтобы удержать свое колеблющееся положение, правительство Таннера — Эркко — Маннергейма усилило репрессии в отношении финского трудящегося населения.

«Положение в бело-Финляндии все больше и больше напоминает памятный 1918 год, — писала несколько позднее шведская газета «Ню даг», — тысячи рабочих арестованы, сотни — расстреляны».

Несмотря на неслыханный террор, правителям Финляндии не удалось обеспечить спокойствие в стране. По сообщениям той же газеты «Ню даг», рабочие городов Виипури, Котка и других открыто выступали на борьбу против шюцкоровской тирании. В Виипури и Котка вспыхнули «серьезные беспорядки» — дело дошло до забастовок и уличных столкновений рабочих с полицией и шюцкоровцами.

Не осталась в стороне от этого движения и трудовая интеллигенция Финляндии. Бывший социал-демократический депутат финляндского сейма Маури Рюзмя опубликовал в декабре в шведской газете «Ню даг» свое письмо, с которым он обратился к социал-предателю Таннеру. Письмо это очень

характерно для настроений финской трудовой интеллигенции. Вот его содержание:

«Тревога за судьбу финского народа заставляет меня вторично обратиться к тебе с настоящим письмом. Я пишу письмо частным порядком, но опубликую его, чтобы лишить тебя и твоих товарищей всякой возможности утверждать, будто сознательная часть финского пролетариата поддерживает вашу злополучную политику... Я думаю о тысячах людей, которых вы хотите обречь на гибель. Злополучная политика финской буржуазии привела финский народ в такое положение, которое требует от него многих жертв. Обращаюсь именно к тебе, так как считаю, что ты несешь большую долю вины. На протяжении 20 лет ты, не считаясь с фактами, систематически занимался штрейкбрехерством, непрерывно отдаляясь от целей рабочего класса. Теперь ты возглавляешь ту политику, которая не только явно и тайно поощряет враждебные действия против Советского Союза, но и подвергает бесчеловечным преследованиям всех тех, кто стремится к дружественным отношениям со страной социализма. Теперь ты на вершине своей карьеры. Ты утверждаешь, будто тебя вовлекли в войну вопреки твоему желанию. Не лучше ли было бы открыто признать, что твоя деятельность не могла привести к иному результату? Как все другие буржуа, ты считал, что дело социализма не имеет будущего и что Советский Союз рухнет. Так как ты теперь достиг предела того, что составляет цель твоей жизни, я хочу обратиться к тебе. На протяжении 20 лет ты проводил политику, направленную на раскол рабочего класса. Теперь ты защищаешь культуру точно так же, как Франко; демократию и гуманизм, как Муссолини, который обещал тебе прислать в Финляндию офицеров и летчиков. И, конечно, Маннергейм приведет тебя к „великим целям рабочего движения".

Должен объяснить тебе, что пролетариат Финляндии посылают на войну против его воли и что он желает дружественных отношений с Советским Союзом. Давно уже значительная часть рабочих организаций не имела возможности проводить собрания и высказываться против решений, идущих в разрез с интересами рабочего класса. Я думаю, что в момент, когда ты получишь это письмо, твое имя уже будет заклеймлено, как имя убийцы, повинного в смерти сотен рабочих и крестьян. Подумай, прежде чем повысить эту цифру до тысяч. Ты — один из подстрекателей нынешней войны. Лучше, чтобы ты, как можно скорее, ушел с исторической арены, очистив место тем, кто способен его занять».

Как сообщала «Ню даг», Маури Рюзмя, мобилизованный

в качестве врача в финскую армию, был за это письмо арестован. Сведений о его дальнейшей судьбе нет.

Таково было положение в Финляндии в то время, когда вооруженные силы могучей Советской страны перешли ее границы на всем их протяжении от Северного Ледовитого океана до Балтийского моря, чтобы ликвидировать созданный в ней очаг военных интриг и плацдарм международного империализма.

БОРЬБА ЗА ПРЕДПОЛЬЕ И ПОДГОТОВКА ПРОРЫВА «ЛИНИИ МАННЕРГЕЙМА»

Белофинны отступали, стараясь всяческими способами остановить наступление наших частей через предполье, отделявшее их от основной укрепленной полосы «линии Маннергейма». Измотать наши части всякого рода внезапностями, нанести им как можно больше потерь, поставить в тяжелое положение в условиях суровой зимы, заставить отказаться от дальнейшего продвижения вперед и этим выиграть время — таков был коварный замысел врага, избегавшего решительных схваток в открытом бою.

Первое, с чем столкнулись наши части, — были мины.

В тех местах, которые трудно обойти, белофинны раскинули минные поля. На участках лесных дорог, проходящих по межозерным и межболотным дефиле (теснина, узкий проход в трудно проходимой местности), или в земляных выемках, на дорожных перекрестках, на подъездах к мостам и т. п. наши бойцы неизменно наталкивались на заложенные под снегом в шахматном порядке противопехотные и противотанковые мины. Почти каждое такое минное поле прикрывалось огнем засевших в густом ельнике и за гранитными валунами хорошо замаскировавшихся белофинских пулеметчиков.

Найти в этих условиях мины и обезвредить их — дело трудное. Оно потребовало от наших бойцов и командиров хладнокровия, чтобы не растеряться от неожиданности, боевой смекалки, чтобы разгадать хитрый замысел врага, мужества, а подчас и геройства, чтобы этот замысел тут же пресечь под огнем противника и обеспечить дальнейшее продвижение вперед своих подразделений и частей.

Белофинны закладывали мины не только в снежный покров на дорогах, они их прятали в лесных завалах, деревянно-земляных барьерах и других заграждениях, устраивавшихся

ими на путях наступления наших частей. В этих случаях они привязывали их чаще всего к деревьям, чтобы вызвать взрывы, когда наши бойцы приступят к растаскиванию завала. Часть мин белофинны прятали в снег у завалов с явным расчетом вывести из строя бойцов, работающих над устранением завала.

Мины были английского происхождения.

«Корпус мины сделан из железа в виде плоского диска, — рассказывает В. А. Стародубцев, участник боев с белофиннами, один из первых столкнувшийся с финскими минными полями и нашедший способ обезвреживать мины, — ко дну приделан раструб — основание для большей устойчивости и предохранения от перевертывания. Сверху расположен выпуклый диск с нарезным отверстием в центре. Он поддерживается все время в верхнем положении пружиной. В корпусе мины находится сильное взрывчатое вещество — тол. Он желтого цвета. Сверху в диск проходит взрыватель, который своей верхней подвешенной частью ввертывается в диск. В этот взрыватель ввертывается, в свою очередь, ударник. При нажатии на диск сверху ногой человека или лошади, колесом повозки или гусеницей танка, вся система, поддерживаемая мягкой пружиной, резко опускается, ударник надавливает на взрыватель, и происходит взрыв заряда мины весом около 5 килограммов».

Английские империалисты не поскупились снабдить большим количеством этих мин своих сподручных на финляндском военном плацдарме, и белофинны теперь имели возможность широко применять это средство против наших частей.

Коварные приемы борьбы белофиннов против нас не ограничивались расстановкой мин. Они широко применяли всякого рода ловушки, рассчитанные на убийство или тяжелое увечье наших бойцов и командиров.

С первых же шагов нашего наступления бойцы натолкнулись на такие ловушки. Брошен окоп. На его дне валяется офицерская полевая сумка. Оставлен дом. Его дверь прикрыта. У дороги видны забытые лыжи. За оставленным населенным пунктом лежат на дороге как будто случайно оброненные кем-то вещи из домашнего обихода. С первого взгляда во всех этих предметах нет ничего подозрительного, но попробуйте схватить сумку в надежде найти в ней важные в военном отношении документы, или распахнуть дверь в покинутом доме, или встать на лыжи, или поднять что-нибудь из валяющихся на дороге вещей, — раздастся взрыв. Окоп минирован — от полевой сумки идут хорошо замаскированные под снегом провода. Дом — то же самое: раскрывая дверь,

неосторожный боец замыкает ток, и здание взлетает на воздух. Минированы и лыжи — стоит ступить на них, и неожиданный взрыв патрона, скрытого в средней части лыжи, там, где крепится нога лыжника, выводит неосторожного бойца из строя.

Белофинны, отступая, уводили с собой насильно все местное население и жгли оставляемые за собой пустые деревни. Все местные продовольственные запасы уничтожались или приводились в негодность. Это делалось с целью лишить крова наших бойцов и командиров, вынудить их ночевать под открытым небом в суровые зимние холода.

«Нас обманывали власти, — рассказывал впоследствии старый финн Хенкинен из селения Кивенино, сумевший скрыться в лес при отступлении белофинских солдат. — Они запугивали нас, рассказывая всякие небылицы про Советский Союз. А я всегда говорил, что ничего плохого нам, трудовым людям, русские не сделают. Пусть себе боятся помещики и фабриканты. Пусть их боится капиталист Николайнен или миллионер Галкин... А нам Красная Армия принесет освобождение. Вот как я говорил им...»

«Что тут было! — добавляет со своей стороны другой, оказавшийся русским, работавшим на лесопилке. — Полиция и солдаты насильно гнали отсюда жителей. Как скот гнали. Набивали в вагоны и отправляли, а куда — неизвестно. Плач, вой стоял... Люди не хотят уходить, возвращаются в свои дома, а их насильно отрывают и гонят. Женщины теряли детей. Сходили с ума. Страшно здесь было...»

Подобные рассказы можно было слышать и в других местах. Сотни деревень опустошались, а затем сжигались.

«Сжигая все на своем пути, белофинны силком уводят с собой население,— рассказывал один из очевидцев.— Страшный вид имели эти выжженные варварами деревни. Черные прямоугольники на земле, и только дымоход торчит к небу. Голое место там, где жили только что люди, жили и надеялись на приход освободителей — Красной Армии. На одном из этих голых мест, на пепелище, я увидел собаку. Она лежала, охраняя несуществующий дом!»

По опушкам лесов, на берегах рек, на обрывах — всюду, где белофинны могли ожидать появления наших бойцов, скрывались белофинские стрелки. Очень часто они взбирались на деревья и оттуда выслеживали наших разведчиков и командиров. Их так и прозвали «кукушками».

В этих тяжелых условиях движение наших частей вперед производилось под прикрытием сильной разведки и охранения.

Большое значение приобрела инженерная разведка. Саперы, особенно подрывники, двигались вместе с разведчиками-пехотинцами. При обнаружении белофинских заграждений, они тут же, зачастую под огнем врага, производили расчистку пути для идущих сзади частей.

Саперные батальоны, роты и взводы самоотверженной работой обеспечивали продвижение вперед наших бойцов, артиллерии, танков, транспортов с боеприпасами и продовольствием. Разведка минных полей, разрушение заграждений, восстановление разрушенных дорог и мостов — и в передовой разведке и в войсковом тылу — все это не проходило без участия саперов.

«Отступающий противник завалил дорогу чем попало: и телеги, и бороны, и домашняя мебель, и трупы лошадей свалены в баррикады, и все это надо умело разобрать, — описывает писатель Н. Тихонов, находившийся на фронте. — Саперы бросаются на эти баррикады и очищают дорогу с такой ловкостью и быстротой, что если бы это видели белофинны, они бы отказались от напрасного труда строить такие препятствия.

А лесные завалы — эти десятки обрушенных деревьев, переплетенных проволокой, скрепленной с минами. Немало нужно уменья, чтобы разобраться в этой путанице. И топор, и пила, и смекалка — все пускалось в ход. Проезжая по этим дорогам, видя в стороне сброшенные с дороги деревья, с благодарностью вспоминает каждый наших любимых товарищей саперов, которые не только очистили, но и отремонтировали дорогу, убрали камни, загладили выбоины, выкорчевали мешавшие широкому проезду пни.

Войска прошли вперед, и снова застучали топоры, зазвенели пилы, начали валиться деревья. Саперы-строители, они стали плотниками, они строят землянки, наблюдательные пункты, бани, ходы сообщения...»

Примером такой героической борьбы с коварным врагом и суровой природой мог служить саперный батальон старшего лейтенанта Чудесенко. Под руководством своего командира, следуя примеру таких передовиков, как боевой политрук Ястребов, как герои-разведчики старшина Наймибудко, младший командир взвода Гудзь, отделенные командиры Дарвин, Мальцев, Андреев, как бойцы Зайцев, Н. Иванов и другие, батальон блестяще справился с возложенными на него боевыми задачами. Крепкая товарищеская спаянность, взаимозаменяемость в трудной работе, взаимная поддержка и выручка в опасности сделали батальон единым, героически работающим коллективом.

Таких батальонов, как батальон тов. Чудесенко, не мало работало на белофинском фронте.

Опыт многому научил наших бойцов, и, по мере движения вперед, коварные методы белофинской тактики стали утрачивать характер внезапности. Не только саперы, но и пехотинцы и танкисты быстро овладели навыками действовать в сложных условиях продвижения через предполье «линии Маннергейма» и выработали необходимую для этого сноровку.

Вот, например, взвод младшего лейтенанта Оленева.

Бойцы смело шли за своим командиром, отлично усвоившим тактику ведения боя в лесисто-пересеченной местности. Тов. Оленев в первые же дни наступления обучил своих бойцов находить и разряжать белофинские мины. Будучи в разведке вместе с саперами, взвод обнаружил и расчистил более двадцати минных полей.

Однажды тов. Оленев с двумя бойцами находился в разведывательном поиске. Вдруг раздались выстрелы из автомата. Пули зачмокали по стволам деревьев. Осмотрев местность, тов. Оленев приказал бойцам открыть редкий огонь и завязать перестрелку с врагом, а сам, выкатавшись в снегу, медленно пополз вперед по перелеску. Увидя вражеского снайпера на дереве, тов. Оленев метким выстрелом снял его.

В другой раз под вражеский огонь из сарая на краю селения попал двигавшийся в дозоре командир отделения Ерин с двумя красноармейцами. По примеру своего командира тов. Оленева, тов. Ерин решил перехитрить врага. Он приказал бойцам тревожить огнем засевшего в сарае противника, а сам пополз в обход. Незаметно пробравшись к сараю, он тихо приоткрыл дверь и взял белофинского солдата в плен.

Командиры и политработники подавали пример мужества, ловкости, находчивости и героизма. Вот, например, политрук Ершов.

Шюцкоровцы засели в бревенчатой халупе и вели из нее яростный огонь. К деревне было не подступиться.

«Уничтожить огневую точку врага — таков был приказ, — рассказывает об этом случае красноармеец Н. Богаев. — За это дело взялся политрук Ершов. Мастерски маскируясь, политрук ползком пробирался вперед. Враги его заметили. На град пуль тов. Ершов сперва отвечал выстрелами, а затем, обманывая врага, притворился убитым. Когда прекратился огонь, он продолжал медленно пробираться вперед.

Вдруг раздался оглушительный взрыв. Над домом поднялось облако снежной пыли, и все смолкло. Граната, брошенная тов. Ершовым, попала в самую цель — шюцкоровцы были уничтожены».

Так было и в других подразделениях. Воспитывая бойцов на своем собственном примере, командиры и политработники одновременно учили их приемам борьбы с коварным врагом.

Так, в труднейших условиях сложной боевой обстановки, слагались во взводах, ротах и батальонах те замечательные, основанные на обоюдном доверии и уважении, взаимоотношения между бойцами, командирами и политработниками, которые рождали у них чувство взаимной глубокой привязанности и любви. Это боевое содружество находило себе яркое выражение в выручке друг друга в бою.

Вот небольшой пример.

Бой загорелся на подступах к небольшому финскому хутору.

Ведя за собой бойцов взвода, лейтенант Третьяков приблизился к находившейся около хутора часовне. Вдруг он увидел, как в окно часовни высунулось дуло пулемета, направленное в сторону переползавших красноармейцев Никифорова и Комарова. Решение было принято мгновенно. Лейтенант Третьяков рванулся вперед и метнул в окно ручную гранату. Раздался взрыв — удар врага был предотвращен. Один из белофиннов, однако, уцелел и спрятался за бревно, чтобы пропустить вперед командира и убить его сзади выстрелом в спину. Когда он готовился привести в исполнение свой замысел, это заметил красноармеец Никифоров, только что спасенный лейтенантом Третьяковым. Он бросился на выручку своего командира и пристрелил коварного врага. Таких примеров можно было бы привести много.

Белофинны широко использовали пересеченность и лесистость местности для проникновения в наш тыл.

Действуя мелкими группами, они вновь устанавливали мины там, где минные поля были уже обнаружены и очищены нашими частями. Мосты, если они никем не охранялись, вновь минировались или подрывались. Ближние тылы подвергались внезапным нападениям. На транспорт, подвозивший боеприпасы и продовольствие, совершались вооруженные налеты. Только что ликвидированная и пройденная войсками система заграждений как бы вновь «оживала» у нас в тылу, а продвинувшиеся вперед наши части этими внезапными нападениями отсекались от остальных своих войск и материально-продовольственной тыловой базы.

Отступая, белофинны приводили в негодность железнодорожные пути — рельсы и шпалы частью выворачивались, частью снимались и увозились в тыл, насыпь подрывалась, мосты разрушались, станционные здания сжигались... И здесь во многих местах оказывались расставленными минные поля

и ловушки, тормозившие восстановительные работы, требовавшие тщательной предварительной разведки.

Работавшие над восстановлением железнодорожного сообщения железнодорожные войска подвергались внезапным нападениям белофинских частей, открывавших по работающим ружейно-пулеметный огонь, пытавшихся вновь разрушить только что восстановленные участки пути. Нередко на местах работ возникал бой с врагом. Тогда наши железнодорожные части, сменив лопаты и кирки на винтовки и пулеметы, ходили в атаку на белофиннов. Так было, например, не раз на линии Белоостров—Виипури и в других местах.

Иногда белофиннам удавалось пробраться в наше расположение даже в составе значительных отрядов в несколько сот человек. Эти отряды уже не ограничивались нападениями на тылы и обозы.

Один из таких отрядов совершил, например, в декабре 1939 года вооруженный налет на одну из наших батарей. Напав с тылу, враг надеялся, видимо, захватить батарею врасплох и огнем ее же орудий вызвать растерянность и панику в наших частях и причинить нам большие потери. Эти расчеты врага провалились, однако, благодаря стойкости и отваге артиллеристов во главе с командиром батареи старшим лейтенантом Маргулисом, ныне Героем Советского Союза. Вот как рассказывает об этом подвиге артиллеристов сам тов. Маргулис:

«Это было в середине дня. Батарея вела огонь. Я находился на наблюдательном пункте и корректировал огонь. Неожиданно мне по телефону сообщили, что отряд белофиннов свыше 300 человек внезапно атаковал батарею. Доложив об этом в штаб, собрав затем разведчиков и связистов, находившихся вместе со мной, я бросился на выручку огневого взвода. Через несколько минут мы уже были на огневой позиции.

Бойцы и командиры батареи, не ожидая помощи, открыли ружейно-пулеметный огонь и отогнали отряд. Тогда белофинны решили окружить батарею. Несколько вражеских групп уже обошли батарею с флангов, зашли в тыл...

— Сдавайтесь, москали, или вы будете уничтожены, — истошно орали они по-русски со всех сторон.

Все преимущества были на стороне белофиннов: и численное превосходство в живой силе (почти в пять раз) и значительное огневое превосходство (противник имел большое количество пулеметов и автоматов). Кроме того, используя в качестве укрытия лес, белофинский отряд подполз на близкое расстояние и забросал огневую позицию ручными гранатами. Оставив возле пушек по два человека (командира ору-

дия и наводчика), я приказал им расстреливать белофиннов из орудий в упор. С остальными людьми я организовал оборону флангов и тыла.

Разгорелся неравный бой.

Наседавшего врага мы отбивали огнем и контратаками. Озлобленные первыми неудачами, белофинны еще яростнее усилили напор. Группа белофиннов, человек в 50, атаковала в лоб, около 60 белофиннов зашли с тыла, до 200 с дикими воплями наседали с флангов.

Командир первого орудия Комиссаров, наводчик Кондратьев, командир второго орудия Лаптев, наводчики Якубов и Виноградский метким артиллерийским огнем рассеяли и обратили в бегство наседавшего врага. Исключительную храбрость, мужество и самоотверженность проявил командир орудия Лаптев, ныне Герой Советского Союза. Наводчика ранили. Лаптев один подносил снаряды, заряжал орудие и вел губительный огонь по белофинской своре.

Все попытки врага прорваться на огневую позицию отбивались огнем и контратаками. Но вот белофиннам удалось подобраться к боеприпасам и поджечь их. Грозила катастрофа. Тогда младший лейтенант Гусев и еще два красноармейца, пренебрегая опасностью, бросились к боеприпасам, оттащили пылающие ящики со снарядами в сторону и забросали их снегом. Благодаря этому подвигу неминуемая катастрофа была предупреждена.

Бой длился уже около 3 часов. Активность белофиннов стала ослабевать. Мы видели, как офицеры поднимали солдат для новых атак пинками и отборной руганью. Тогда я решил перейти от обороны к активным действиям. С группой бойцов человек в 30 с возгласами — За Родину! За Сталина! Ура! — мы бросились в атаку.

Белофинны не приняли штыкового удара и попятились. К этому времени к нам подоспела помощь. . .».

Белофинны не ограничивались только партизанскими налетами с флангов и тыла и устройством заграждений на путях движения наших частей. Во всю глубину предполья, на исключительно выгодных естественных рубежах, седлая межболотные и междуозерные дефиле, они имели заранее устроенные промежуточные позиции. Эти позиции были обеспечены полевыми окопами и долговременными оборонительными сооружениями. Они были рассчитаны на то, чтобы остановить дальнейшее продвижение наших частей, после того как они будут измотаны и обессилены на завалах, на минных полях, в борьбе с нападающими на них со всех сторон вражескими отрядами.

Но и эта ставка врага была бита. Преодолевая ожесточенное сопротивление противника, наши части с подлинно большевистской настойчивостью и упорством продолжали вгрызаться в систему белофинских укреплений и заграждений.

Успеху этого непрерывного движения вперед много способствовало тесное взаимодействие на поле боя пехоты, артиллерии, саперов, танков и авиации, помогавших друг другу, взаимно обеспечивавших в каждом отдельном случае преодоление вражеского сопротивления.

Никогда, кажется, раньше не чувствовались с такой силой дружное единство и боевая сработанность всех родов наших войск, как в эти суровые декабрьско-январские дни. Чем сильнее становились морозы, доходившие до 40 и более градусов, чем глубже были снежные сугробы, заносившие дороги и до крайности затруднявшие сообщение, чем коварнее и злее становился враг, тем больше закалялись в борьбе с природой и неприятелем советские люди, тем теснее сплачивались они вокруг большевистской партии, тем чаще бросались они на врага с боевым возгласом — За Родину! За Сталина! Ура! — и в дружном единении сламывали сопротивление неприятеля и снова шли в наступление, сокрушать новые препятствия.

Свою сплоченность вокруг великой партии Ленина — Сталина бойцы и командиры демонстрировали в эти трудные дни многочисленными заявлениями о желании вступить в ее ряды и итти в бой коммунистами:

«Хочу остаток моей жизни отдать служению народу как коммунист, как член большевистской партии», — заявил на одном из заседаний партийной комиссии, за полчаса до наступления на врага, тов. Фомин, участник боев гражданской войны.

«На защиту социалистической родины хочу итти большевиком. Прошу партийную организацию принять меня в ряды ВКП(б). В бою с честью оправдаю великое звание большевика», — сказал младший лейтенант Громов на открытом партийном собрании перед боем.

«Идя в бой за великую социалистическую родину, я прошу считать меня членом коммунистической партии. Я иду в бой за великое дело партии Ленина—Сталина и готов отдать жизнь за дело коммунизма», — писал в своем заявлении красноармеец Гончаренко.

Поток подобных заявлений свидетельствовал о том исключительном энтузиазме, с которым шли в бой бойцы и командиры, свидетельствовал об их беспредельной преданности великому делу Ленина — Сталина.

В упорнейших боях с врагом, сламывая буквально на каж-

дом шагу его ожесточенное сопротивление, неся иногда большие потери, наши бойцы показали, что для них нет таких трудностей, которых они не могли бы преодолеть.

На промежуточных укрепленных рубежах и при подходе наших частей вплотную к переднему краю укрепленной полосы «линии Маннергейма» развернулись ожесточенные бои. Сложные системы хорошо замаскированных укреплений открывали по ворвавшимся в них группам пехоты фланговый и перекрестный огонь, минометы выковыривали залегшую пехоту из укрытий в складках местности, обжигающие огнеметные струи и разрывы ручных гранат встречали пехоту на ближних подступах к неприятельским бойницам. В таких исключительно трудных условиях личная отвага, находчивость, боевая смекалка и хитрость наших пехотинцев имели большое значение.

В этих боях нашим частям пришлось впервые столкнуться с дотами — железобетонными долговременными огневыми точками противника.

Во время боя за одно из таких вражеских укреплений, входившее в укрепленный комплекс «линии Маннергейма», командир отделения связи Василий Галахов, ныне Герой Советского Союза, решил применить военную хитрость. В то время как пехота залегла за гранитными надолбами, он заметил в глубине расположения белофиннов почти незаметную возвышенность, оказавшуюся вражеским дотом. Тов. Галахов собрал несколько бойцов и младших командиров — Стародубцева, Павлова, Сверличенко и других — и организовал обход дота. Пробравшись незаметно для врага через ельник, смельчаки ворвались в белофинское укрепление. Отправив тов. Сверличенко с донесением о захвате дота, тт. Галахов и Павлов засели в укреплении и стали отбиваться от окруживших их белофиннов. Когда тов. Павлов был тяжело ранен, тов. Галахов продолжал, будучи сам тоже ранен, один отбиваться от врага. После того как у него вышли все патроны, он продолжал отстреливаться из винтовки и револьверов убитых им в доте белофиннов до тех пор, пока ему на выручку не подоспели бойцы его роты.

Таких подвигов наша доблестная пехота совершила немало. Во время одного из боев с врагом, пулеметчик Кузьма Высоцкий, ныне также Герой Советского Союза, видя трудное положение, в котором оказались наши пехотинцы, попросил лейтенанта Преображенского, находившегося в приблизившемся к месту боя танке, взять его с пулеметом на танк, чтобы он мог показать, где засел враг.

«Преображенский вывел танк на опушку, — рассказывают

об этом бое танкисты А. Литвинов и В. Солодарь. — С противоположной стороны поляны прямо навстречу бежали белофинны.

— Давай прямо на них! — крикнул Высоцкий.

Белофинны остановились. Некоторое время они попросту не могли разобраться в происходящем.

Танк ринулся на дрогнувшего врага.

Высоцкий короткими очередями расстреливал их в упор. Танкисты вторили ему.

— Какая там получилась арифметика, не скажу, — говорил потом Высоцкий, — сколько я их уложил, сколько танкисты, — не знаю.

Известно только одно — ни один белофинн живым не остался.

Наступление, поддержанное пулеметом с танка, было стремительным и ошеломляющим. Оно не только заставило дрогнуть противника, оно ободрило бойцов, залегших за деревьями... Герой-пулеметчик продолжал до конца боя оставаться на танке и расстреливать выбитого из укреплений врага».

Когда требовала обстановка, командиры-пехотинцы своим личным примером воодушевляли бойцов на славные подвиги.

Так например, командир роты Денисенко и политрук Федоров, наступая на белофинские укрепления, в решительный момент боя лично повели бойцов роты на численно превосходящего противника. Этот пример мужества так воодушевил бойцов, что стремительным штыковым натиском враг был опрокинут. В захваченных укреплениях было уничтожено до 150 белофинских солдат и офицеров.

Во время одного боя командир взвода выбыл из строя, и на его место стал командир отделения комсомолец Погребняк. Надо было проделать проходы нашим танкам в гранитных надолбах, так как иначе они не могли ворваться в расположение вражеской обороны. Эту задачу взял на себя тов. Погребняк. Действуя под сильным огнем врага, показывая личный пример бойцам своего взвода, он блестяще справился с порученной ему задачей, разгородил надолбы и открыл дорогу танкам.

А кто не знает имен героев-пехотинцев Ивана Комарова, Ивана Ульянова, младшего лейтенанта Павла Усова, комбата Василия Маричева, комбрига Петра Евгеньевича Вещева?

В тесном взаимодействии с пехотой, всюду, где хоть сколько-нибудь позволяли условия местности и обстановка, шли в наступление танки.

Вот характерный пример такого боевого взаимодействия.

Белофинны сильно укрепили высоту «150,8», являвшуюся

тактическим ключом к овладению окружающей местностью. Десятки пулеметных гнезд были устроены в деревянно-земляных укреплениях. Пулеметный огонь сочетался с огнем противотанковых орудий. Из глубины били неприятельские батареи. Тщательно замаскированные вражеские снайперы поражали наших бойцов и командиров при малейшей их неосторожности. Проволочные заграждения и каменный противотанковый забор еще больше усиливали занятые врагом позиции.

«Белофинская военщина надеялась, что советские танки не смогут преодолеть противотанковые сооружения, — рассказывает об этом бое капитан Г. Меньшиков. — Но они жестоко просчитались. Семь смельчаков под командой лейтенанта Породни покинули свои танки и ползком подобрались к противотанковым препятствиям. К ним поочередно приближались с цепями танки. Лежа за каменными глыбами, герои подхватывали цепи и накидывали их на камни, а танки выворачивали их и оттаскивали в сторону.

В короткое время проходы были готовы.

— Вперед, товарищи, за родного товарища Сталина!

С этими словами лейтенант Огарков повел в атаку машины своего взвода. Во время боя, у танков, которыми командовали тт. Савинов и Кочмаков, вражескими снарядами были сбиты гусеницы. Не взирая на ураганный огонь, Савинов и младший командир Кочмаков выскочили из машин, исправили повреждения и снова ринулись в бой.

Машина командира роты старшего лейтенанта Редкова получила две пробоины. Несмотря на это, он водил свою грозную машину в бой до тех пор, пока сопротивление врага не было сломлено до конца.

Быстрыми атаками танковая рота в этом бою уничтожила полностью семь пулеметных гнезд врага, три противотанковых орудия и батарею полковой артиллерии. После жаркой схватки нашей пехоты и танков с белофиннами, их остатки вынуждены были отступить».

Не раз бывали случаи, когда танкисты покидали танки, становились во главе пехотинцев и вели их в атаку.

Таков, например, был один из подвигов полковника Кошубы, ныне Героя Советского Союза. Капитан М. Эдель рассказывает, что полковник Кошуба, находясь в своем командирском танке, «...двигался за колонной, строго следя, чтобы танки не отрывались от пехоты. Он стоял в открытом люке и говорил красноармейцам-пехотинцам:

— Держитесь боевых машин, товарищи! Они вас не подведут.

И пехота шла...

Прием в партию бойца перед боем на передовых позициях

Один из белофинских дотов, разрушенных при наступлении наших частей к северу от станции Пер[illegible]

Кончился лес. Открытая поляна. За ней небольшие холмики — белофинские укрепления. Огневые точки противника открыли шквальный огонь из пулеметов и противотанковых орудий. Танки открывают ответный огонь. Пехота медленно движется за танками. Полковник Кошуба снова открывает люк. Пули стучат по бронированной крышке.

Наступает решительный момент: нужно единым броском прорваться сквозь надолбы и подойти вплотную к укреплениям. Кошуба выходит из танка и становится во главе пехоты. Он отдает приказ:

— Танки вперед! — и, повернувшись лицом к пехотинцам, увлекая их своим примером, он, подняв руку, в которой держит револьвер, восклицает:

— За Родину! За дело великого Сталина! За мной, товарищи!

Пехота поднялась. Танки устремились в прорыв и прорвались к укреплениям врага. За ними бросилась пехота — исход боя был предрешен».

Такие подвиги не единичны, они лишь только малая доля мужества и героизма, проявленных героями-танкистами в боях с белофиннами.

Кто, например, не слыхал о подвигах героев-танкистов Никиты Русина, Федора Дудко, водителя Ларченко, радиста Симоняна, учеников Федора Дудко — Коваля и Луппова?

Про подвиги этих отважных сынов советского народа слагаются песни.

Сыны великого советского народа проявляли героизм и на земле и в воздухе.

В воздухе отважно несли свою трудную службу наши сталинские соколы. Плохая погода не могла помешать нашим соколам охранять наземные войска от нападений вражеских самолетов, оказать им помощь путем разгрома укреплений и тылов неприятеля.

Это было ответственное и трудное дело, требовавшее от летного состава мужества и находчивости, а от самолетов — большой живучести под вражеским зенитным огнем.

«Самолеты звена старшего лейтенанта Гришина шли на небольшой высоте, — рассказывали Л. Лось и В. Чернышев. — Низкая облачность давила, снижала потолок. Зенитные пулеметы бесновались на земле, посылая очередь за очередью в советские машины. Несмотря на это, наши истребители атаковали крупную колонну противника и нанесли ей большие потери. В машине командира звена Гришина пули пробили бензиновые баки, механизмы уборки и выпуска шасси, резиновый обод колеса. Осколком командиру поранило лицо.

Тем не менее, полет продолжался. Каждый летчик, несмотря на яростный обстрел, засекал на планшете огневые точки белофиннов.

Внизу были видны темные полосы вражеских укреплений. Каменные противотанковые пирамиды, глубокие земляные рвы, высокие валы, многорядные проволочные заграждения — все это, по расчетам белофинского командования, должно было задержать победное продвижение советских войск.

Охраняя в воздухе движение наших войск, летчики видели, как, преодолевая преграды, наши танки бесстрашно прокладывали дорогу двигавшейся за ними славной пехоте».

Другие самолеты в это время громили эшелоны врага на железнодорожной станции.

«Машина входит в пологое планирование, пробивает облака, — рассказывает летчик капитан Л. Терещенко об одном таком полете. — Быстро поверяю расчет. Еще две-три минуты и должна показаться цель. Готовлю аппаратуру, открываю люки. Высота 350 метров. Скоростный маневр, и мы над целью.

На такой высоте с земли ясно видны красные звезды на плоскостях самолетов. На забитой до отказа эшелонами станции поднялась паника. Нажимаю кнопки — и всесокрушающий груз сброшен. Видим, как в воздух поднялись обломки разбитых вагонов, рельсы, шпалы, в небо взметнулись огромные огненные языки.

Летя дальше, мы сбросили над мирными финскими поселками листовки с призывом к финскому народу подняться против помещичье-капиталистической своры. . .»

Не взирая на снегопад, переходящий в пургу, низкую облачность и туманы, наши самолеты самоотверженно несли свою исключительно трудную службу. Не только прифронтовые тылы врага и железнодорожные и шоссейные пути его, ведущие к фронту из внутренних областей страны, но и все большие железнодорожные центры Финляндии и ее порты подвергались систематической бомбардировке и разрушениям.

Нередки были случаи, когда самолеты возвращались, имея по нескольку десятков пробоин, а иногда и с такими повреждениями, которые не допускали возможности совершить безаварийную посадку. Но таковы находчивость и мужество советских летчиков, что они и эти трудности умело преодолевали.

К числу таких замечательных по мастерству посадок следует отнести посадку старшего лейтенанта Грищина на одно колесо правого шасси, в то время как второе, левое, будучи повреждено вражеским огнем, оставалось в убранном положении.

Исключителен был подвиг старшего лейтенанта Н. Соколова.

Выполняя задание, тов. Соколов попал под сильный зенитный огонь белофиннов. Снаряды рвались и внизу и над головой пилота. Самолет получил много пробоин. Уже вечером, возвращаясь обратно, тов. Соколов заметил, что самолет серьезно поврежден — лететь дальше было нельзя.

Пользуясь темнотой, тов. Соколов совершил незаметно посадку на озере в тылу врага. Не имея возможности исправить машину, он затопил ее в озере, чтобы она не досталась врагу. Сам тов. Соколов в течение трех дней, вернее ночей, почти без продовольствия и теплой одежды, пробирался к линии фронта. Ни голод, ни труднопроходимые болота и леса не сломили воли коммуниста-летчика — через трое суток он пробрался к своим.

Так, в тесном взаимодействии наземных войск с воздушными силами, наши части шаг за шагом овладевали предпольем и передовыми укреплениями «линии Маннергейма». Борьба за это предполье в местах, где оно имело наибольшую глубину и одновременно располагало наиболее развитой системой промежуточных укреплений, то есть на Выборгском направлении, заняла около месяца. Сломив здесь сопротивление белофиннов, наши части стали выходить к переднему краю основной укрепленной полосы «линии Маннергейма», а местами проникать и в нее, овладевая передовыми укреплениями врага.

Успешно продвигались вперед, несмотря на ожесточенное сопротивление врага, наши части и на правом фланге, то есть в направлении города Кексгольма. Находящийся здесь Тайпалеенский сектор «линии Маннергейма», благодаря своей близости к советско-финляндской границе, не располагал глубоким предпольем. 12—15 километров, отделявшие передний край основных укреплений «линии Маннергейма» от границы, наши части прошли в первые же 5—6 дней войны.

Этот участок белофинских укреплений получил название «линии Мажино — Кирка» в память того, что строился он французскими и английскими военными инженерами. Будучи расположены за водной преградой быстрой и порожистой реки Тайпалеенйоки и целой системы озер и соединяющих их водных протоков, железобетонные укрепления этой части «линии Маннергейма» считались совершенно неприступными.

Однако это не остановило наши части.

Сразу же, выйдя с боем к берегам озер Вуоксенярви и Суванто, к соединяющей их реке Кивиниеми и вытекающей из озера Суванто реке Тайпалеенйоки, разведчики-пехотинцы,

вместе с артиллеристами и саперами, принялись за изучение расположения врага.

Переправы на реках были взорваны. Из-за быстрого течения и наличия порогов и водопадов, реки не замерзали. Все точки на берегу были пристреляны артиллерийско-пулеметным огнем белофиннов, подходы к местам, удобным для переправ, минированы.

Белофинские укрепления были отлично замаскированы. Глядя на живописный пейзаж, открывавшийся наблюдателю, можно было думать, что находишься в самых обычных мирных условиях. Но стоило нашим разведчикам себя обнаружить, как «там» все оживало. Пламя выстрелов начинало сверкать из-под фундаментов «мирных» домиков раскинувшейся «деревушки», оказывающейся узлом железобетонных укреплений врага. Из-под кустарника незаметно открывались узкие амбразуры, и высунувшееся дуло пулемета посылало очередь огня туда, где показывались наши бойцы или группа командиров. Небо начинали бороздить снаряды вражеской артиллерии, покрывая его белыми облачками шрапнельных разрывов.

К вечеру 5 декабря разведка была закончена. Части готовились к выполнению приказа — на следующий день предстояло перейти в наступление и прорвать укрепления белофиннов.

Пользуясь лесистым характером местности, командование решило обмануть врага и организовать переправу не через реку Кивиниеми, как ожидали белофинны, а на участке реки Тайпалеенйоки.

Рано утром на всем фронте началась артиллерийская подготовка. Целые тонны металла обрушились на разбросанные за рекой «домики» и скрытые под кустарником и снегом, едва заметные даже вооруженному глазу, «бугорки». Враг отвечал. Загорелся напряженный огневой бой.

А в это время пехота и саперы уже готовились к штурму.

Когда был дан сигнал — все пришло в движение. Каждый понимал, что успех требует быстроты переправы, пока ошеломленный враг не подтянул резервы.

Понтонеры, пехота — все ринулись вперед, к реке. Умолкнувший было противник вновь открыл огонь из десятков огневых точек. Свист пуль и разрывы снарядов наполнили воздух. Появились убитые и раненые.

В эту минуту батарея старшего лейтенанта Хворостяна получила приказ подавить огневые точки противника с открытой позиции.

Не теряя ни секунды драгоценного времени, командир

огневого взвода лейтенант Пилипенко, выскочил с орудиями на открытую позицию и открыл огонь прямой наводкой по врагу. Вокруг героических артиллеристов закипел огненный смерч, но орудийные расчеты работали бесперебойно. Исключительной меткостью отличился в этом бою наводчик Безуглов. Его точные выстрелы вызывали, даже под вражеским огнем, одобрительные улыбки и возгласы восхищения у находившихся с ним товарищей.

Под прикрытием огня батареи Хворостяна, не взирая на артиллерийский и пулеметный огонь врага, понтонеры, под руководством лейтенанта Чернышева и младших лейтенантов Литовченко и Григорьева, спустили на воду понтоны и стали переправлять идущую на штурм пехоту.

Огонь врага не прекращался. Белофинны прилагали все старания к тому, чтобы отбить наше наступление. Быстрое течение — 6 метров в 1 секунду — затрудняло переправу. И тем не менее, переправа была произведена — пехота и подрывники-саперы высадились на берег. За первой партией последовала вторая, третья...

Под ударами снарядов нашей артиллерии, одна за другой замолкали разрушенные неприятельские огневые точки. Там, где не мог доканать врага снаряд, его заставляли смолкнуть наши блокировочные группы. С мешками, наполненными песком, с гранатами и взрывчатыми веществами ползли со всех сторон к неприятельским дотам герои — пехотинцы и саперы. Они забрасывали траншеи врага гранатами, забивали его амбразуры мешками с песком, подрывали...

К ночи героический штурм был закончен — враг стал отступать на всем участке Вуоксинской водной системы.

Об отступлении белофиннов свидетельствовали не только брошенные их гарнизонами дзоты и доты, но и большие столбы пламени, вспыхнувшие в разных местах в глубине их расположения. Это горели деревни местных жителей, которых белофинны насильно уводили на север.

Оперативная сводка штаба Ленинградского военного округа по этому поводу сообщала:

«На Карельском перешейке, в восточной его части, наши войска после артподготовки прорвали главную оборонительную линию финнов по Вуоксинской водной системе, известную среди белофиннов как „линия Мажино — Кирка", форсировали реку Тайпалеенйоки и находятся в движении на север».

Это наступление наших частей не получило, однако, широкого развития вследствие встреченных в глубине расположения врага новых препятствий. Продвинувшись на глубину

10—12 километров, наши части вынуждены были остановиться.

В первых числах января 1940 года партия и Советское правительство направили руководить боевыми действиями на Карельском перешейке товарища С. К. Тимошенко, возглавлявшего перед тем наши войска во время освободительного похода Красной Армии в Западную Украину.

Под руководством С. К. Тимошенко, ныне Героя и Маршала Советского Союза, в частях началась деятельная подготовка к прорыву белофинских укреплений. Бойцы и командиры, выполняя указания товарища Тимошенко, тщательно изучали до мельчайших деталей подступы к переднему краю укрепленной полосы «линии Маннергейма», особенности расположенных там укреплений врага и приемы овладения ими. Кроме того в тылу наши взводы, роты и батальоны стали непрерывно тренироваться в преодолении специально для этого построенных искусственных препятствий по типу вражеских, в действиях блокировочных групп и т. д. Таким образом, находясь на фронте, войска изучали на практике тактику наступательного боя в тех условиях, в которых им предстояло наступать, приобретали и закрепляли для этого практические навыки и сноровки... Именно здесь, в прифронтовой полосе на Карельском перешейке, возникла и получила практическое осуществление идея учить войска именно тому, что им необходимо для успешных действий на войне, и учить их при этом действовать так, как этого требует военная обстановка.

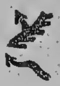
Одновременно, под руководством товарища Тимошенко, была предпринята перегруппировка войск в соответствии с тем исходным положением, которое они должны были занять для общего наступления.

В это время продвижение наших частей в остальных районах Финляндии продолжало развиваться. Доблестные полки Красной Армии всюду с боем продвигались в глубь вражеской территории несмотря на упорное сопротивление белофиннов.

Ко второй половине января 1940 года, то есть к тому времени, когда на Карельском перешейке уже закончилось овладение предпольем и шла деятельная подготовка к прорыву «линии Маннергейма» на важнейшем Выборгском направлении, линия фронта проходила на крайнем севере, на Петсамском направлении, в 130 километрах от нашей границы; южнее, в направлении на город Оулу, она проходила в сторону Рованиеми в 120 километрах и в сторону Суомуссалми в 10—15 километрах от границы, а еще южнее, на важном Сердобольском (город Сортавала) направлении, она была удалена от границы на 80 километров (см. схему 6).

Условные знаки:

— линия фронта

— бегство правительства бело-Финляндии в г. Ваза

— бывшая государственная граница

Схема 6. Положение фронта ко второй половине января 1940 года.

Столь же трудные, но не менее успешные боевые действия против белофиннов проводил в это время Краснознаменный Балтийский Флот.

Линейные корабли «Марат» и «Октябрьская революция», миноносцы, подводные лодки, ледоколы, тральщики — весь мощный боевой комплекс Балтфлота, не считаясь с беспримерно трудными условиями суровой зимы, был приведен в действие. Артиллерийский огонь наших кораблей немало помог

в этот период продвижению частей вдоль побережья Финского залива от города Терийоки к городу Мурила, где в море упирались, прикрытые крепостью Койвисто, правофланговые укрепления «линии Маннергейма». Крепость Койвисто не раз испытала на себе сокрушительную силу башенных орудий наших линкоров, обращавших в развалины ее железобетонные укрепления.

Одновременно, преодолевая исключительные трудности плавания в зимних условиях, проводили свои боевые действия у берегов Финляндии наши подводные лодки. По меткому выражению одного нашего моряка-командира, «ни одно судно, дым которого был виден в перископ, не было оставлено на поверхности моря». Запрятанные в шхерах порты Финляндии оказались под ударами нашего подводного флота.

Плавание финских судов в Финском и Ботническом заливах было парализовано.

Порт Ваза, окруженный большим количеством шхер, белофинское правительство, после бегства из Хельсинки, избрало для себя как надежную резиденцию. Этот порт считался недоступным с моря. Однако наши подводники доказали обратное. Подводная лодка под командой тов. Вершинина, ныне Героя Советского Союза, не только сумела проникнуть в этот порт, но и потопила в нем большой транспорт с ценным грузом.

«Самый лучший пароход, посланный для помощи финской армии, потоплен советской подводной лодкой», — вынуждена была констатировать западно-европейская буржуазная печать.

В то же время наши боевые суда конвоировали идущие в Ленинград советские и иностранные торговые пароходы. Десятки и сотни их были проведены с помощью наших ледоколов и в сопровождении миноносцев и тральщиков в Ленинградский порт. Бдительная охрана морских путей через Финский залив в воздухе, на воде и под водой обеспечила идущим по ним судам полную безопасность — ни одно из них не погибло.

Таков был общий ход событий на суше и на море.

Ожесточенная борьба с белофинской военщиной в условиях исключительно суровой зимы и крайне неблагоприятной для нас местности потребовала от бойцов, командиров и политработников настойчивости, самоотвержения и высокой доблести. Эта борьба послужила замечательной боевой школой практического изучения тактики врага и приобретения соответствующих навыков и сноровки, которые так пригодились в дальнейшем при прорыве основных укрепленных районов «линии Маннергейма» в решающем направлении.

В условиях суровой борьбы во имя безопасности со-

циалистической родины, бойцы, командиры и политработники приняли участие 24 декабря 1939 года в выборах в местные Советы депутатов трудящихся.

Выдвигая в Советы своими кандидатами товарищей, проявивших подвиги в боях с врагами на земле и в воздухе, дружная боевая семья красноармейцев, командиров и политработников демонстрировала этим свою несокрушимую волю к победе над врагом и свою неразрывную связь со всем советским народом. Единодушно голосуя за великого организатора и вдохновителя наших побед, за того, чье имя было их знаменем в бою, за любимого друга, учителя и вождя товарища Сталина и его ближайших соратников, бойцы, командиры и политработники демонстрировали свою сплоченность вокруг боевой большевистской партии.

Эти же чувства, идущие от глубины сердца, звучали в словах письма, посланного бойцами, командирами, комиссарами и политработниками товарищу Сталину в день его шестидесятилетия. Это письмо явилось как бы рапортом великому вождю о совершенных подвигах и преодолении казавшихся неодолимыми препятствий. В письме были и стихи:

С далекого фронта мы шлем эти строки
С любовью великой от наших сердец
Вам, друг и учитель, внимательно строгий,
Заботливый, мудрый и добрый отец.

Мы знаем, мы помним, идущие ныне
Снегами, лесами, вдали от Москвы, —
О каждом из нас, как о собственном сыне,
С волненьем и нежностью помните Вы.

И нету для каждого большей награды,
Полны благодарностью наши сердца...
Вы с нами, и здесь Вы шагаете рядом
В простой и знакомой шинели бойца.

Так, с именем великого Сталина на устах, уверенно шел вперед к окончательной победе каждый боец, каждый командир, каждый политработник.

В этом был залог грядущей победы.

ТРУДЯЩИЕСЯ ЛЕНИНГРАДА В ДНИ БОЕВ С БЕЛОФИННАМИ

Славный путь революционной борьбы и побед прошел под руководством большевистской партии и лично Ленина и Сталина ленинградский пролетариат. В этой борьбе он закалился и стал грозной силой для врагов революции.

В многочисленных забастовках и демонстрациях в годы царизма, в героической Обуховской обороне 1901 года, в славных боях 1905 года, в непримиримой революционной борьбе против эксплуататоров он выковывал свои боевые революционные традиции и под руководством большевиков в 1917 году свергнул в огне Октябрьского вооруженного восстания ненавистную власть капиталистов и помещиков и водрузил в стране победное красное знамя социалистической революции. В годы гражданской войны, несмотря на ужасающие лишения и голод, рабочие и работницы Красного Питера оказывали самоотверженную помощь фронту оружием, снаряжением и боеприпасами, многочисленными рабочими отрядами. На всех фронтах гражданской войны питерские пролетарии шли в первых шеренгах бойцов за Советскую власть против внутренней и международной контрреволюции.

С тех пор прошло 20 лет.

Преобразился облик великой Советской страны, строящей новую светлую жизнь народов, освобожденных от гнета эксплуатации.

Вместе со всей страной преобразился город великого Ленина, социалистический Ленинград. Новые заводы, фабрики-гиганты, величественные дворцы культуры, многочисленные школы и институты, огромное жилищное строительство — все это превратило Ленинград в огромный индустриальный и культурный центр с тремя с половиной миллионами человек населения.

И там, где в памятном 1919 году питерские рабочие и работницы рыли на пригородных пустырях окопы и строили проволочные заграждения, входившие в состав первой, внешней, линии обороны города, там ныне проложены асфальтированные проспекты, бегут трамваи, громоздятся новые многоэтажные жилые массивы, высится прекрасное здание Дома Советов — будущий новый городской центр.

Незабвенный руководитель ленинградских большевиков Сергей Миронович Киров, выступая на XVII съезде партии в 1934 году, говорил:

«...в Ленинграде остались старыми только славные революционные традиции петербургских рабочих, все остальное стало новым».

Товарищ Киров хорошо знал ленинградских пролетариев и глубоко верил в их неиссякаемые творческие силы, в незыблемость их революционных традиций. Зима 1939—1940 годов, когда Ленинград оказался в ближнем тылу развернувшихся боевых действий против финской белогвардейщины, дала новые блестящие доказательства незыблемости революционных традиций пролетариев города Ленина.

«У нас фронт и тыл едины, — писала в эти дни «Ленинградская правда». — Самоотверженной работой на своем посту трудящиеся в эти дни поддерживают Красную Армию, помогают ей громить белофинские войска, все шире развертывают оборонную работу. Не щадя своих сил, не считаясь с временем, работают советские патриоты, чтобы полностью обеспечить Красную Армию первоклассным снаряжением, добротным обмундированием, отличными продуктами питания. Подлинный героизм в труде проявляют рабочие города Ленина, кующие победоносное оружие, с помощью которого Красная Армия окончательно расправится с остервенелыми врагами нашей страны...»

Не перечислить всех подвигов трудового героизма, совершенных рабочими и работницами, инженерами и учеными, учащейся молодежью и домохозяйками города Ленина в помощь фронту путем ремонта оружия и приборов, сбора и посылки подарков, формирования санитарных отрядов и т. д. Советский народ — патриот своей социалистической родины. Исключительно ярко проявился в этих делах советский патриотизм в дни боев с белофиннами, когда Красная Армия с оружием в руках отстаивала безопасность социалистической родины и славного города Ленина.

«В дни зарождения Красной Армии в холодных цехах „Красного путиловца" строили бронепоезда для защиты родины, — писал с Кировского завода И. Наумов. — Люди, со-

оружавшие эти поезда, составляли их боевой экипаж. Славой овеяны имена бесстрашного комиссара бронепоезда большевика Ивана Газа, десятков и сотен краснопутиловцев, дравшихся на всех фронтах гражданской войны.

Прошло больше двух десятилетий. Кировский завод неузнаваемо преобразился. Его по праву называют всесоюзной лабораторией новой техники, ибо нет такой машины, нужной для народного хозяйства и обороны страны, которой не смог бы создать замечательный коллектив кировцев... И в нынешних беспримерных делах кировцев живут славные революционные традиции прошлого».

О том, с каким подъемом проходила работа на заводе, лучше всего свидетельствует следующий рассказ:

«До начала работы здесь происходят краткие пятиминутные летучки. Два документа зачитываются на этих летучках: последняя оперативная сводка с фронта и сообщение о выработке стахановцев, занятых в предыдущую смену. Когда недавно сменный мастер Антонов услышал, что утренняя смена выполнила задание на 221 процент, он собрал людей и спросил их:

— Неужели мы уступим кому-либо первенство в этом почетном соревновании?

Бригадир Кондратьев, стахановец Сулейманов, все рабочие заняли свои места у станка. Люди работали точно и размеренно, не теряя ни секунды. Прежний рекорд был перекрыт — смена выполнила задание на 242 процента».

Инженерно-технический персонал завода принял самое активное участие в организации трудового подъема для досрочного выполнения заказов на Кировском заводе.

«Блестяще проявили себя командиры производства, — говорил тов. Наумов. — В решающие дни они лично возглавили смены. Утренней сменой руководил начальник металлургического отдела завода Исаев, дневной — начальник прокатного цеха Козин, ночной — старший мастер прокатки Васильев. Но все они не уходили с завода круглые сутки. Сдав смену, они готовились к завтрашнему дню, заботились о доставке материалов, инструментов и всего необходимого для бесперебойной и высоко производительной работы».

Так было во всех цехах завода.

Самоотверженно работал и дружный коллектив Ижорского завода, прославившийся трудовым героизмом еще в годы гражданской войны.

«Обязательства стахановцев предельно кратки и выразительны, — писали с этого завода Л. Александров и А. Кленов. — Счет времени ведется не в днях, а в часах.

Когда в механический цех № 2 поступил заказ, в сменах были проведены короткие собрания-летучки. Затем сразу приступили к делу. Социалистическое соревнование одухотворяло работу стахановцев. Партийная организация цеха умело направляла это соревнование.

— Будем работать, сколько потребуется, — говорили рабочие и инженеры.

Нередко люди проводили в цеху по три смены подряд. Душой соревнования были коммунисты. Слесари Шувалов, Зарубин, Владимиров, огнерез Клопцов, как подобает партийным людям, выполняли нормы выработки на 200—300 процентов. С такой же энергией работали и непартийные большевики, прекрасные советские патриоты, слесари Новиков, Голубев, сверловщик Елисеев и другие».

Все заказы выполнялись ижорцами досрочно.

«С энтузиазмом работал весь коллектив, — сообщал с Пролетарского завода И. Богданов, — каждый почувствовал себя защитником родины.

Работа, требовавшая в обычных условиях месяцев, выполнялась теперь буквально в несколько дней. В процессе ее освоения учились рабочие, учились и командиры производства. Когда дело не ладилось, начальник цеха Кирилин, секретарь парторганизации Михеев и стахановцы не выходили из цеха, пока не достигали нужного результата».

Можно привести много подобных примеров самоотверженной работы.

На завод имени Макса Гельца поступило лаконичное, как приказ, задание.

— Утром, — сказали инженеры и техники, — цеха должны начать обработку деталей и к вечеру выпустить первые механизмы.

Помощник начальника производства Яковлев, инженеры Балаян и Макаренко предложили организовать поточное производство. Возникал ряд, казалось, неразрешимых вопросов. Можно ли за сутки освоить сложный технологический процесс сборки? Можно. Молодому талантливому организатору Зуеву помогут мастер Петров, бригадиры Быстров и Гребенев, целая армия стахановцев... В эту же ночь на заводе родились десятки смелых технических идей, воплотились в жизнь творческие замыслы конструкторов.

Заказ был выполнен в небывало короткий срок, на много раз сокращавший обычные нормы.

«Стремительное наступление на фронте воодушевляло весь коллектив завода, — рассказывал В. Шаевич с завода «Красно-

знаменец». — Люди работали с подлинным энтузиазмом, не считаясь с временем.

Сознание долга перед родиной окрыляет людей. Многие стахановцы достигли такой выработки, о которой в цеху и не мечтали. Тов. Абрамова выполняет сейчас 7,5 нормы в день. Исключительных успехов добились стахановцы Старшов, Волков и многие другие.

От Абрамовой не отставали женщины других цехов. Так например, стахановки Николаева и Дунина придумали новый метод проверки изделий. Они применили прием, при помощи которого удается вместо одного изделия проверять сразу десятки штук. Производительность возросла колоссально».

Исключительно суровая зима требовала теплых вещей для бойцов. За выполнение этой задачи взялись работницы трикотажных фабрик. К. Евгеньев с фабрики «Красное знамя» рассказывал:

«Швейницы, трикотажницы, чулочницы подлинно по-стахановски работают над почетными заданиями Красной Армии. Они шьют и вяжут для бойцов теплые вещи, вкладывая в свой труд удвоенную творческую энергию.

Никогда еще так быстро не работали швейные конвейеры бригадиров Двихленой, Князевой, Будиной. Для этого пришлось преодолеть немало трудностей. Понадобилось перезаправлять конвейеры на совершенно новый ассортимент. В другое время на это ушло бы 3—4 дня, а теперь только 7 часов.

В небывало короткий срок была разработана вся технология нового производства. Техник Рейдер непосредственно на машинах проверяла и корректировала технологию, разработанную ею совместно с инженером Лордкипанидзе и другими технологами. Нынче вязальщицы Нерике, Демченко, Кузнецова, Людвиг, Гвоздь вырабатывают вместо 12 десятков по 14—15 десятков шерстяных изделий для бойцов. И этот заказ выполняется досрочно».

Так было и на других фабриках, на других заводах.

Помочь всем чем можно бойцам Красной Армии — этой мыслью жили все трудящиеся Советской страны. Каждый чувствовал себя ответственным перед своей социалистической родиной, каждый стремился выполнить свой долг советского гражданина. Многие товарищи отдавали время отдыха и сна самоотверженной работе.

«Слесарь Тузов на заводе имени Карла Маркса работал без перерыва вторые сутки, — рассказывает Н. Лебедев. — К нему подходили мастера Забелло и Антонов, предлагали пойти отдохнуть. Он отвечал:

— А вы сами?

Действительно, оба мастера работали так же самоотверженно».

А вот другой образец трудового самоотвержения рабочих, о котором сообщает А. Лепин.

«Случай был простой, но не совсем заурядный. Стахановец Чистяков с Механического завода узнал, что у одной машины произошла поломка. Придя в цех, он тотчас же передал об этом товарищам по работе.

Они быстро решили: нужно привести машину в полный порядок. Люди остались в цеху на всю ночь. К утру все было исправлено».

Н. Степанов с завода имени Макса Гельца рассказывает:

«В механосборочный цех недавно пришел токарь Нюлунд. Это — пятидесятилетний, на вид не очень выносливый человек. Начальник цеха Кузьмин узнал, что он работает несколько смен. Подошел к нему:

— Может быть Вас сменить?

— Нет, я еще поработаю. Подмены не нужно. Пусть и мои стариковские руки принесут пользу родине».

Советские патриоты проявляли трудовые подвиги у фабрично-заводских станков, в колхозах, в лабораториях заводов и институтов, в чертежно-проектировочных бюро. Потоки вооружения, сложной технической аппаратуры, снаряжения, теплого обмундирования и т. п., вливаясь в действующие на фронте части Красной Армии, свидетельствовали лучше всяких слов о трудовом энтузиазме ленинградцев, о неразрывной связи фронта с тылом.

В продвижении этих грузопотоков к находящимся на фронте частям Красной Армии имела большое значение работа железных дорог. Железнодорожники не отставали от старых производственников фабрик и заводов. Они также проявили высокий трудовой энтузиазм и геройство. Вот некоторые факты, о которых рассказывает Н. Филиппова:

«Руководители одного из узлов Октябрьской железной дороги получили приказ: отправить несколько специальных поездов. В депо в это время находилось всего 16 свободных паровозов. Был один выход — срочно отремонтировать еще 4 паровоза. Два из них нуждались в промывочном ремонте, который обычно занимает около 14 часов. Бригады тт. Кузьмина, Субботина и Новака решили закончить ремонт к вечеру. Слесарь Черненко обязался один отремонтировать дышла на всех паровозах. Он вызвал на соревнование слесаря Пахомова, который, в свою очередь, взялся привести в порядок поршни и золотники на всех паровозах.

Закипела дружная работа. Бригады свое слово сдержали.

Точно в назначенный срок специальные поезда были отправлены».

Другой случай:

«Требовалось срочно отправить поезд за важным грузом. Выполнение спешного и ответственного задания было поручено бригадам лучших машинистов: Ткаческого и Корнилова.

Они быстро произвели экипировку паровоза. Через три четверти часа состав покинул станцию.

Шли полным ходом. Станцию Н. миновали не останавливаясь. Обычно здесь производится технический осмотр паровоза. Но машинисты-кривоносцы хорошо знали свою машину и были уверены в ней. Благодаря слаженной работе обеих бригад удалось сократить время стоянок. Приехав на место, никто не подумал об отдыхе: бригады сразу принялись тщательно готовить паровоз к обратному рейсу.

Важный груз был привезен на 12 часов раньше назначенного срока».

Так было всюду. В поездах и депо, на станциях и во время движения советские железнодорожники с честью выполняли задания для Красной Армии.

Двигавшиеся на фронт груженые поезда везли бойцам и командирам Красной Армии не только вооружение и снаряжение, но и многочисленные подарки от трудящихся.

Десятки тысяч посылок с бельем, теплыми вещами, папиросами, табаком, шоколадом и т. п. собирались трудящимися и отправлялись затем на фронт в полки Красной Армии и на корабли Балтийского флота. Иногда с транспортом таких посылок выезжала рабочая делегация. О поездке одной такой делегации, например от фабрики «Красное знамя», рассказывает тов. Евгеньев:

«Недавно вернулись с фронта швейница Орлова, чулочница Судакова, браковщица Корнеева. Они отвозили бойцам подарки. Делегатки полны незабываемых впечатлений, они восхищены героизмом красных воинов. Побывав в дотах, в железобетонных подземных крепостях, из которых вышиблены белофинны, делегатки воочию убедились, как сокрушителен натиск красных частей».

Почта ежедневно привозила с фронта тысячи ответных писем от бойцов и командиров. Эти письма были полны веры в конечную и полную победу над коварным врагом и насыщены глубокой любовью к родине, готовностью отдать все свои силы, а если понадобится и свою жизнь за великое дело обеспечения безопасности северо-западных границ Советской родины и социалистического Ленинграда.

Делясь результатами работы районных комиссий по приему

подарков для бойцов Действующей Красной Армии, председатель Ленинградской общегородской комиссии Кашкаров сообщил:

«Работа наших комиссий — яркий пример единства фронта и тыла, великой любви трудящихся к своей могучей армии. Ежедневно мы посылаем на фронт огромное количество подарков. За короткий промежуток времени мы отправили подарков от трудящихся города бойцам Действующей Красной Армии почти на 20 миллионов рублей».

В этом выражалась горячая любовь советского народа к своей Красной Армии, это был символ нерушимой кровной связи Красной Армии и советского народа.

В дни войны с финской белогвардейщиной трудящиеся Ленинграда и области еще шире развернули оборонную работу, демонстрируя этим свою мобилизационную готовность.

По почину рабочих, Ленинград и Москва вступили между собой в оборонное социалистическое соревнование.

В ознаменование предстоящего очередного призыва в Красную Армию в 1940 году, ленинградцы взяли на себя обязательства: не менее 80 процентов молодежи призывного возраста приготовить к призыву ворошиловскими стрелками, добиться, чтобы 90 процентов этой молодежи сдали до призыва комплексы на значки ПВХО и ГСО и 70 процентов на значок ГТО; кроме того, подготовить из числа призывников тысячи пулеметчиков, гранатометчиков, снайперов, шоферов, мотоциклистов и т. п. В это соревнование один за другим включались районы города и области.

В ознаменование XXII годовщины Красной Армии и Военно-Морского Флота во всех районах города и области развернулись соревнования стрелков, гранатометчиков, санитаров и т. д. Сначала в Лужском, Крестецком и Слуцком, а затем и в других районах Ленинградской области колхозники стали организовывать лыжные походы, тактические учения и проводить другие мероприятия, повышавшие уровень военных знаний и физическую закалку населения.

Сотни новых оборонных кружков были созданы в колхозах и учреждениях, на предприятиях и в научно-исследовательских институтах. При домохозяйствах успешно развернули свою работу дружины ПВХО и санитарные посты. При больницах и госпиталях домашние хозяйки стали проходить обучение санитарному делу.

Коммунисты и комсомольцы были в первых рядах соревнующихся, показывали образцы общественно-политической активности. Рука об руку с ними работали самые широкие круги трудящихся — рабочие и колхозники, инженерно-

технический персонал и ученые, учащиеся и преподаватели.

Весь советский народ был готов подняться на борьбу с зарвавшейся финской белогвардейщиной. Тысячи ленинградских советских патриотов добровольцами отправились на фронт.

Многие работницы и домашние хозяйки вступали в ряды медицинских сестер и просили разрешения работать в госпиталях и перевязочных пунктах на фронте. Газета комитета Общества Красного креста Московского района по этому поводу писала:

«Когда банды Юденича подступали к Красному Петрограду и тысячи питерских пролетариев ушли на фронт, многие работницы Московской заставы объединились в санитарные отряды. У Пулковских высот в это время шел бой. Забывая об опасности, красные медицинские сестры самоотверженно работали под огнем врага. Среди этих мужественных советских женщин находилась и работница завода „Сименс-Шуккерт" Мария Андреевна Кузнецова.

Спустя 20 лет ее дочь Галина, комсомолка завода „Электросила" имени С. М. Кирова, обратилась в школу медсестер с таким заявлением:

— Я горжусь своей матерью. Хочу следовать ее примеру и стать медицинской сестрой».

О работе школ медицинских сестер эта же газета сообщала:

«В школе медицинских сестер за одной партой сидят ткачихи, закройщицы, обметчицы, инженеры, конструкторы, бухгалтеры. Приступая к учебе, курсантки обязались иметь не менее 70 процентов хороших и отличных оценок, а добились 85 процентов. Курсантки прошли практику в больницах района».

Замечательны примеры патриотизма советских женщин, организовавших санитарные кружки при домохозяйствах.

«Кто из живущих в доме № 82 по Обводному каналу не знает Екатерины Ивановны Васильевой? — писала та же газета. — Она — лучшая активистка Красного креста. Сдав нормы на значок ГСО первой и второй ступени, эта уже не молодая женщина получила звание командира санитарного звена. Она подготовила свыше 70 домохозяек к сдаче норм ГСО. Она создала десятки санитарных кружков в домохозяйствах своего района».

Сотни пламенных советских патриоток отправились на фронт, чтобы выполнить там почетную обязанность медицинских сестер и санитарок. Вот письмо одной из них, тов.

Холостяковой, присланное своим товарищам на производство:

«Дорогие товарищи, в работу мы окунулись с головой. Мы ежедневно наблюдаем героизм и мужество красноармейцев и командиров, их беззаветную преданность родине. Заверяем вас, что и мы будем отдавать все силы на защиту нашей родины».

Наш советский тыл был неотделимой частью фронта, деятельно помогавшей ему в разгроме белофиннов.

И фронт чувствовал эту поддержку и чутко на нее откликался. Герой Советского Союза Антонов по этому поводу рассказывал:

«На передовых позициях ежедневно, ежечасно мы ощущали великую заботу советского народа. Подарки от трудящихся города Ленина, говорившие о любви и внимании народа к своей армии, были нам очень дороги, но всего дороже были для нас задушевные письма, которые мы находили в посылках. Даже дети не оставались равнодушными к событиям — они тоже слали нам подарки, писали письма, подкупающие своей искренностью. В письме одной семилетней девочки были такие строки:

— Я хотела бы с Вами заключить соревнование — Вы на то, чтобы отлично выполнять боевую задачу, а я на то, чтобы отлично учиться.

Между девочкой и командиром, который получил это письмо, завязалась переписка. В одном из писем девочка сообщила:

— Когда я встаю рано утром, то сразу смотрю в окно — летная или нелетная погода.

Мальчик лет шести писал одному из наших командиров:

— Я посылаю Вам свой скромный подарок — модель моего самолета. Знаю, что Вы крепко бьете белофиннов. Когда я буду большим, я на своем самолете буду громить врагов еще крепче, чем Вы громите их сейчас.

Помощь и забота народа нас вдохновляли и воодушевляли. Мы старались оправдать доверие и любовь родины и сейчас с гордостью можем сказать: мы не позволили появиться над Ленинградом ни одному самолету врага!»

Таким образом на деле еще раз блестяще подтверждались слова товарища Сталина, сказанные им в день X годовщины Красной Армии:

«... У нас... народ и армия составляют одно целое, одну семью. Нигде в мире нет таких любовных и заботливых отношений со стороны народа к армии, как у нас. У нас армию любят, ее уважают, о ней заботятся. Почему? Потому, что

впервые в мире рабочие и крестьяне создали свою собственную армию, которая служит не господам, а бывшим рабам, ныне освобожденным рабочим и крестьянам.

Вот где источник силы нашей Красной Армии.

А что значит любовь народа к своей армии? Это значит, что такая армия будет иметь крепчайший тыл, что такая армия является непобедимой».

В дни боев с белофиннами тыл и фронт объединились в едином стремлении: прочно обеспечить безопасность северо-западных рубежей Советской родины и социалистического Ленинграда.

В этом был залог побед, одержанных в дальнейших боях.

ПОДЖИГАТЕЛИ ВОЙНЫ ЗА РАБОТОЙ

Звериным воем и потоками антисоветской клеветы встретила англо-французская и скандинавская пресса известие о боевых действиях частей Красной Армии против финской белогвардейщины. Эта полная классовой ненависти кампания была нацелена на срыв той внешнеполитической линии, которую твердо проводило Советское правительство.

С самого начала второй империалистической войны Советское правительство провозгласило политику нейтралитета и твердую решимость избавить народы Советской страны от ужасов войны. Отсюда вытекала и вся система внешнеполитических мероприятий Советского правительства, неуклонно продолжавшего ту мудрую сталинскую мирную политику, которая привела народы СССР к хозяйственному и культурному процветанию, к построению социалистического общества.

«... Пора бы этим господам понять, — говорил товарищ Молотов в своем докладе на Шестой сессии Верховного Совета СССР 29 марта 1940 года, — что Советский Союз не был и никогда не будет орудием чужой политики, что СССР всегда проводил и будет проводить свою собственную политику, не считаясь с тем, нравится это господам из других стран или не нравится».

Вскрывая истинные побуждения поджигателей войны из англо-французского лагеря, товарищ Молотов указывал:

«Поскольку Советский Союз не захотел стать пособником Англии и Франции в проведении этой империалистической политики против Германии, враждебность их позиций в отношении Советского Союза еще больше усилилась, наглядно свидетельствуя, насколько глубоки классовые корни враждебной политики империалистов против социалистического государства. Начавшуюся же в Финляндии войну англо-французские империалисты готовы были сделать отправным пунк-

том для войны против СССР, с использованием в этих целях не только самой Финляндии, но и скандинавских стран — Швеции и Норвегии».

Добившись срыва советско-финляндских переговоров, англо-французские империалисты развернули широкую кампанию за создание единого антисоветского фронта, за поход против СССР белофинских войск с войсками Швеции и Норвегии и англо-французскими экспедиционными корпусами. Этим Англия и Франция достигали стратегического охвата правого фланга германской «линии Зигфрида» через Голландию и Данию, что создавало опасное положение для Германии. Если к этому прибавить усиленный нажим англо-французских дипломатических представителей на страны так называемой Балканской Антанты в целях вовлечения их в войну на стороне Англии и Франции и наличие у этих последних в Сирии для подкрепления своего военно-дипломатического хода почти миллионной армии, готовой к переброске на этот новый участок фронта мировой войны, то планы англо-французских генеральных штабов, сводившиеся к захвату Германии в стратегические клещи с севера и юго-востока, станут совершенно ясными.

По этому поводу германская газета «Берлинер берзенцайтунг» писала, что французские и английские империалистические круги заняты сейчас поисками на географической карте Европы новых возможных плацдармов войны. Ближний Восток, Балканы и Северная Европа должны, по расчетам Англии и Франции, явиться тем плацдармом, откуда союзники могут нанести фланговые удары Германии. С этой целью, как писала газета, английские и французские империалистические круги начали уже заранее обрабатывать общественное мнение.

В Скандинавии эта «обработка» выразилась, как известно, в бешеной антисоветской кампании в печати и в погромных выступлениях политических дельцов и их социал-демократических подпевал.

«Так как между Германией и Советским Союзом нельзя вбить клин, — писала газета «Дейче альгемайне цайтунг», — то союзники (то есть Англия и Франция. — *Г. К.*) хотят превратить нейтральные страны в театр войны. В этом и заключается смысл английского военного плана № 2».

Для осуществления своих планов в Скандинавии и Финляндии, империалистические англо-французские круги не останавливались ни перед какими средствами. Погромная антисоветская кампания в печати, возглавляемая английским официозом «Таймс» и руководящей газетой французских империалистов «Тан», полицейский налет на помещение нашего

торгпредства в Париже, захват наших торговых пароходов на Дальнем Востоке, отказ от выполнения наших старых заказов на промышленное оборудование в Англии, наложение ареста на денежные суммы нашего торгпредства во Франции и т. д. и т. п. — все это с полной очевидностью свидетельствовало об усиленной подготовке к антисоветскому военному походу.

В то самое время, когда Красная Армия перешла советско-финляндскую границу и развернула широкое наступление через приграничные белофинские укрепления, англо-французские дипломаты усиленно нажимали на правительства скандинавских стран, толкая их на открытое военное выступление против Советского Союза.

«Англия и Франция, — писала по этому поводу германская газета «Кельнише цайтунг», — оказывают сильный нажим на Швецию и Норвегию, стараясь заставить их оказать широкую „помощь" Финляндии».

«Под флагом „помощи Финляндии", — писала та же газета, — Англия и Франция пытаются обеспечить свои собственные интересы. Согласно заявлениям английской печати „поражение Финляндии нанесет огромный ущерб Англии и Франции в стратегическом отношении". Вот где лежат истинные причины кампании „помощи Финляндии"! Все разговоры о так называемых „моральных женевских идеалах" являются лишь маневром, который должен прикрыть желание захватить Скандинавию и превратить ее в новый плацдарм войны».

К этому необходимо добавить, что Англия начала торговые переговоры со Швецией, Норвегией и Данией с прямой целью наложить руку на торговлю северных стран и обеспечить себе на их рынках экономическое господство.

«Определенным маневром Англия хочет подчинить себе всю внешнюю торговлю северных стран, установив в них фактически клиринговый расчет, — писала по этому поводу норвежская газета «Тиденс тейн». — Нельзя не пожалеть, что Швеция, заключив такой договор, связала свободу маневрирования своей валютой. Уступка Швеции ухудшила положение и наших стран.

Итоги внешней торговли Дании показывают, что она находится в затруднительном положении. Если допустить сейчас новый порядок клиринговых расчетов с Англией, т. е. отказаться от получения валюты за превышение экспорта над импортом, — необходимо будет увеличить ввоз из Англии.

Импорт Норвегии из Англии превысил в 1938 году экспорт на 55 миллионов крон. Этот пассив в торговле с Англией

Норвегия покрывает доходами от судоходства. Введение нового порядка, подобного шведскому, было бы несчастием для Норвегии.

Можно ли верить при таких условиях заявлению Англии о том, что она питает к нам дружественные чувства!»

Еще яснее по этому поводу писала газета «Данцигер форпостен»:

«Под предлогом „помощи Финляндии" Англия старается заполучить от скандинавских стран не только территории для аэродромов, она проявляет также интерес к рудным и лесным богатствам Севера».

На службу дипломатам и финансовым заправилам была поставлена буржуазная общественность как Англии и Франции, так и тех нейтральных стран, которые должны были быть втянуты в выполнение планов английского и французского генеральных штабов.

В Норвегии, Швеции и Дании были спешно организованы англо-французскими агентами «финляндские комитеты». Опираясь на социал-демократических лидеров скандинавских стран и лидеров реформистских профсоюзов, эти комитеты развернули широкую антисоветскую деятельность за оказание действенной помощи белофиннам. Они призывали норвежский, шведский и датский народы помогать защите «демократии и свободы» как денежными взносами, так и непосредственным участием в боевых действиях.

«Финляндские комитеты» мобилизовали печать, общественные и профсоюзные организации, открыли вербовку «добровольцев» в белофинскую армию, организовали прием пожертвований. Все эти явно антисоветские действия происходили на глазах соответствующих правительственных учреждений и при широком содействии ряда политических деятелей.

Деятельность «финляндских комитетов» возглавляли явные буржуазные реакционеры. Так например, объединенный финляндский комитет Швеции, где агитация за немедленную «помощь» бело-Финляндии достигла особенно широких размеров, возглавлял Мальм, председатель целого ряда акционерных обществ (Булиден-Реннщхерского транспортного общества, общества железной дороги Даннемура — Харт, страхового общества Геро, общества железной дороги Стокгольм — Римбу, общества омнибусов Стокгольмского округа, шведского торгового банка и т. д.) с общим капиталом около 138 миллионов крон. Под стать председателю были и члены этого комитета: Викандер — фактический руководитель предприятий с капиталом около 112 миллионов крон, Стедингк — директор и член правления шведского торгового банка и член

правления восьми промышленных акционерных обществ с общим капиталом в 124 миллиона крон, Лундвик — финансист, контролирующий промышленные объединения с общим капиталом более 39 миллионов крон, и Пальме — член правления четырех страховых обществ с капиталом свыше 6 миллионов крон. Эти пять «защитников финской демократии» из шведского объединенного финляндского комитета в общей сложности обладали капиталом более 400 миллионов крон.

Вокруг этого «финляндского комитета» группировались предатели — лидеры шведских социал-демократов и соглашательские руководители реформистских профсоюзов в лице Сандлера, Хеглунда, Стрема, Линдберга, Каснарсона, Тунберга и целого ряда других, призванные к этой «почетной» деятельности для того, чтобы повести за собой рабочие массы и создать хотя бы видимость широкого народного движения.

Сандлер, став во главе так называемых «активистов», развил с их помощью ничем не прикрытую провокационную деятельность, целью которой являлось сорвать нейтралитет Швеции изнутри и поставить шведское правительство перед лицом свершившегося факта. Одновременно его подручные — полковник шведской службы Братт и «профессор» Анлунд написали и выпустили брошюру, открыто призывавшую правительство двинуть шведское войско на помощь Финляндии.

Ту же картину можно было наблюдать и в других скандинавских странах. В Норвегии, например, разъезжал по стране, выступая с речами, некий тюремный врач Шарфенберг. Социал-предатель Шарфенберг резко критиковал норвежское правительство за его отказ нарушить нейтралитет и призывал к немедленному вступлению в войну с Советским Союзом. Одновременно норвежские «активисты», во главе с редактором социал-демократического органа «Арбейдербладет» Транмелем, развернули такую же провокационную деятельность, а бывший норвежский посланник в Лондоне Фогт выступил в газете «Тиденс тейн» с рядом статей, открыто призывавших норвежское правительство немедленно двинуть войска на помощь белофиннам.

Буржуазные дельцы не останавливались перед обманом и принуждением трудового населения своих стран. Добиваясь широкого охвата населения «добровольными» взносами в фонд помощи белофиннам, который давал бы им право говорить об участии в этом «всего народа», эти прожженные фальсификаторы пускались на угрозы и запугивание рабочих и крестьянских масс.

«Ленинградская правда» в телеграмме из Стокгольма от 13 января 1940 года сообщала:

«В Швеции проводится систематический сбор средств для бело-Финляндии. О том, как собираются эти деньги, сообщает шведская буржуазная печать. Так, организованный в декабре прошлого года в Швеции полуправительственный сельскохозяйственный союз разослал всем крестьянам — членам союза — директиву, в которой требует пожертвования в пользу белофинского правительства однодневной выручки от продажи молока и 100 килограммов зерна. В случае отказа крестьяне подвергаются риску быть выброшенными из союза. Так шведские власти принуждают население помогать маннергеймовцам».

Подобным же образом действовала англо-французская агентура и в Норвегии.

По сообщению ТАССа из Осло 13 февраля 1940 года газета «Моргенбладет» напечатала сообщение: «Правление муниципалитета города Осло постановило вычитать из месячной зарплаты всех рабочих и служащих муниципалитета 6 крон 50 эре на помощь Финляндии». Как сообщает газета, это решение вызвало недовольство среди рабочих и служащих, которые считают, что муниципалитет не имеет никакого права производить такие вычеты из зарплаты.

Даже буржуазная газета «Моргенбладет», ежедневно требующая увеличения помощи бело-Финляндии, вынуждена констатировать, что подобная «помощь» носит «принудительный характер».

Никакие протесты рабочих не помогали. Подобные же «порядки» устанавливались и в Дании:

«В Копенгагене, — сообщало ТАСС, — в одном из крупных универсальных магазинов, принадлежащем братьям Даель, среди служебного персонала проводится насильственный сбор средств белофиннам. Как сообщает газета „Арбейтербладет", ежемесячно из зарплаты каждого служащего вычитают более 7 крон. Не желающих платить выбрасывают на улицу... Описанный случай принудительных сборов, как отмечает газета, не является единичным».

Та же политика низкопробного обмана, а затем и ничем не прикрытого принуждения применялась и в вербовочных бюро скандинавских стран. В этом буржуазии деятельно помогали верхушки социал-демократии. Сообщение ТАССа из Стокгольма от 5 января 1940 года гласило:

«Несмотря на все усилия организаторов вербовки „добровольцев" на помощь белофиннам, находится мало охотников помогать маннергеймовской Финляндии. Как сообщает газета „Ню даг", в специальных бюро по вербовке добровольцев записываются главным образом офицеры...

Шведские офицеры, торговцы, русские белогвардейцы — вот кто помогает барону Маннергейму. Главной фигурой среди них является шведский генерал-майор Линдер, „ветеран" белогвардейского похода в Финляндию в 1918 году. После кровавой расправы с рабочими в Тампере, этот ближайший сподвижник Маннергейма получил чин генерал-лейтенанта финской армии. Ныне этот самый Линдер снова направился в белую Финляндию».

Когда все старания придать вербовке массовый характер провалились, были сделаны попытки заполучить нужное количество «добровольцев» из числа безработных. Сокращение выдачи пособий безработным и свертывание общественных работ вызвали рост безработицы в Швеции. Шведская реакция, используя тяжелое положение безработных, всячески вынуждала их вступать в «добровольческие» отряды. Газета «Социал-демократен» запугивала шведских каменщиков, предлагая им немедленно выехать в бело-Финляндию, «. . .так как число безработных каменщиков в Швеции скоро удвоится».

Разоблачая деятельность англо-французской агентуры в скандинавских странах и предательскую роль верхушки социал-демократии, известная шведская социал-демократка Рут Адлер выступила с открытым письмом, в котором писала:

«Всех, кто не хочет изменить принципам социализма, преследуют, выгоняют с постов в общественных организациях на радость нашим врагам.

Наши лидеры отказываются от классовой борьбы, заменив ее изменническим соглашением с врагами рабочего движения под предлогом внешнеполитической опасности. Нас лишили всех средств борьбы: свободы печати, свободы слова, свободы мнений и свободы профсоюзного движения. Введены законы, которые могут каждого из нас поставить под полицейский надзор, без всякого права на защиту в юридических инстанциях.

Военная опасность, на которую указывают, как на причину введения чрезвычайных законов, сознательно провоцируется реакцией. Ведется систематическая беспримерная травля первого в мире социалистического рабочего государства. СССР обвиняют в империализме, чтобы погнать нас на войну против него.

Нейтралитет является официальной политикой нашего правительства, но его нарушают ежедневно, ежечасно. Те же, которые хотят отстаивать наш нейтралитет, расплачиваются каторжными работами только за то, что они осмелились напомнить, что дело лапуаских генералов и финских реакционеров не может быть нашим делом. Помощь Финляндии ис-

пользуется реакцией для расправы со своими противниками. Это уже привело к тому, что наиболее стойкие товарищи лишены работы и изгнаны со своих постов».

Кампания «помощи» бело-Финляндии, имевшая конечной целью заставить правительства скандинавских стран ввязаться в войну против Советского Союза, вызвала острое недовольство среди трудящегося населения этих стран и многочисленные протесты против насилий. В Англии и Франции, в Швеции, Норвегии и Дании передовые рабочие и интеллигенция поднимали свой голос за солидарность не с маннергеймовской военщиной, а с великим Советским Союзом. На своих собраниях рабочие принимали резолюции протеста, требовали прекращения «помощи» белофиннам и прекращения провокационной деятельности по отношению к Советскому Союзу.

«Мы категорически требуем, — заявили рабочие норвежского города Шаен, — прекращения агитации за вербовку добровольцев в бело-Финляндию. Норвегия не должна разрешать транзита оружия и иностранных войск через свою территорию».

«Мы с огромным беспокойством следим за событиями в нашей стране, — указывали дорожные рабочие в шведском уезде Солом. — Национальный доход увеличивается, а жизненный уровень рабочего класса снижается. Положение безработных и низкооплачиваемых рабочих становится все тяжелее. Мы вынуждены голодать, в то время как капиталисты нашей страны отправляют сотни тысяч крон для финансирования войны против Советского Союза».

«Профсоюз отказывается поддерживать Маннергейма. Мы питаем глубокие симпатии к освободительной борьбе трудящихся Финляндии и надеемся на скорую победу над маннергеймовцами, которые, являясь агентами английского и французского империализма, ввергли Финляндию в войну и бедствия. Мы требуем вместе с тем, чтобы датское правительство немедленно приняло меры против тех газет, которые ведут гнусную кампанию лжи и клеветы против Советского Союза», — поднимали свой голос портовые рабочие Копенгагена.

Такие же требования выдвигались на рабочих собраниях в Англии, Франции, Соединенных Штатах Америки и других странах.

Вместе с рабочими поднимали свой голос протеста и лучшие представители интеллигенции. Так например, известный норвежский писатель Нордаль Григ выступил 12 января 1940 года в газете «Дагбладет» со статьей, в которой он открыто излагал свои взгляды. Он писал:

«Мои чаяния, в отличие от стремлений буржуазных писателей, сегодня, как и всегда, связаны с моей Норвегией, с трудящимся норвежским народом, который хочет мира и ненавидит войну. Капиталисты, торговцы и другие эксплуататоры стремятся ввергнуть норвежский народ в кровавую бойню. Я заявляю, что единственным врагом Норвегии являются люди, пытающиеся вызвать страну из состояния нейтралитета».

На протест передовых слоев трудящихся масс буржуазные правители скандинавских стран отвечали введением чрезвычайных законов, полицейскими репрессиями и походом против компартии, что означало по сути дела установление белого террора. В результате этих чрезвычайных мер правительства скандинавских стран добились транзита в Финляндию оружия и боеприпасов, посылаемых туда из Англии и Франции. Мощные потоки военных грузов потекли из портов западного побережья Норвегии (где разгружались английские и французские военные транспорты) по железным дорогам Скандинавского полуострова в Финляндию. Поезд за поездом направлялись туда завербованные «добровольцы». Банковские конторы Стокгольма, Копенгагена, Осло и других городов переводили ежедневно в Финляндию «добровольно» собранные деньги.

Все это означало, что скандинавские страны нарушили свой нейтралитет в угоду и в интересах англо-французских империалистов, расценивавших это как первый шаг к фактическому открытому военному выступлению против Советского Союза.

Белофинны стали получать огромную военную помощь. В докладе на Шестой сессии Верховного Совета СССР товарищ Молотов говорил:

«Английский премьер Чемберлен... дал что-то вроде отчета в том, как и чем именно английские империалисты стремились помочь разжиганию войны в Финляндии против Советского Союза. Чемберлен огласил список военных материалов, которые были обещаны и отправлены в Финляндию: было обещано 152 самолета, послано 101 самолет; было обещано орудий — 223, послано — 114; было обещано снарядов — 297 тысяч, послано — 185 тысяч; пушек Виккерса было обещано — 100, послано — 100; было обещано авиационных бомб — 20 700, было послано — 15 700; было обещано противотанковых мин — 20 000, было послано — 10 000 и т. д. ...

Что касается Франции, то, по сообщениям французской печати, оттуда было отправлено в Финляндию 179 самолетов, 472 орудия, 795 000 снарядов, 5100 пулеметов, 200 000 ручных гранат и т. д. ...

Следует еще упомянуть об участии в финляндской войне Швеции. По сообщениям, обошедшим все шведские газеты, Швеция предоставила в распоряжение Финляндии во время войны против Советского Союза „известное количество самолетов, которые составляли, примерно, одну пятую часть всех тогдашних шведских военно-воздушных сил”. По заявлению шведского военного министра финны получили из Швеции 84 000 винтовок, 575 пулеметов, свыше 300 артиллерийских орудий, 300 тысяч гранат, 50 миллионов патронов. Весь этот материал, по заявлению министра, был самого новейшего образца.

Не отстала в раздувании войны в Финляндии также и Италия. Она, например, послала в Финляндию 50 военных самолетов.

Военная помощь Финляндии шла также из столь преданных „миролюбию” Соединенных Штатов Америки.

Общее количество всякого вооружения, посланного Финляндии из других стран только за время войны, достигло, по неполным сведениям: самолетов — не менее 350, артиллерийских орудий до 1500, свыше 6000 пулеметов, до 100 000 винтовок, 650 000 ручных гранат, 2 500 000 снарядов, 160 000 000 патронов и еще многое другое».

Добившись явного нарушения скандинавскими государствами нейтралитета, англо-французские поджигатели войны настойчиво продолжали толкать эти страны на дальнейшее расширение антисоветских действий. Шведское и норвежское правительства, опасавшиеся дальнейшего распространения недовольства и волнений среди трудящегося населения, пытались было возражать против использования их территории для перевозок военных грузов в Финляндию. Англо-французская дипломатия встретила в штыки эти попытки.

«Наблюдатели, видавшие всяческие виды, — сообщала «Ленинградская правда» в одной из телеграмм из Стокгольма, — утверждают, что нажим на шведское правительство превзошел все известные данные факты из этой области. Достаточно сослаться на характер угроз, к каким прибегают англо-французские агенты в отношении шведского правительства, для того, чтобы убедиться в этом. Так, например, заявляется, что если шведское правительство „добровольно” не согласится выполнить то, что ему „рекомендуют”, то все равно „союзники” заставят Швецию порвать с политикой нейтралитета, которая весьма задевает интересы „союзников”».

Та же картина наблюдалась и в Норвегии.

Не считаясь с желаниями широких трудящихся масс Скандинавии, англо-французские поджигатели войны стали требо-

вать перехода к активным военным действиям против Советского Союза. Одновременно Англия и Франция сосредоточивали свои войсковые части для участия в антисоветском походе. Товарищ Молотов в том же докладе говорил:

«... Не стесняясь, Чемберлен рассказывал и о том, что „подготовка к отправке экспедиционных частей велась с максимальной быстротой, и экспедиционная армия в количестве 100 тысяч человек была готова к отправке... за два месяца до того срока, который назначил Маннергейм для их прибытия в Финляндию... Эти войска не должны были быть последними".

...Даладье заявлял, что „с 26 февраля экспедиционный корпус французских войск снаряжен и подготовлен. Значительное количество судов готово отправиться из двух крупных портов Ламанша и Атлантического побережья". Даладье заявлял также, что союзники „придут на помощь Финляндии всеми обещанными силами"...

Нет нужды приводить другие факты, подтверждающие, что в Финляндии дело шло не просто о нашем столкновении с финскими войсками, а о столкновении с соединенными силами ряда наиболее враждебных Советскому Союзу империалистических стран».

ПЕРЕД РАЗГРОМОМ ВРАГА

Оперативные сводки штаба Ленинградского военного округа были попрежнему коротки:

«В течение 6 февраля на фронте происходили поиски разведчиков, к северу от Ладожского озера продолжались стычки мелких пехотных частей.

Наша авиация производила разведывательные полеты».

Или еще короче:

«В течение 7 февраля на фронте ничего существенного не произошло.

Наша авиация производила разведывательные и боевые полеты».

Однако в это время происходила деятельная подготовка к переходу в решительное наступление на основную укрепленную полосу «линии Маннергейма».

К этому времени войска наши хорошо усвоили приемы наступательного боя в условиях, которые складывались на белофинском фронте. Замечательные указания товарища Тимошенко о подготовке взводов, рот и батальонов к предстоящему наступлению путем прочного усвоения требуемых для этого практических навыков находили теперь себе действенное осуществление. Войска выходили теперь на исходное положение для штурма белофинских укреплений в составе отлично слаженных и натренированных подразделений и целых частей.

«Стычки» и «поиски разведчиков», о которых сообщали наши сводки, носили для белофиннов грозный характер.

Придвигаясь вплотную к вражеским укреплениям, наши части изо дня в день выматывали силы врага, оказавшегося не в силах сдержать нашего продвижения вперед, захватывали и взрывали передовые доты и дзоты, разрушали мешающие штурму заграждения врага, пристреливались к его позициям, изучали организованную на них систему огня.

Орденоносная подводная лодка С-1, громившая белофиннов в Балтийском море

Наша пехота, наступающая через лес, ведет огневой бой с белофиннами

За короткими оперативными сводками скрывались большие героические дела наших людей, готовившихся решительным ударом по врагу ознаменовать XXII годовщину Красной Армии.

«Разведка наткнулась на переднем крае обороны противника на замаскированный блиндаж, — рассказывает Р. Бершадский, — застрочил белофинский пулемет.

Отделение залегло, а потом отползло к опушке. Но один человек остался на снегу. Он продвинулся дальше всех, был почти у самого блиндажа. Но теперь он был недвижим.

— Убит, — решили товарищи.

Белофинны вели огонь долго, настойчиво. Наконец пулемет замолчал.

Тогда произошло почти неожиданное. „Сраженный" пулей, а на самом деле просто притаившийся боец Ермолов вскочил, в несколько прыжков покрыл расстояние, отделявшее его от блиндажа, и в упор швырнул в блиндаж гранату. Белофинны были уничтожены.

В ответ на дерзость героя заговорил расположенный сзади во втором блиндаже, до этого молчавший, пулемет белофиннов. Ермолов был ранен. К нему на выручку кинулся командир роты Семижен. Не обращая внимания на огонь противника, он вытащил раненого бойца из-под обстрела».

Ночью опытному саперу-красноармейцу Новикову вместе с группой бойцов была дана боевая задача: произвести инженерную разведку расположения врага. Вот как рассказывает об этом смелом деле лейтенант В. Овчинников:

«Умело маскируясь, смельчаки-разведчики пробирались к цели. Вот они на территории противника. Осмотрены местность и укрепления — боевая задача выполнена. Но на обратном пути противник обнаружил разведку и открыл по ней огонь. Некоторые бойцы получили ранения.

В этих трудных условиях Новиков проявил мужество и находчивость. Под сильным пулеметным огнем отважный сапер, рискуя своей жизнью, решил спасти раненых товарищей. Троих он вывел, а четвертого вынес на себе».

Смело работали и артиллеристы. Их меткий огонь доставил белофиннам не мало потерь.

«Подразделение старшего лейтенанта Курбатова получило боевое задание: уничтожить белофинский дот, находившийся в лесу, на бугре, окаймленном болотом, — рассказывает Ф. Ячменев. — Задача нелегкая. Долговременная огневая точка представляла собой хорошо замаскированное мощное железобетонное сооружение с амбразурами и двумя вращающимися башнями.

Чтобы достигнуть внезапности, оборудование огневой позиции, установка орудий были произведены ночью с соблюдением полной маскировки, осторожности и бдительности. Бойцы и командиры работали самоотверженно, а утром орудия лейтенантов Крылова, Грачева и Коваленко одновременно открыли огонь по вражеской долговременной огневой точке. Противник первоначально растерялся, но затем стал яростно отвечать. Это не смутило красных воинов. С неослабным темпом продолжали они, несмотря на потери, вести огонь по вражеским амбразурам. Боевое задание было выполнено — укрепление белофиннов разбито».

«Между двух озер — длинная, узкая полоска земли, — вспоминали М. Серегин и Н. Чугунов. — На ней белофинны создали целую систему огневых точек. Их надо было во что бы то ни стало уничтожить. Эта большая и ответственная задача была поручена молодому командиру — артиллеристу лейтенанту Петрову.

Чтобы зря не тратить снаряды и как можно быстрей и лучше поразить цель, Петров, совместно с отважными воинами Рубманом, Губановым и Халмановым, произвел тщательную разведку. Белофинны всячески препятствовали этому — били по смельчакам из пулеметов и минометов, но от зоркого и пристального глаза красных разведчиков скрыть им ничего не удалось. Цели были разведаны.

Первый же снаряд разорвался в непосредственной близости от цели. Несколько небольших поправок и — прямое попадание.

И пошло и пошло... Губительный огонь советской артиллерии вывел из строя несколько огневых точек на мысе. А на следующий день Петров разбил, кроме того, еще и белофинский склад боеприпасов».

Вместе с пехотой и саперами в разведывательных поисках принимали участие и танки.

«Танковый взвод младшего лейтенанта Егорова вместе с пехотой ходил в разведку боем, — рассказывал И. Иванов. — Однажды, когда танки подошли к переднему краю обороны противника, им встретились надолбы.

Сделать проход взялся Миляев. Он из танковой пушки дал по надолбам девять выстрелов, и путь был открыт. Взвод подошел к доту. Один из танков закрыл собой амбразуру дота, и тогда свободно подошла пехота. Подрывники-саперы положили взрывчатое вещество, и вражеское укрепление было разрушено».

А вот еще характерный эпизод тесного взаимодействия пехоты и танков.

«Прикрывая пехоту, наши танки приближались к вражеской огневой точке, которую надо было разрушить. Белофинны открыли сильный огонь, — вспоминает тов. Лычанов.— Тогда один из взводов выдвинулся своими танками вперед и стал в упор бить по амбразурам дота.

Это дало возможность подразделению тов. Гришина почти вплотную подползти к укреплению противника. Впереди находился политрук Фомичев. Он заметил, как по траншеям на помощь доту пробирались группы белофиннов.

— Выручить хотите? Не удастся.

Фомичев взял связку гранат и, пробравшись к траншеям, кинул ее в белофиннов. Приему Фомичева последовали бойцы. То тут, то там раздавались оглушительные взрывы.

Вскоре, совместными действиями танков и пехоты, дот был блокирован. Саперы, наступавшие вместе с пехотой, подложили взрывчатое вещество, и вражеское укрепление было подорвано».

Так, шаг за шагом, упорно и методически подбирались наши части к переднему краю основной укрепленной полосы белофиннов, разрушали их укрепления, занимали выгодные для перехода в общее наступление рубежи.

Иногда приходилось овладевать целыми группами укреплений противника. Вот что об одном таком бое рассказывал И. Вихрев:

«Эти три вражеские бетонированные точки надоели. В последний раз рано утром они опять повели огонь. Командир стрелкового полка отдал распоряжение уничтожить их.

После успешного артиллерийского обстрела, подразделения Грахова и Рябко пошли в наступление. Белофинны отчаянно сопротивлялись. Продвигаться нашим подразделениям было нелегко. Укрепления, обнесенные противотанковым рвом и надолбами, окутанные проволокой в два кола, враг защищал всеми силами. Но ставка белофиннов была бита. Путь пехоте и танкам проложили, несмотря на потери, мужественные саперы. Через широкий противотанковый ров они навели мост. Кругом свистели пули, взрывались мины, но бесстрашные саперы под руководством младшего командира Дьякова выполнили свою задачу.

— За Родину! За Сталина! Вперед! — прозвучал голос Рябко. Дерзким броском красные воины атаковали укрывшегося в бетоне врага. Образцы беспримерного мужества и разумной инициативы проявили в этом бою младшие командиры Мартынов, Давыдов, Дьяконов, старшина Савченко и многие другие. Вражеские укрепления были подорваны, — белофинский гарнизон отступил, понеся большие потери».

Эти боевые действия наших передовых частей являлись выражением их деятельной подготовки к переходу в общее наступление на врага.

К хорошо разведанному и частично разрушенному переднему краю белофинских укреплений сосредоточивалась по ночам пехота, подтягивались танковые соединения, занимала огневые позиции наша мощная артиллерия.

Наземным войскам, как и раньше, оказывала деятельную помощь авиация. В то время как пехота, совместно с танками и артиллерией, выходила к переднему краю главной укрепленной полосы «линии Маннергейма», самолеты изо дня в день бомбили тылы белофиннов, расстраивали организованные ими коммуникации, разрушали железнодорожные узлы и станционные сооружения в Лахти, Рованиеми, Виипури, Антреа, Сортавала и других пунктах в тылу белофинского фронта.

Оперативная сводка штаба Ленинградского военного округа коротко сообщала:

«Наша авиация производила разведывательные полеты над расположением противника».

А в это время в воздушных частях и подразделениях шла напряженная работа. Вот как описывал капитан Грибовский один из обычных дней в авиачасти:

«День выдался нехороший, но ни облачность, ни плохая видимость не могли удержать наших летчиков.

Звену старшего политрука Ивашкина предстояло атаковать вражеские огневые позиции к востоку от железной дороги. Летчики с честью выполнили эту задачу.

Прославленный летчик капитан Сотников получил задание на разведку коммуникаций противника. Большая группа автомобилей в населенном пункте, воинский эшелон на железной дороге и другие обнаруженные летчиками цели подверглись нападению. Врагу были нанесены значительные потери.

Одновременно вылетели звенья Семенова, Баранова и Полякова. Они метко бомбили вражеские гнезда.

Несмотря на трудные летные условия этого дня, отлично выполнили поставленные им боевые задачи летчики Жуйков, Зыбин, Меркулов, Суворов и Копылов».

Вылетать приходилось не только днем, но и ночью. Старший лейтенант М. Репин так описывает один из ночных полетов:

«Сигнал — и летный состав в самолетах. Еще сигнал — и машины поднимаются в воздух.

Сомкнутым строем группа серебристых монопланов ложится

на курс. У пулеметов настороженно наблюдают за воздухом стрелки.

Вот показалась проселочная дорога. Их немного, поэтому она так заметна. По ней идут колонны автомашин. Остановились — заметили нас. Мы знаем, что сейчас белофинны бегут за дорогу в лес, они боятся нашей авиации. Штурман капитан-орденоносец Нигаматуллин склонился у прицела. Он уже открыл люки. Небольшой поворот. Самолеты подходят к скоплению войск.

Грозные бомбы сыплются на противника. Там, где остановились машины, и там, на окраине дороги, в лесу, где укрылись белофинны, поднимаются огромные столбы огня, дыма, земли...».

Нередко эти полеты были сопряжены с воздушными боями.

«Во время бомбардировки приаэродромных построек, — рассказывает про один из таких полетов старший политрук И. Виноградов, — прикрывающая группа наших самолетов заметила в воздухе шесть вражеских „фоккеров" и вступила с ними в бой. Вслед затем появилось еще несколько „фоккеров" — всего их оказалось шестнадцать. Тогда в бой с ними вступили и остальные наши самолеты.

Началась горячая схватка. Белофинны, один за другим, падали на землю, сбитые огнем наших воздушных снайперов. Наши летчики покинули поле боя только тогда, когда в воздухе не осталось ни одного вражеского самолета. В результате боя наши истребители сбили одиннадцать „фоккеров" противника, не потеряв ни одного своего самолета. С исключительным мужеством сражались летчики капитан Бушев, Ивашкин, Антонов, Зыбин, Свириденков, Кетов, Николаев, Полупан».

Сильное противодействие белофинской авиации и наземных средств противовоздушной обороны не могло все же помешать нашим летчикам зафотографировать укрепленные районы «линии Маннергейма». Эти снимки, когда они были расшифрованы, оказали значительную помощь нашим наступающим частям.

Так несли свою трудную службу в воздухе сталинские соколы, дополняя боевую работу наземных войск и прикрывая их от нападений белофинской авиации.

В это время в тылу наших войск шла напряженная непрерывная работа по восстановлению дорог и мостов, разрушенных белофиннами, по подвозу боеприпасов и т. д.

Не раз эти работы производились в непосредственной близости фронта, под артиллерийским и даже пулеметным огнем белофинских укреплений. Так было, например, при восстанов-

лении разрушенной белофиннами железнодорожной линии Белоостров—Виипури. Уничтожая расставленные белофиннами минные поля и предательские ловушки, ликвидируя воронки в железнодорожной насыпи, восстанавливая подорванные мосты, укладывая разобранный и подорванный рельсовый путь, доблестные железнодорожные войска «нагнали» фронт. Стремясь протянуть восстановительные работы дальше вперед, чтобы как можно лучше обеспечить подвозом наши части, когда они перейдут в наступление, железнодорожники вынуждены были работать по ночам. Последние километры пути восстанавливались под артиллерийско-пулеметным огнем врага. Огонь этот не смог, однако, остановить бойцов-железнодорожников. Путь был доведен почти до самых передовых позиций наших полевых частей.

Так было и на других участках. Всюду шла лихорадочная работа, подготовлявшая поражение врага.

Это чувствовали и сами белофинны. Финский официоз «Ууси Суоми» и другие газеты подняли громкий крик о необходимости быстрой помощи Финляндии, ввиду уже начавшегося якобы наступления красных войск.

3 февраля 1940 года телеграфные сообщения из Стокгольма передавали, что 31 января финляндский посланник в Париже Хольма, присутствуя на завтраке английских и американских журналистов, заявил: «Мы обречены на гибель, если не получим немедленно помощь. Чудеса совершались, но нельзя ожидать, что они будут повторяться без конца».

Финская газета «Суомен сосиалдемокраати» требовала срочной помощи Финляндии и, в первую очередь, военной помощи в большом масштабе.

«Моральная поддержка, — писала эта газета, — может лишь залечить те раны, которые наносятся нам превосходящей нас силой. Но она недостаточна для того, чтобы разбить эту силу».

С другой стороны, белофинские агенты прилагали все свои силы к обработке общественного мнения скандинавских стран, чтобы толкнуть эти страны на вступление в войну. Так, один из этих агентов, член бело-финляндского сейма Фрич, указывал, что резервы финской армии исчерпаны, что она находится на грани полного истощения.

«Мы должны, — говорил он, — в первую очередь создать условия для смены наших войск и предоставить нашим солдатам хотя бы неделю отдыха от этого нечеловеческого напряжения. Ясно, что несколько тысяч добровольцев нас не устраивают».

Другой агент — Грипс, в статье, помещенной в газете «Ню

даглигт аллеханда», выражался еще более категорично. Он писал:

«Финская армия должна немедленно получить возможность выспаться и отдохнуть, в противном случае может наступить катастрофа».

О том же писала газета «Сюдсвенска дагбладет снельпостен», заявляя, что среди белофинских войск напряжение нервов небывалое, и если положение солдат не изменится, то оно приведет к взрыву.

Это, видимо, признавали и представители маннергеймовской воинствующей клики. Вместо хвастливых заявлений об успехах белофинских войск, о якобы произведенных воздушных налетах на Кронштадт и другие пункты советской территории и тому подобной лжи, эти вояки стали вдруг в один голос твердить о том, что посылка «добровольцев» не может оказать действительной помощи Финляндии, что «Финляндия нуждается в настоящей большой армии, которая могла бы сменить если не все, то во всяком случае большинство утомленных и сильно потрепанных частей». Газета «Афтонбладет» опубликовала даже интервью адъютанта Маннергейма с американским военным корреспондентом Робертом Лоу:

«На вопрос Лоу, как долго выдержит Финляндия, адъютант ответил следующим анекдотом: один американец упал с небоскреба. Пролетая мимо 20-го этажа, он увидел в окне своего перепуганного приятеля. Чтобы успокоить его, падающий крикнул:

— Пока все идет хорошо.

Положение Финляндии, закончил свой рассказ адъютант, аналогично положению падавшего американца».

Красная Армия продолжала неотступно теснить и выматывать белофинские войска.

Бои становились с каждым днем сильнее и сильнее. Натиск наших частей делался крепче и крепче. В этих боях еще больше закалялись наши бойцы, командиры и политработники, окончательно отрабатывались приемы ведения боя в сложных условиях овладения мощными оборонительными сооружениями.

8 февраля был организован захват нашими частями укрепленного района Хотинен. План наступления наших частей был разработан по указаниям товарища Тимошенко. Накануне товарищ Тимошенко лично приехал в штаб дивизии, части которой должны были наступать, и приказал доложить ему подробно, как подготовлена операция.

«Он особенно тщательно проверил, насколько точно знают свою задачу части, притом не вообще, а в отдельности: стрелковые полки, артиллерия, танки. . ., — рассказывает полков-

ник Груздев. — Товарищ Тимошенко обратил мое внимание на такое ответственное звено, как низовая, ротная ячейка управления...

Незадолго перед тем, как должны были раздаться первые выстрелы наших орудий, товарищ Тимошенко оставил блиндаж штаба дивизии и направился на артиллерийские позиции наблюдать работу артиллеристов и стрелков... Я попробовал сказать товарищу Тимошенко, что мы не имеем права допустить его на передовые позиции. Но командующий фронтом решительно возразил мне:

— Я провел гражданскую войну и никогда не пропускал случая наблюдать за работой командиров и бойцов лично. Это необходимо командиру любого ранга!»

Наступление на укрепленный район Хотинен означало по сути дела вторжение в систему основных оборонительных сооружений «линии Маннергейма». Вот как описывал наше наступление у местечка Сумма А. Крашке:

«Приказ был получен поздно ночью. В штабной землянке, хорошо спрятанной в лесу, до утра горел свет... Рано утром в подразделениях закипела деятельная подготовка к бою. Танкисты заводят моторы, стрелки в маскировочных халатах проверяют оружие, подгоняют крепления к лыжам. С чувством глубокого патриотизма готовятся бойцы к бою.

Наступает решительный час.

В воздух взвились ракеты. Атака! С командного и наблюдательного пункта части работники штаба проверяют прием сигнала подразделениями.

— Вкусный завтрак будет сегодня у господ белофиннов, — смеются артиллеристы, посылая во вражеское расположение сотни килограммов свинца и стали.

Батальоны ринулись в атаку.

Белофинны засели в своих укреплениях. Короткими очередями из пулеметов, стрельбой из винтовок, минометов и орудий встретили они нашу пехоту. Но это не остановило продвижения наших бойцов. Короткими перебежками и ползком отделения и взводы, не взирая на сильный огонь врага и потери людьми, продолжали двигаться вперед.

На правом фланге в лесу стоят танки. Славные советские танкисты с нетерпением ждут момента, когда саперы, сделав проходы через противотанковые рвы, дадут им возможность ударить на финские части.

С их помощью атакующие подразделения пехоты успешно прошли проволочные заграждения. Их не остановили ни огонь минометов и автоматов, ни заграждения.

К 11 часам роты овладели первыми укреплениями против-

ника — шесть деревянно-земляных сооружений оказались в руках нашей пехоты.

Белофинны отступали, преследуемые меткими выстрелами пулеметчиков, стрелков и разящими осколками снарядов. На большой скорости их догоняли и давили наши грозные машины.

Вскоре узел сопротивления врага пал».

Наша оперативная сводка от 9 февраля 1940 года сообщала:

«В течение 8 февраля боевые действия на фронте ограничились в большинстве случаев поисками разведчиков. Продолжавшиеся последние дни на Карельском перешейке стычки передовых пехотных частей привели к занятию нашими частями укрепленного района Хотинен (район Сумма) с восемью железобетонными артиллерийскими сооружениями. На участке между Ладожским озером и озером Суванто нашими частями заняты пять оборонительных артиллерийских железобетонных сооружений. Противник понес в обоих случаях большие потери».

Эти успехи были грозным предзнаменованием для белофинской военщины. С очевидной наглядностью они показывали невозможность противостоять все усиливающемуся напору частей Красной Армии.

Подполковник финской службы Ханнула в статье «Некоторые выводы из решающих моментов боев на Карельском перешейке», напечатанной в газете «Хельсингин Саномат»,[1] касаясь периода, предшествовавшего началу нашего решительного наступления, писал:

«Прорыв русских был спланирован, подготовлен особенно умело, и руководство им проведено с большим искусством. Сильный артогонь имел место уже в конце января, особенно на участке Сумма. Затем противник начал атаки при поддержке сильных танковых подразделений. Данными атаками противник не пытался произвести прорыва, а имел намерение вымотать и ослабить наши силы, находящиеся на оборонительных позициях, т. е. противник вел подготовку к прорыву укрепленной полосы. В этих атаках также принимали участие мощные авиасоединения, с помощью которых противнику уже в первые дни февраля местами удалось вклиниться в позиции главной линии сопротивления обороны».

Конечно, трудно, чтобы автор этой статьи, принадлежащий к реакционному финскому офицерству маннергеймовской школы, написал всю правду. Но тем интереснее это сви-

---

[1] „Правда", 17 августа 1940 г.

детельство врага, вынужденного признать успехи Красной Армии в зимних боях на Карельском перешейке.

Связь нашего фронта с тылом попрежнему росла и крепла. Народ и армия крепили свое единство.

Это находило выражение не только в непрерывном мощном потоке посылаемых на фронт подарков, но и в многочисленных добровольческих отрядах, которые отправлялись на фронт. Рабочие с ленинградских фабрик и заводов, студенты Института физической культуры имени Лесгафта и других учебных заведений записывались в лыжные отряды. Многие студенты и студентки медицинских институтов и высших учебных заведений Ленинграда сменили аудитории на практическую работу в полевых госпиталях и перевязочных пунктах действующей Красной Армии.

Советский тыл крепил фронт, и фронт отвечал на это славными делами, преодолением препятствий, которые белофинны и их зарубежные хозяева считали непреодолимыми. Фронтовая газета «На страже родины» писала в эти дни:

«В течение свыше двух месяцев, прошедших с момента перехода Красной Армией финской границы, наши доблестные бойцы и командиры неуклонно и твердо осуществляют волю советского народа — разгромить и уничтожить до конца провокаторов войны, ликвидировать опаснейший очаг войны на северо-западе, обезопасить великий город Ленина с его трех с половиной миллионным населением от возможностей новых провокаций.

Час окончательного разгрома белофиннов близок. Все более истощаются их людские и продовольственные резервы, все более растет революционное брожение в белофинском тылу...

Красная Армия, выполняя волю советского народа и приказ своего правительства, полностью обезопасит северо-западные границы Советского Союза от вражеских нападений. Она окончательно ликвидирует угрозу колыбели пролетарской революции — городу Ленина — со стороны его заклятых врагов».

Ничто уже не могло спасти белофинскую армию от занесенного над нею сокрушительного удара.

ПРОРЫВ
«ЛИНИИ МАННЕРГЕЙМА»

Это было грозное, всесокрушающее наступление вооруженных сил страны победившего социализма. В битву с врагом двинулись пехота и танки, им предшествовал мощный огневой вал артиллерии, авиация с воздуха бомбила противника на всю глубину его расположения.

Наступление началось 11 февраля 1940 года.

В этот и последующие дни ожесточенного сражения с врагом командующий фронтом товарищ Тимошенко лично руководил действиями наших частей на важнейших, решающих направлениях.

Еще только начинало светать, и тени отходящей ночи лежали на покрытой снегом земле, когда тишину разорвал грохот орудийной канонады. Используя результаты тщательной разведки, наши артиллеристы обрушили на засевшего в укреплениях врага тонны металла. В расположении белофиннов стали рушиться блиндажи; было видно, как на воздух взлетали обломки дерева и земля.

Главный удар был нацелен на участок между Выборгским шоссе и железной дорогой с использованием той выгодной исходной позиции, которая была захвачена нашими частями за предшествовавшие дни.

Перед тем как итти в этот бой, на многочисленных митингах, с большим подъемом прошедших в частях, бойцы, командиры и политработники поклялись разбить и уничтожить находившегося перед ними врага. Эти чувства ярко выражала клятва доблестного 19-го стрелкового полка, в которой говорилось:

«Мы, воины 19-го Краснознаменного стрелкового полка, еще раз клянемся перед родиной, что за ее интересы, за счастье и мирную жизнь нашего народа будем драться до полной победы, с честью и славой выполним боевой приказ».

Так было и в других частях.

Белофинны сильно укрепили между шоссе и железной дорогой высоту «65,5», являвшуюся тактическим ключом к овладению окружающей местностью. Сооруженная на ней система долговременных оборонительных укреплений перекрывала лежащую перед ними местность многослойным пулеметно-автоматным огнем, простреливала ее артиллерией и минометами. Впереди этих укреплений вытянулись гранитные надолбы в 12 рядов и колючая проволока в 4—8 рядов. Враг, считая эти укрепления неприступными, собирался отсидеться в своих железобетонных гнездах, пока наши штурмующие части не изойдут кровью под перекрестным огнем и не отхлынут назад, отказавшись от дальнейших попыток прорваться вперед.

На эти-то укрепления врага и обрушилась своим огнем наша артиллерия утром 11 февраля. Грохот от разрывов снарядов всех калибров потрясал воздух в расположении врага. Столбы черного дыма то и дело поднимались над его укреплениями. Рушились бревенчатые накатники блиндажей, давали трещины и крошились от могучих ударов железобетонные полутораметровые стены дотов.

Вот как описывал действие нашей артиллерии в этом сражении тот же финский подполковник Ханнула:

«В воскресенье 11 февраля в 8 часов 20 минут утра русские начали артиллерийскую подготовку, мощь которой превысила все перенесенные до сих пор в финской зимней кампании.

Мощь огня, около ста сосредоточенных батарей (автор, видимо, имеет в виду направление нашего удара восточнее местечка Сумма. — *Г. К.)*, была настолько большой, что ее можно сравнивать только с наибольшими артиллерийскими сражениями мировой войны.

Одиночные выстрелы и взрывы терялись в беспрестанном громе и гуле. На наиболее опасном участке Ляхтее вся местность, начиная от передовой линии и на 2 километра позади опорной линии, была густо усеяна снарядными воронками.

Стрелковые окопы главной линии обороны были во многих местах уничтожены, пулеметные гнезда и блиндажи разрушены от точных попаданий, а живая сила на этом участке понесла очень большие потери».

В 11 часов 30 минут устремились вперед с исходных позиций наши танковые батальоны. Одновременно с движением танков артиллеристы перенесли свой огонь в глубину вражеских позиций. В шум боя ворвались гул сотен моторов, лязганье гусениц, треск ружейно-пулеметной стрельбы. Пехота

двинулась вперед на разрушенные и подбитые вражеские укрепления.

А в это время в воздухе уже проносились одно за другим воздушные соединения нашей авиации. В расположении врага, в местах нахождения его штабов, на огневых позициях его батарей, на станциях, где стояли его военные эшелоны, — огненный смерч, посланный умелой рукой наших летчиков, уничтожал белофинские резервы, взрывал склады боеприпасов.

Появление наших самолетов вызвало небывалый подъем у бойцов и командиров. Раздались возгласы ура. Движение вперед стало еще стремительней, еще неудержимей.

Все поле пришло в движение.

Доблестные части 123-й стрелковой дивизии, брошенные для прорыва белофинских укреплений на этом решающем направлении, двигались вперед, не взирая на сильный пулеметный, артиллерийский и минометный огонь врага. Бойцы, командиры, политработники короткими перебежками продвигались все дальше вперед под визг врезающихся в снег пулеметных очередей противника, под осколками разрывающихся снарядов, через свежие воронки от них. Взрывы потрясали воздух, но они заставляли героев-пехотинцев только залечь на минуту с тем, чтобы затем вскочить и вновь устремиться вперед.

Вот передовые группы бойцов уже достигли, несмотря на понесенные от вражеского огня потери, неприятельских заграждений. Порваны и исковерканы артиллерией и танками ряды колючей проволоки, опрокинуты и разбиты надолбы. То, что не доделали наши снаряды, быстро довершали тут же герои-саперы, открывая путь танкистам там, где их еще задерживали уцелевшие заграждения врага.

На склоны возвышенности, где находились вражеские, полуразбитые нашей артиллерией, но продолжающие еще изрыгать огонь белофинские доты, вырвалось подразделение тов. Титова. Вместе с саперами, бойцы-пехотинцы блокировали железобетонные сооружения врага, окружая их, забивая амбразуры. Им помогали танки, ведя меткий огонь по амбразурам других дотов, не давая им возможности поражать во фланг и в тыл нашу пехоту.

Раздались один за другим сильные взрывы — это саперы-подрывники разрушали с помощью взрывчатых веществ железобетонные гнезда врага. С поднятыми вверх руками стали появляться первые группы сдающихся в плен белофиннов.

Вот еще и еще взрывы. В траншеях шла ожесточенная штыковая схватка с резервами врага, брошенными в контр-

атаку. С новой силой гремело над полем и подхватывалось идущими на штурм бойцами громкое ура.

В это время вперед вырывается пехота. Она стремительно продвигается по склонам возвышенности. Это бойцы лейтенанта Самойлова. Через несколько минут красное знамя, водруженное на вершине возвышенности бойцами во главе с коммунистом Ивановым, уже гордо развертывало свое алое полотнище как символ одержанной над врагом победы.

В другом месте в расположение врага ворвался комсомолец Яковлев. Он был ранен. Горячая кровь смочила полы его белого халата. Бой был в разгаре. Яковлев оторвал окровавленный кусок своего халата, превозмогая боль, поднял его как знамя и с возгласом — За Родину! За Сталина! — бросился, несмотря на рану, вперед. Его примеру последовали остальные бойцы. Мощное железобетонное сооружение врага было тут же подорвано, и герой-комсомолец Яковлев водрузил на нем окрашенный своею кровью флаг.

Неудержим был наступательный порыв, охвативший наши части.

Белофинны отступали в глубь своей укрепленной полосы, прикрываясь огнем пулеметов и автоматов. Вгрызаясь в систему их укреплений, славные бойцы 123-й стрелковой дивизии с боем захватывали одно долговременное сооружение за другим, врывались в укрепленные врагом рощи, овладевали покинутыми им селениями.

О прорыве нашими частями белофинских укреплений тот же подполковник финской армии Ханнула писал:

«Обороняющие смело вступили в бой, но не смогли задержать прорвавшиеся через разрушенные окопы танки. С передовой линии отступали к опорной линии. Такого рода прорывы танков бывали часто и раньше, но на этот раз их атака была. . . мощнее, чем прежде.

С места прорыва танки, следующие позади, поворачивали направо и налево по обеим сторонам линии стрелковых окопов и начали интенсивно обстреливать фронт в продольном направлении и живой силой занимать позиции обороны.

В этом ожесточенном бою обороняющийся понес большие людские потери. Один за одним были потеряны опорные пункты, а людям, сидевшим в них, пришлось отступать назад к опорной линии, чтобы избежать полного уничтожения».

Это свидетельство врага не может скрыть исключительную силу и мощь нашего наступления. Стиснув зубы, вынужден подполковник Ханнула признать превосходство Красной Армии, ее вооружения и военной техники.

Успех этого дня был достигнут ценой больших потерь, но это не могло остановить наши части.

К концу дня в деревню Хумала, раскинувшуюся вдоль шоссе, ворвалось с боем подразделение тов. Каленова. В наступательном порыве бойцы выдвинулись вперед. Стремительной атакой, на плечах в беспорядке отступающего противника они овладели центром селения, где стояли казармы, белый каменный дом и другие строения. Подразделение тов. Каленова врезалось, таким образом, глубоко в оборонительную полосу белофиннов. Там застала его наступившая темнота.

Оправившись от понесенного им поражения, противник решил восстановить свое положение ударом из леса во фланг нашим бойцам. Контратака врага не застигла подразделение тов. Каленова врасплох. Метким пулеметным огнем она была отбита. Тот же результат постиг белофиннов и при вторичной их попытке перейти в контрнаступление. Всю ночь кипел бой. Лишь утром 12 февраля пришла выручка — соседнее подразделение тов. Корнеева, выйдя с боем правее, атаковало белофиннов, засевших в развалинах большого здания финской церкви, и, овладев этими развалинами, вынудило врага очистить селение и отступить в лес. Вскоре подоспели уже двинутые из глубины наши подкрепления.

Ожесточенный бой развернулся в этот день и на опушке леса у деревни Маркка. Колючая проволока в 4—5 рядов преграждала доступ к лесу, где было видно не менее пяти долговременных огневых пулеметных точек, простреливавших всю находящуюся перед ними равнину.

«Дрогнула земля, и на головы врагов понеслись с зловещим свистом тысячи „ворошиловских килограммов", — рассказывает политрук В. Шишов, участник боя. — Славные артиллеристы работали с непревзойденным мастерством. Простым глазом отчетливо было видно, как на огневом рубеже белофинских частей поднимаются ввысь десятки огненно-черных столбов — это рушились от попаданий наших снарядов вражеские укрепления вместе с прислугой. Жарко было белофиннам. Ничто не спасало их: ни блиндажи, ни подземные ходы.

— Вперед, за мной! — раздалась команда тов. Парфенова.

Стремительной лавиной бойцы бросились вперед на врага. Лейтенант Краглов с группой красноармейцев растаскивал разрезанную колючку в стороны. Засевшие в лесу белофинны открыли фланкирующий огонь из автоматов и винтовок. На них обрушились бесстрашные пулеметчики Коровин и Бакшанский.

Враг стал отступать из лесу к деревне Маркка.

— Шрапнелью по отступающим, огонь! — командует батарее тов. Сметанин.

Над головами противника вспыхивают беловатые клубки дыма. Валятся сраженные шрапнелью белофинны. В самой деревне смятение. Скопившиеся обозы и солдаты смешались в беспорядочную толпу.

Врага настигает наша авиация. Воздух сотрясает могучий рокот моторов. Стремительно выскакивает из-за леса шестерка грозных сталинских соколов.

— Ура! Штурмовики! — восторженно прокатывается в рядах наступающей пехоты.

Бойцы устремляются вперед на дезорганизованного, в беспорядке отступающего врага».

Взрытое глубокими воронками, с торчащими вверх обломками белофинских укреплений, поле боя было покрыто брошенными врагом оружием, предметами снаряжения, трупами убитых неприятельских солдат.

Это была уже не местная неудача врага. Результаты двухдневного наступления доблестных боевых полков 123-й стрелковой дивизии и других частей грозили превратиться для него в общее поражение, чреватое самыми серьезными последствиями.

Оперативные сводки штаба Ленинградского военного округа лаконично подводили итоги боевой деятельности войск. Сводка от 12 февраля сообщала:

«В течение 11 февраля на фронте происходили поиски разведчиков, а местами артиллерийская перестрелка. К северу от Ладожского озера продолжались стычки мелких пехотных частей. На Карельском перешейке артиллерийская перестрелка и столкновения пехотных частей, в результате чего противник отброшен и нашими передовыми частями занято 16 оборонительных укрепленных пунктов, из них 8 железобетонных артиллерийских сооружений».

В оперативной сводке от 13 февраля указывалось:

«В течение 12 февраля на фронте происходили поиски разведчиков и в ряде районов оживленные действия пехотных частей и артиллерии.

На Карельском перешейке, в результате успешных действий наших войск, захвачено 32 оборонительных укрепленных пункта, из них 12 железобетонных артиллерийских сооружений.

В течение последних трех дней потери противника в районах захваченных нами укрепленных пунктов составляют 230 пулеметов и 82 орудия».

13 февраля наступление наших частей продолжалось. Как и накануне, наша пехота, в тесном взаимодействии с танками

Воронки от артснарядов на поле «[illegible]» около дота, захваченного нашими частями

Один из трофеев — знамя белофинской части, захваченное во время боя

и артиллерией, продолжала прорыв белофинских укреплений в глубине «линии Маннергейма». Охваченные неудержимым наступательным порывом, наши батальоны, роты и взводы преодолевали заграждения врага, врывались в его укрепления, штыковыми ударами выбивали его из рощ и селений, где он пытался закрепиться.

— За Родину! За любимого Сталина! Вперед! — с этим лозунгом бойцы, командиры и политработники шли все дальше вперед, чтобы добить врага. Мужество и героизм советских людей в этом не бывалом еще в истории войн сражении опрокидывали все существовавшие до тех пор взгляды военных специалистов в отношении возможности штурма современных мощных укреплений. Под сокрушительными ударами полков Красной Армии рушились укрепленные полосы со сложной системой оборонительных узлов и районов, с возведенными в них мощными железобетонными артиллерийско-пулеметными гнездами и заграждениями.

Командиры и комиссары лично вели на штурм свои части и подразделения. С ними соперничали в доблести бойцы.

Взвод лейтенанта Ткаченко вырвался далеко вперед, внезапным ударом выбил белофиннов из леса и, не взирая на контратаки врага, удержал за собой лесную опушку до подхода подкреплений. Отважные стрелки Чистов, Михеев и другие, будучи ранены, отказались уйти в тыл, перевязали раны и вместе с другими бойцами своих отделений продолжали бить врага. Мины врага рвались среди бойцов, но они продолжали выполнять поставленную им боевую задачу. От одного из таких разрывов осыпало снегом и комьями земли политрука Страхова, но он не переставал спокойно отдавать распоряжения. Будучи контужен разрывом снаряда, сапер Печатников отказался эвакуироваться в тыл и, оправившись от сотрясения, продолжал выполнять свою работу, пока не обеспечил продвижение вперед нашей пехоте и танкам.

С пехотинцами и саперами соперничали в доблести связисты.

Политрук роты связи П. Костров вместе с младшим лейтенантом Валяевым под сильным огнем врага самоотверженно руководили установкой и исправлением телефонных линий связистами, чтобы обеспечить прочную связь между частями и подразделениями. Артиллеристы-разведчики Худяков, Масляев, Андросов, Миккоев, Пушкин и другие, самоотверженно работая под сильным огнем противника, добивались получения точных данных о расположении врага и этим немало способствовали меткости нашего артиллерийского огня. Связист Заречко, работая под непрерывным огнем белофин-

нов, не только исправлял разрывы проводов, но и проложил новую линию, обеспечив этим непрерывную стрельбу батареи.

Тысячи героических подвигов рождались на глазах.

Под сверлящие воздух свист пуль и визг снарядных осколков, через вражеские укрепления и окружающие их заграждения победоносно двигались с развевающимися боевыми знаменами красноармейские полки.

Враг, однако, пытался еще оспаривать нашу победу.

Собрав силы, в сумерках рано спустившейся ночной темноты, он перешел внезапно в сильное контрнаступление. Ударом во фланг частям 123-й стрелковой дивизии белофинны надеялись опрокинуть наши войска и восстановить положение.

Пехота врага перешла в наступление под прикрытием сильного огня своих укреплений. Из глубины открыла огонь сосредоточенная, видимо еще засветло, артиллерия. Пользуясь темнотой, в воздухе появились вражеские самолеты и пытались внести расстройство в ряды наших частей.

Планы врага потерпели, однако, полную неудачу. Мощным контрударом наши полки опрокинули белофиннов. Напрасно озлобленные белофинские офицеры пытались остановить бегущих солдат. Ничто не могло уже спасти белофинскую армию от поражения.

А в это время телеграф принес на поле боя Указ Президиума Верховного Совета СССР, в котором говорилось:

«За образцовое выполнение боевых заданий Командования на фронте борьбы с финской белогвардейщиной и проявленную при этом доблесть и мужество наградить 123 стрелковую дивизию орденом Ленина».

Велик был подъем среди бойцов, командиров и политработников, когда они узнали об этой высокой награде. В только что захваченных вражеских окопах и железобетонных казематах, в землянках и у костров можно было видеть в этот вечер радостные улыбки на обветренных мужественных лицах. Из глубины их сердец неслись слова ответного приветствия, посланного на имя товарища Сталина:

«С чувством большой радости и гордости узнали бойцы, командиры и политработники о награждении нашей 123-й стрелковой дивизии орденом Ленина.

Мы благодарим партию и правительство за щедрую награду, которой страна отметила наши боевые успехи на фронте борьбы с финской белогвардейщиной. Каждый из нас только выполнял священный долг советского гражданина, выполнял клятву, данную родине.

Высокая награда ко многому нас обязывает. Мы еще раз клянемся Вам, товарищ Сталин, клянемся перед лицом матери-

родины, так же победоносно громить белофинские доты, уничтожать врага до полного его разгрома. Мы заверяем Вас, что безопасность города Ленина и северо-западных границ Советского Союза будет полностью обеспечена. Не щадя своей крови и самой жизни, мы добьемся полной победы над врагом.

123-я ордена Ленина стрелковая дивизия готова выполнить любой приказ партии и Советского правительства».

В последующие дни доблестные бойцы, командиры и политработники дивизии доказали на деле свою твердую решимость оправдать полученную ими высокую награду.

Эти дни должны быть отмечены как непрерывный подвиг не только отдельных бойцов, но и целых подразделений и частей. Славный пример полков 123-й стрелковой дивизии увлекал вперед и другие, действовавшие совместно с ними, части и соединения. Сокрушительные удары по оставшимся узлам белофинских укреплений сочетались со смелыми вылазками наших лыжных отрядов в тыл врага для разгрома его коммуникаций. Под этими комбинированными ударами с фронта и тыла враг терял последние остатки устойчивости. Число захваченных нами его укреплений с каждым днем возрастало.

16 февраля оперативная сводка штаба Ленинградского военного округа сообщала:

«В течение 15 февраля на Карельском перешейке продолжали развиваться успешные действия наших войск. Противник, бросая оружие и военное снаряжение, неся большие потери, отходит в тыл. Наши войска подошли к станции Кямяря.

За 15 февраля нашими войсками занято 53 оборонительных укрепленных пункта противника, из них 21 железобетонное артиллерийское сооружение.

На остальных участках фронта в течение 15 февраля происходили поиски разведчиков и в ряде районов столкновения пехотных частей.

Наша авиация вела успешные действия против войск противника и его военных объектов. В завязавшихся воздушных боях сбито 6 самолетов противника».

Сила наступления наших полков возрастала по мере того, как наши батальоны прорывались все глубже и глубже в расположение врага, отбивали его контратаки. Бой кипел теперь непрерывно днем и ночью. Вот как описывает одну из ночных атак, произведенных в эти дни, С. Качалов:

«Атака началась ночью.

Подразделение, где политруком Пономарев, все время находилось впереди, бросалось в самые опасные места, уничтожало врага гранатой, штыком.

В одном из подразделений выбыл из строя командир, на его место немедленно встал работник штаба части Козыренко. Он храбро повел бойцов на врага, выкуривая его из всех щелей и нор.

Решительному нашему наступлению во многом способствовало образцовое взаимодействие всех родов оружия. Орудийный расчет тов. Давыдовича все время шел с пехотой. Артиллеристы буквально на руках несли пушку. Образцово действовал орудийный расчет тов. Клочкина. Он безостановочно бил по вражеским укреплениям и, как только белофинны, не выдержав огня, выползали наружу, уничтожал их шрапнелью.

Первыми в атакованный укрепленный район ворвались бойцы подразделения тов. Мешкова. С винтовками наперевес, с возгласами: За Родину! За великого Сталина! — бойцы стремительно продвигались вперед».

Бок о бок с пехотой действовали отважные танкисты.

«Путь к вражеским сооружениям был покрыт глубоким снегом, — вспоминает К. Вязанкин, — надо было преодолеть надолбы, противотанковые рвы, воронки, проволочные заграждения, минированные поля. Но у храбрых и мужественных танкистов имелся уже большой опыт по борьбе с финской белогвардейщиной. Девять снарядов выпустил снайпер-артиллерист комсомолец Меляев и девять каменных надолб разрушено.

Танки устремились в проделанный проход и быстро подошли к доту. Наша пехота блокировала сооружение. Противник в страхе заметался по траншеям, соединяющим два дота. Танковый взвод перенес огонь на траншеи, а один танк закрыл амбразуры второго дота. Тогда в дело вступили саперы. Подорванные ими долговременные огневые точки врага были разрушены».

Так было и в других местах. Наши полки, батальоны, роты добивали врага всюду. где он еще пытался оказать сопротивление, отбивали его контратаки, захватывали в глубине его расположения последние укрепления.

Оперативная сводка штаба Ленинградского военного округа от 17 февраля сообщала:

«В течение 16 февраля на Карельском перешейке продолжали развиваться успешные действия наших войск. Противник пытался контратаковать наши части, но с большими потерями отброшен на всех участках. Наши части с боем заняли станцию Ляйпясуо и станцию Кямяря.

За истекший день нашими войсками занято 22 оборонительных укрепленных пункта противника, из них 2 железобетонных артиллерийских сооружения.

За семь дней наступления наших частей потери противника в захваченных нами укрепленных пунктах составляют 420 пулеметов, 170 орудий.

На остальных участках фронта происходили поиски разведчиков и местами столкновения пехотных частей.

Наша авиация вела активные боевые действия по войскам и по военным объектам противника. В происшедших воздушных боях сбито 5 самолетов противника».

Овладение нашими частями районом станции Кямяря означало прорыв укрепленной полосы — «линии Маннергейма» на всю ее глубину и выход их в открытое поле, отделяющее последние оборонительные сооружения этой полосы от укреплений Выборгского укрепленного района.

Основная система укреплений «линии Маннергейма» была разорвана (см. схему 7), и в этот прорыв устремились победоносные части Красной Армии для преследования отступающего врага и захода в тыл тем его укреплениям, которые еще продолжали сопротивляться. Следующий же день принес нам значительное расширение прорыва в восточном от железной дороги направлении к озеру Муолаярви и одновременный выход наших частей к берегу Выборгского залива и на ближние подступы к городу Виипури.

Это означало полный провал планов белофинского командования, крушение его ставки на недоступность созданных им укреплений.

Оперативная сводка штаба Ленинградского военного округа по этому поводу сообщала:

«В течение 17 февраля на Карельском перешейке под ударами наших частей противник, неся большие потери, сжигая села, спешно отступал в сторону Виипури и к востоку от него.

Наши части заняли: город Ойнала (на северном берегу озера Муолаярви), станцию Сяйниё — в шести километрах юго-восточнее Виипури, укреплённый узел Кархула — западнее района Сумма, и города Нярья и Мурила в Приморском районе.

Преследование противника продолжается по всему фронту. На остальных участках фронта не произошло ничего существенного.

Наша авиация вела активные действия по войскам и военным объектам противника».

Вскоре к месту прорыва прибыл товарищ Тимошенко, пристально следивший все время за ходом сражения и лично руководивший боевыми действиями войск на наиболее ответственных участках.

Схема 7. Прорыв „линии Маннергейма" в феврале 1940 года.

«По дорогам, входя в прорыв, двигались тяжелые батареи вместе с массами пехоты и легкой артиллерии и загораживали дорогу, — вспоминает лейтенант Тарасов. — Неожиданно на этот участок прибыл товарищ Тимошенко.

— Послушайте, — сказал он артиллерийскому начальнику, — разве Вы сами не понимаете, что сейчас, когда развивается прорыв, пехоте в первую очередь нужны батареи групп поддержки, нужны пулеметы, противотанковые пушки, легкая артиллерия. Вы неплохо поработали, но дайте поработать другим.

Товарищ Тимошенко приказал тяжелым гаубицам свернуть в сторону, открыть проход танкам и другим более подвижным и более необходимым резервам.

Приказание было выполнено. Буквально на глазах марш стал приобретать порядок и быстроту».

Стремительное наступление наших частей продолжало развиваться.

Линия фронта круто изогнулась в сторону Виипури, создавая ясно выраженную непосредственную угрозу охвата флангов и окружения частей белофинской армии, которые пытались еще удерживать участки «линии Маннергейма» к востоку и западу от прорыва в Салменкайта-Илвесском и Приморском укрепленных секторах.

«При интенсивной поддержке танков, воздушных сил и артиллерии русские продвигались вперед, — писал финский подполковник Ханнула, — и 15 февраля завладели перекрестком дорог Ляхтее, откуда, между прочим, можно было угрожать с тыла позициям Сумма.

В таком положении финскому военному командованию не оставалось ничего другого, как отдать приказ частям западной половины Карельского перешейка об отходе назад от обороняемой ими раньше линии».

Этот «отход» превратился под ударами наших частей в поспешное отступление, во время которого белофинны бросали орудия, снаряжение, боеприпасы, чтобы только успеть укрыться в Выборгском укрепленном районе.

Разгром «линии Маннергейма» стал свершившимся фактом.

БАЛТИЙСКИЕ МОРЯКИ

ПРИ ПРОРЫВЕ «ЛИНИИ МАННЕРГЕЙМА»

В те дни, когда боевые полки Красной Армии во взаимодействии с артиллерией и танками прорывали укрепленную полосу «линии Маннергейма» на участке Выборгского шоссе и железной дороги, на Краснознаменный Балтийский флот выпала трудная и ответственная задача обеспечить левый фланг наших сухопутных частей. Это означало, что необходимо овладеть не только крайними, правофланговыми укреплениями белофиннов под Мурила, где они упирались в морское побережье, но и угрожавшим левому флангу наших частей укрепленным районом белофинской крепости Койвисто с островами Койвисто (Бьёркё), Тиуринсаари и Пиисаари.

Выполнение этой задачи требовало одновременных усилий боевых кораблей и десантных отрядов.

В условиях суровой зимы, когда 20—30 градусов ниже нуля считалось чуть ли не оттепелью, отряд балтийских моряков высадился на западном побережье Карельского перешейка и вошел в тесную связь с действовавшими там красноармейскими частями. Отряду были приданы батареи для борьбы против долговременных белофинских укреплений. Краснофлотцев при наступлении должны были поддерживать танки. Часть моряков, преимущественно добровольцы, была поставлена на лыжи и быстро освоилась с этим не привычным для них способом передвижения.

В то время как правее, в районе железнодорожной станции Куолемаярви, развернулся ожесточенный бой наших перешедших в наступление частей, здесь, на берегу, моряки атаковали врага одновременно с суши и с моря.

Белофинны сделали все возможное, чтобы надежно укрепить свой правый фланг. Глубоко врытые в грунт мощные железобетонные сооружения напоминали скорее форты, чем

доты. Они строились несколько лет. Их стены из полутораметрового бетона, прикрытые полуметровыми броневыми плитами, могли выдержать даже прямые попадания тяжелых снарядов. В амбразурные щели глядели на раскинувшиеся перед ними открытые поля дула орудий и пулеметов. Подступы к этим мощным укреплениям пересекались широкими противотанковыми рвами, рядами гранитных надолб, препятствиями из колючей проволоки. Перед этими препятствиями, усиленными, кроме того, минными полями и перекрестным огнем искусно скрытых пулеметов и противотанковых орудий, должны были остановиться атакующие. Остановиться и отступить. . .

Так думали белофинны, так считали лучшие специалисты Англии, Франции, Швеции и Японии, строившие и инспектировавшие эти всесторонне продуманные, усиленные огневым взаимодействием, фортификационные ансамбли.

Иначе думали герои-моряки.

В балтийцах жил опыт гражданской войны. В 1919 году они дрались на подступах к Красному Петрограду с прорывавшимся к городу наглым врагом. Командир отряда комбриг Денисевич, участник боев с белогвардейскими бандами Юденича — Родзянко, был носителем этих замечательных боевых традиций, воспитанных в наших бойцах и командирах товарищем Сталиным под Красной Горкой, под Видлицей и в других местах, где красные войска громили врага.

После тщательной предварительной разведки было принято смелое решение — разбить вражеские железобетонные укрепления подтянутыми к ним берегом орудиями, зайти по льду во фланг этих укреплений и атаковать через ледяные торосы с моря.

И вот в то время, когда наши сухопутные части в жестокой схватке с врагом прорывали его укрепления правее, на Ляйпясуо-Суммском участке, здесь, на береговой черте, отделяющей лесистые массивы суши от безбрежной снежной глади морского простора, завязались исключительно упорные многодневные бои (см. схему 8). В этих боях герои-моряки вписали вновь не одну славную страницу в историю Краснознаменной Балтики.

Наступление по льду на береговые укрепления белофиннов представляло большие трудности. На помощь артиллерийско-пулеметному огню белофинских дотов пришла тяжелая дальнобойная артиллерия крепостных фортов Койвисто. Тяжелые 8-дюймовые и 10-дюймовые снаряды проламывали лед, грозили морякам гибелью в ледяной воде. И тем не менее наступление продолжалось, и моряки-балтийцы, под

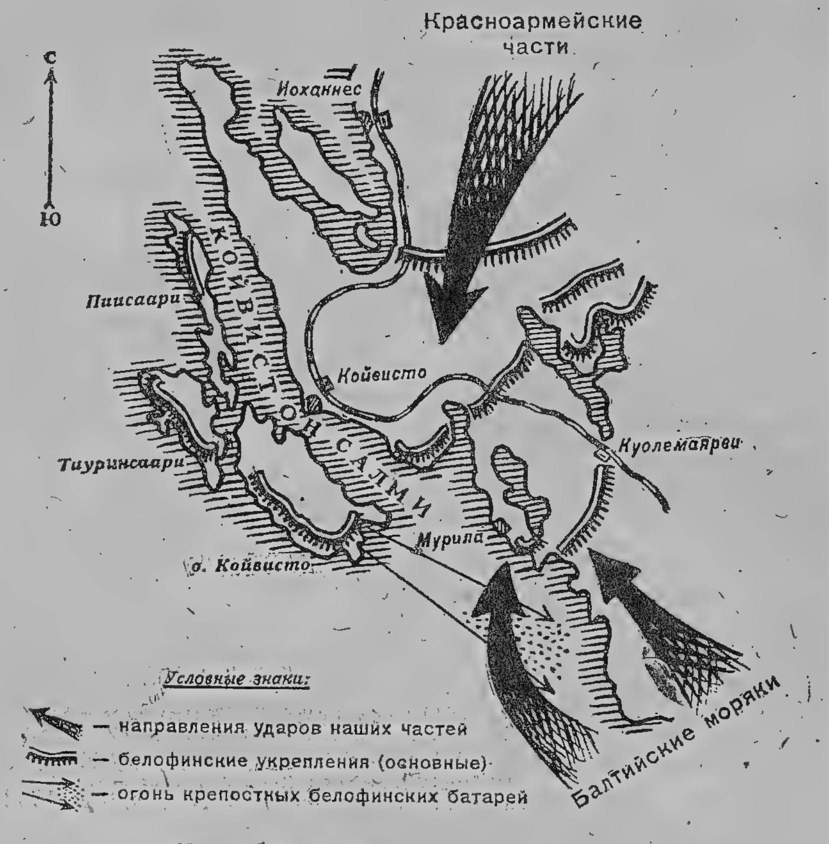

Схема 8. Ликвидация Приморского укрепленного сектора „линии Маннергейма".

огнем врага, приблизились на третий день к берегу на 200—300 метров.

Впереди своих бойцов, воодушевляя их личным примером, находились все время капитан Лосяков и батальонный комиссар Богданов. Тов. Лосяков не покинул своего места и после того, как был ранен в руку пулей белофинского снайпера. Он остался в строю и после второго ранения и с железной стойкостью продолжал до конца руководить боевыми действиями. Батальонный комиссар Богданов не раз ходил с бойцами в разведку, в обход, в самые опасные и в то же время наиболее важные места и своим спокойствием, мужеством и находчивостью обеспечивал успех.

Трудности наступления не смогли сломить в моряках воспитанную в них суровой службой силу воли. Чем больше возрастали препятствия, тем настойчивее, тем упорнее стремились они к достижению поставленной перед собой цели — выбить врага из его железобетонных гнезд.

Лес на берегу был занят белофинской пехотой. Вражеское командование, как только узнало о наступлении моряков на этом участке, бросило сюда сильные резервы. Малейшее движение вызывало пулеметный огонь противника. Малейшая неосторожность бойца или командира делала его жертвой засевших на деревьях белофинских «кукушек». Однако моряки вышли из положения и здесь. Прикрываясь огнем наших батарей, прочесывавших шрапнелью занятую противником опушку прибрежного леса, бойцы-моряки отправлялись, как они выражались, в «подснежное плавание». Оставив лыжи и ненужные, только стесняющие движения, вещи, они отрывали в снегу углубление, ложились в него, укрепляли поплотнее на голове стальной шлем и, прижав подбородок к груди, начинали проделывать ход в снежной стене впереди. Медленно продвигаясь вперед, они подтаскивали вместе с собой оружие и боеприпасы. Потом опять двигались и опять подтягивали за собой оружие...

Так приблизились к берегу еще ближе.

Ночью, вместе с патронами в ящиках и горячей пищей в термосах, удалось подвезти к торосам пушку. На следующую ночь доставили другую. Стало немного легче — орудия придали отряду больше устойчивости на льду.

Тем не менее наличных огневых средств было совершенно недостаточно, чтобы бороться с мощными железобетонными укреплениями врага. Снаряды полевой артиллерии не причиняли укрывшемуся в укреплениях неприятелю ни малейшего вреда. Открытое ледяное пространство между торосами и берегом, простреливаемое со всех сторон многослойным пулеметно-артиллерийским огнем, оставалось непреодолимым препятствием, перед которым должны были остановиться самые мужественные, самые храбрые в бою войска.

Оно не смогло, однако, остановить моряков Краснознаменной Балтики.

Когда выяснилось, что огонь полевых пушек не в силах оказать требуемую помощь наступающим, капитан Шурубура, командир балтийских артиллеристов, прибег к хитрости и осуществил смелое решение.

«Когда стемнело, дивизион открыл огонь по вражеским дотам, — рассказывает писатель Леонид Соболев, находившийся на фронте. — Взрывы снарядов, падавших у самых

укреплений, конечно, не приносили им особого вреда, но они заглушали шум в лесу. А шум там был порядочный. По узенькой тропе, пыхтя и грохоча, трактор тащил к намеченному капитаном месту тяжелое орудие. Оно застревало в снегу, оно сползало в сугробы, и краснофлотцы подтаскивали его на руках. В то же время другие краснофлотцы валили в лесу деревья, вырубая к опушке узкую просеку длиной в сто метров, рыли на будущей позиции ровик для укрытия расчета, подпиливали крайние к опушке сосны, оставив их пока стоять для маскировки. К рассвету все было готово.

Наступил рассвет. В утренней мгле белофинны сквозь узкие щели в полуметровой броне увидели привычную и изученную кромку леса, снежную поляну перед ним, на которой можно заметить малейшее шевеление на снегу и прекратить его короткой и точной очередью пулеметов. Начался обстрел — предвестник атаки, снаряды падали у брони, засыпая ее снегом и землей. Сейчас из леса поползут беззащитные человеческие фигурки, которые так удобно брать на прицел сквозь надежную броню... Но в лесу внезапно, как театральный занавес, распахнулись сосны, — в открывшейся просеке неожиданно и невероятно близко, в четырехстах метрах (для артиллерии — вплотную), уставив на дот свое широкое и страшное жерло, оказалось тяжелое орудие...»

Наводчиком у орудия был тов. Гармоза. Не считаясь с обрушившимся на орудийный расчет артиллерийским и пулеметным огнем белофиннов, тов. Гармоза выскочил вперед, расчистил перед орудием сосновые ветки, чтобы не мешали прицеливаться, и стал бить прямой наводкой по амбразурам крайнего белофинского дота, с методической точностью пробивая в них бреши. Результат этой замечательной огневой работы героя-наводчика можно видеть и сейчас на сохранившихся близ морского берега развалинах дота. Толстая полуметровая броня передней стенки покрыта глубокими бороздами. Местами она дала трещины. Из развороченного прямыми попаданиями снарядов бетона торчат во все стороны металлические прутья, составлявшие каркас бетонной кладки. Амбразуры, где они сохранились, деформированы, частью разбиты...

Под действием этих сокрушительных ударов дот вынужден был прекратить огонь. Прорывающиеся в амбразуры горячие газы и огонь заставили гарнизон дота побросать орудия и пулеметы. Не будучи в состоянии оставаться в рушащемся железобетонном каземате, шюцкоровцы бросились из дота и пытались спастись по прорытой заблаговременно

траншее. Это не укрылось, однако, от глаз тов. Гармозы. Длинное тело орудия сделало небольшое движение в сторону, и очередной снаряд с грохотом разорвался среди бегущих, довершая их поражение.

А в это время со льда на берег уже неслось громкое, подхватываемое гулким эхом, победное ура, среди которого слышались возгласы: За Родину! За великого Сталина! Вперед!

На занесенный снегом берег неслись с винтовками наперевес человеческие фигуры. Это моряки Балтики штурмовали позиции врага — его полевые укрепления, возведенные в дополнение к железобетонному костяку дотов. Вместе с морской пехотой, обгоняя ее, двигались прорвавшиеся через торосы танки. Развороченные артиллерийским огнем искусственные препятствия не были уже в состоянии сдержать этого сокрушительного натиска. Брошенный сюда белофинским командованием отборный 7-й шюцкоровский батальон побросал свои окопы и блиндажи, куда уже врывались наши моряки. Забрасываемые гранатами, преследуемые огнем, белофинны бежали в лес, ища там спасения от балтийских моряков, которые с изумительной отвагой и героическим энтузиазмом, после многодневных боев и лишений на льду, штурмовали и прорвали их неприступные укрепления.

На опушке леса завязался ожесточенный бой с подоспевшими белофинскими подкреплениями. Взрывы ручных гранат, короткие очереди пулеметов, крики ура наполнили воздух. Местами дело доходило до штыковых схваток моряков с превосходящим по численности противником. В первых рядах атакующих бежал молодой моряк Посконкин, ныне Герой Советского Союза. Он одним из первых ворвался в расположение врага. В лесу его окружили шюцкоровцы. Герой уложил выстрелами в упор и штыком восьмерых врагов, остальных обратил в бегство. Оглянувшись, он увидел, что поблизости гибнет его командир, которого душил вцепившийся в горло командира белофинн. Бросившись к нему, тов. Посконкин уложил ударом штыка шюцкоровца. Увидя, что командир ранен, он поднял его, взвалил на себя и, отстреливаясь от наседавшего со всех сторон врага, пробился с раненым к своим. Сдав его на перевязочный пункт, тов. Посконкин бегом вернулся в строй и продолжал добивать отступавшего врага.

К вечеру белофинны отступили.

Правый фланг «линии Маннергейма» был сломлен — задача, поставленная перед доблестными моряками Краснознаменной Балтики, была блестяще выполнена.

17 февраля 1940 года, как сообщала оперативная сводка

штаба Ленинградского военного округа, отрядом балтийских моряков в Приморском районе был занят город Мурила, что означало охват правого фланга белофинского Приморского укрепленного района и прочное закрепление наших частей на ближайших подступах к крепости Койвисто.

На этом, однако, боевые действия героического отряда моряков не окончились.

В это время наши сухопутные части, развивая операцию прорыва «линии Маннергейма», стали одна за другой пробиваться к побережью Выборгского залива. Оперативная сводка штаба Ленинградского военного округа сообщала о том, что в течение 18 февраля на Карельском перешейке наше наступление продолжало успешно развиваться. В ней сообщалось, что наши части вышли на реку Салменкайта между озерами Вуоксенярви и Яюрепяянярви, заняли: укрепленный пункт и село Муола, станцию Сомме Приморской железной дороги в 10 километрах южнее Виипури, город Иоханнес и станцию Макслахти Приморской железной дороги, выйдя, таким образом, на западное побережье Карельского перешейка, севернее острова Бьёркё.

За 17 и 18 февраля войсками было занято 313 оборонительных укрепленных пунктов белофиннов, из них 41 железобетонное артиллерийское сооружение, а всего, начиная с 11 февраля по 18 февраля включительно, нашими частями взято 475 оборонительных укрепленных пунктов противника, из них 92 железобетонных артиллерийских сооружения.

Эта оперативная сводка говорила о больших размерах поражения белофиннов при прорыве «линии Маннергейма» и об отступлении их армии по всему фронту на подступах к Виипури. Одновременно она показывала (см. схему 8) продвижение наших частей вдоль восточного побережья Выборгского залива и их выход в тыл укреплениям крепости Койвисто. Стальные тиски наших победоносных частей с севера и моряков-балтийцев с юга зажимали Койвисто — этот последний остававшийся в руках врага оплот по обеим сторонам пролива Койвистонсалми.

Врагу приходил конец. Краснознаменная Балтика в братском единении с боевыми полками Красной Армии, плечо к плечу с ними, добивала остававшиеся еще в руках белофиннов железобетонные гнезда. Это были дни величайшего подъема, стремительного движения вперед, преодоления препятствий, казалось непреодолимых. Никакие силы врага не могли остановить бойцов. Когда наши части врывались на полуостров Койвисто, им пришлось штурмовать укрепленную

белофиннами возвышенность. В горячке этого боя тов. Веринаш ворвался на вершину вражеской высоты и, будучи ранен в грудь, крикнул своим, залегшим внизу товарищам:

— Вперед, за Сталина!

Этот крик сверху воодушевил всех. Высота была взята штурмом. К 20 февраля красноармейские батальоны, вместе с ротами балтийских моряков, уже захватили город Койвисто — центр укрепленного района белофиннов. В тот же день к вечеру оперативная сводка штаба Ленинградского военного округа сообщала:

«В течение 20 февраля на Карельском перешейке наше наступление продолжало развиваться. Наши части заняли город и крепость Койвисто (Бьёркё)... Захвачены большие военные трофеи».

В последующие дни разгорелись упорные бои за острова по ту сторону пролива Койвистонсалми.

Первым был занят остров Койвисто (Бьёркё). Оборонявшие его берега белофинские доты пали, разбитые морскими орудиями балтийцев. Эти орудия вслед затем были доставлены с неимоверными трудностями на остров и приняли участие в довершении разгрома врага. Противник был окружен. В окопах и траншеях, в которых засели белофинны, закипел ожесточенный бой. Лишь немногим из них удалось спастись. Много пулеметов и винтовок, тысячи снарядов, сотни тысяч патронов оставил в траншеях враг после своего бегства.

К вечеру 24 февраля все три острова Приморского укрепленного района белофиннов были очищены от врага. По этому поводу оперативная сводка штаба Ленинградского военного округа сообщала:

«Наши части с боем заняли сильно укрепленные железобетонными сооружениями острова Койвисто (Бьёркё), Тиуринсаари и Пиисаари. На островах захвачено 22 орудия, из них 12 тяжелых береговых башенных орудий (в 10 и 6 дюймов), полевые и зенитные орудия, большое количество станковых пулеметов, склады боеприпасов и военного имущества».

Размеры понесенного тут белофиннами поражения еще яснее определялись дополнительными данными, которые сообщала оперативная сводка от 27 февраля. В ней говорилось:

«По дополнительным данным на острове Койвисто (Бьёркё), сверх указанных военных трофеев в сводке от 24 февраля, нашими частями захвачено 26 оборонительных укрепленных пунктов противника, из них 15 железобетонных артиллерийских сооружений, кроме того 2 крепостных каземата, 4 склада с оружием и продовольствием, 10 000 снарядов, свыше 5 000 000 патронов».

Занятием островов Койвисто, Тиуринсаари и Пиисаари завершилось овладение нашими частями Приморским укрепленным районом белофиннов. Падение этой мощной укрепленной системы на правом фланге «линии Маннергейма» в соединении с прорывом белофинских укреплений в районе Перкярви, Сумма (Хотинен), Ляйпясуо означало полное крушение надежд белофинского командования на неприступность возведенных на Карельском перешейке укреплений и неизбежное перенесение борьбы на ближние подступы к городу Виипури.

Занятием островов Приморского укрепленного района и северной оконечности полуострова Койвисто и установлением на них нашей артиллерии балтийские моряки запирали, кроме того, на крепкий замок выходы из Выборгского залива и этим отрезали гарнизону Выборгского укрепленного района всякую возможность сообщения по льду или водой Выборгского залива с портами Фредриксхамном и Котка.

Занятием островов в районе крепости Койвисто (Бьёркё) балтийские моряки, вместе с действовавшими с ними сухопутными частями, получали надежную отправную базу для развертывания дальнейших наступательных действий через Выборгский залив в охват с запада Выборгского укрепленного района и крепости Тронгзунд.

Успешные боевые действия балтийских моряков на суше сочетались с исключительно тяжелой в зимних условиях работой боевых кораблей Балтики на море.

«Флот знал ледовые походы, — писал Вс. Вишневский, находившийся на одном из наших кораблей. — Флотские старики и молодежь могли их повторить снова и повторяли. Корабли выходили во льды, поражая противника на всем протяжении его морской границы, сметая в щепки и бетонную пыль огневые точки в районе от Сестры-реки до Стирсуддена. Крепость Койвисто (Бьёркё) громили линкоры „Марат" и „Октябрьская революция". Эта дуэль крепости с линкорами приобретала иногда острейший характер. Линкорам угрожали подводные лодки, мины. Батареи противника были глубоко и хитроумно запрятаны.

Перед выходом в бой на линкорах было сказано: помнить о традициях Балтфлота, о сталинском ударе по мятежной „Красной горке". И люди с безотказной решимостью шли на трудную и неравную борьбу с крепостью. Позже, когда моряки ворвались в эту крепость, они внимательно считали свои попадания в финские батареи, пробитые броневые щиты орудий, осматривали разметанные и замерзшие тела финской орудийной прислуги».

Вход в один из разрушенных белофинских дотов

Внутренность одного из дотов, захваченных нашими частями

Одновременно наши боевые корабли продолжали бдительно охранять пролегавший через Финский залив важный морской путь, соединявший Ленинградской порт с крупнейшими портами других стран.

Это была трудная задача. Исключительно суровая зима 1939—1940 годов сделала ледовый покров в Финском заливе настолько толстым, что плавание могло производиться лишь с помощью нашего мощного ледокольного флота. Вместе с ледоколами миноносцы и тральщики конвоировали торговые суда, обеспечивая их от возможных нападений врага.

И эта задача была прекрасно разрешена. За все время боевых действий только один торговый пароход «Казахстан» был затерт льдами и подвергся нападениям врага. Не имея возможности вывести из льдов свой пароход, экипаж превратил его в настоящую крепость. На помощь пароходу пришел по льду отряд балтийских моряков. С севера, от финского берега к нему попытались приблизиться белофинские отряды, но после горячей перестрелки отступили. Вокруг парохода были устроены во льду и снегу окопы, организована служба наблюдения. Не имея возможности захватить пароход неожиданным нападением со льда, белофинны решили уничтожить его нападением с воздуха. Пятьдесят три бомбы были сброшены их «фоккерами» на пароход, но ни одна не попала в него. Когда авиация Балтфлота сделала невозможными дальнейшие налеты, белофинны прибегли к новому приему. Они применили особые мины, установленные на лыжах и снабженные ракетным двигателем. Прикрываясь ночной темнотой, они приблизились к пароходу и пустили в него эти самодвижущиеся адские машины. Однако наши наблюдатели-балтийцы не дремали. Они не растерялись, и белофинская затея провалилась. «Казахстан» благополучно перезимовал во льдах Финского залива и остался в составе нашего торгового флота.

Так, одновременными действиями на суше и на море при героическом прорыве «неприступных» укреплений «линии Маннергейма» и при обеспечении наших тыловых морских коммуникаций, моряки-балтийцы, воспитанные на суровых боевых традициях гражданской войны, еще раз доказали, что нет таких трудностей, которых не преодолели бы советские люди, крепко сплоченные вокруг большевистской партии, до конца преданные своей социалистической родине.

АВИАЦИЯ

ПРИ ПРОРЫВЕ БЕЛОФИНСКОГО ФРОНТА

Боевые действия на белофинском фронте для авиации протекали в исключительно тяжелых условиях: температура в 40—50° ниже нуля, частые туманы, низкая облачность, метели, магнитные бури и т. п. Несмотря на все это наша авиация принимала самое активное участие в обеспечении решительных операций наземных войск по прорыву «линии Маннергейма».

К этому времени белофинны получили значительное количество самолетов из-за границы. Если в самом начале боевых действий можно было говорить о наличии у них 300—400 машин, то к февралю 1940 года такое же количество было им доставлено их зарубежными хозяевами и покровителями. Это позволило белофинской авиации, несмотря на понесенные ею к этому времени в воздушных боях и при бомбардировке аэродромов серьезные потери (свыше 200 самолетов), не только сохранить свой первоначальный состав, а даже несколько его увеличить.

Кроме того, белофинское командование сосредоточило в укрепленных районах «линии Маннергейма» сильные наземные средства противовоздушной обороны. Зная по опыту силу нашей авиации и не надеясь с помощью самолетов достигнуть господства в воздухе, белофинны предполагали сильным огнем своих зенитных батарей и пулеметов преградить доступ нашим воздушным соединениям. Этим они рассчитывали оторвать нашу авиацию от наших наземных войск и еще больше затруднить их наступление.

Этот план врагу не удалось выполнить.

К тому времени, когда наши части устремились на штурм белофинских укреплений, наша авиация группами в 3—9 самолетов систематической бомбардировкой через короткие интервалы произвела уже в этих укреплениях значительные

разрушения. Почти непрерывное воздействие нашей авиации с воздуха в течение всего времени, предшествовавшего переходу наших частей в наступление, оказало заметное влияние на состояние белофинских частей. Дело в том, что помимо большого количества железобетонных дотов враг занимал своими полками и батальонами деревянно-земляные укрепления и окопы полевого типа. Они дополняли основной костяк обороны — доты — и обеспечивали их бесперебойную огневую работу. Вот этим-то частям белофиннов, потрясаемым следующими один за другим налетами нашей авиации, несущим от этих налетов потери, и пришлось вынести на себе их основную тяжесть. Разрушение бомбардировками укреплений, подавление полевых огневых точек врага, наносимые ему потери не могли, конечно, не ослабить системы белофинской обороны. Когда за несколько минут до атаки нашей пехоты и танков на позиции врага был произведен массированный налет наших бомбардировочных авиасоединений, некоторые белофинские части не выдержали, побросали свои окопы и отступили в тыл искать убежища от рвавшихся повсюду бомб.

Таким образом, несмотря на все усилия врага, ему не удалось оторвать нашу авиацию от наземных войск.

Летчики сохранили самое тесное взаимодействие со своей пехотой и танками и хорошо дополняли огневую работу артиллеристов бомбежкой расположения врага.

Но и это еще далеко не все.

В то время как боевой порядок белофинских войск, от переднего края «линии Маннергейма» и до артиллерийских огневых позиций и штабов включительно, был потрясен бомбардировкой и наша пехота и танки устремились на штурм, весь тыл белофиннов подвергся нападению нашей авиации.

В глубину до 100 километров железные дороги вынуждены были на ряде участков прекратить свою работу. Выборгский железнодорожный узел, узловые станции Антреа, Симола и другие были подвергнуты бомбардировке, пути были разрушены, скопившиеся на них поезда горели. Движение воинских эшелонов с подкреплениями и поездов с боеприпасами и продовольствием нарушалось из-за разрушений вследствие прямых попаданий бомб в мосты и железнодорожное полотно на перегонах.

Одновременно под ударами нашей авиации оказалось и автомобильное движение на грунтовых дорогах.

Эти боевые действия наших воздушных соединений значительно облегчили наземным войскам Красной Армии прорыв укрепленной полосы «линии Маннергейма», а в дальнейшем

и развитие этого прорыва в сторону Выборгского укрепленного района.

Белофинны прилагали все усилия, чтобы сорвать действия наших летчиков. Их зенитные орудия и пулеметы открывали бешеный огонь по нашим самолетам. Их «фоккеры» бросались в воздушный бой, стараясь заставить наших бомбардировщиков повернуть назад. Выполнение боевых заданий командования представляло в этих условиях иногда большие трудности, требовало от всего личного состава выдержки, большевистского упорства в достижении поставленной перед собой цели, мужества, а нередко и геройства.

Полеты приходилось производить почти всегда под огнем врага. Вот как рассказывает об одном из таких полетов младший лейтенант М. Борилло:

«...в воздухе разорвалось несколько вражеских снарядов. Точно по сигналу из-за сосен и берез ударили пулеметы.

Легко качнув крыльями самолета, командир Матюков подает команду „Атакуем" и первым идет на врага. Наши „ястребки" крепко и безошибочно ударили туда, откуда показались огоньки зенитных вражеских батарей. Там загремели разрывы, взвился черный дым.

В это время Матюков заметил в лесной просеке геометрически ломаные темные линии. Снижаемся. Сомнений нет — это окопы и траншеи белофиннов. Ширина просеки 50—70 метров, но это не останавливает тов. Матюкова. Он уверенно делает под прямым углом разворот и резко пикирует. В 100 метрах от земли он выровнял самолет и на бреющем полете молниеносно понесся вдоль просеки, посылая из пулемета очередь за очередью. За ним летел отважный летчик Евтиков, также поливая противника смертоносным свинцом.

Это был смелый и искусный по технике пилотажа полет. Летчики ежеминутно рисковали быть сбитыми вражескими пулями. При малейшем промахе в управлении самолетами можно было врезаться в деревья. Все произошло неожиданно быстро. Враги не успели опомниться, как были расстреляны».

А вот как описывает налет на тылы врага старший лейтенант М. Репин:

«Впереди плотной молочно-белой стеной грудилась низкая облачность. Командир группы капитан Матрунчик принял решение снизиться под облака, обойти цель по кромке облачности справа, зайти в глубь территории противника и после разворота внезапным налетом поразить железнодорожный узел белофиннов.

Противник не ожидал нас с этой стороны. Когда мы подошли на близкое расстояние, заговорили зенитки. Их было

много. Около железнодорожного моста — три, на окраине населенного пункта — четыре, несколько точек обнаружили себя и на ближайшем полуострове.

Около наших самолетов непрерывным потоком неслись трассирующие зенитные снаряды. Казалось, нет пустого места в безбрежном океане высот — везде рвутся снаряды. Несмотря на ураганный зенитный огонь, ни один самолет не оставил своего места в строю. Группа шла спокойно. Вот цель. Вниз полетели бомбы — на железнодорожный узел, на мост, на зенитки. Несколько секунд — и огромные столбы дыма закрыли железнодорожный узел, пламя разрывов сверкнуло на мосту. Цель была поражена».

Нередко приходилось драться с врагом, пытавшимся сорвать боевую работу наших самолетов. Вот например, типичная картина воздушного боя, о котором рассказывает штурман В. Гнеденко:

«Километров за 50—60 до цели, с одинокого озера оторвалась группа черных точек. Это были истребители противника. Они, резко набирая высоту и используя черный лесной массив, подкрадывались к нашей группе.

Стрелки заметили их и тут же сообщили своим командирам. Звенья и отдельные самолеты строго заняли свои места в строю, уменьшив до минимума интервалы и дистанцию.

Истребители врага, подойдя на километр справа и сзади, рассыпались и решили атаковать фланги нашей группы. Крайние самолеты для истребителей всегда кажутся более лакомыми, такой самолет легче можно оторвать от группы, подбить.

На всех самолетах, имеющих возможность вести огонь, заработали пулеметы. Вот один разъяренный „фоккер" бросился на крайний самолет звена Селиверстова, который вел летчик Литвинов. Зайдя сзади, вражеский истребитель старался укрыться в так называемом „мертвом хвостовом конусе". Наши стрелки хорошо знают этот прием. Заметив опасность, которой подвергался самолет Литвинова, пулеметчик соседнего самолета Борис Крупкин открыл огонь по „фоккеру" и отбил его атаку.

Вдруг узнаю, что бензин бьет из бака и залил фюзеляж. Не сообщаю об этом летчику, чтобы он спокойно маневрировал.

Приближаемся к цели. Рывком открываю бомбовые люки. Одна за другой падают бомбы и ложатся на цели. Я быстро закрываю люки и сообщаю летчику: „Левый люк пробит, бензин резко уходит".

Вражеские истребители атакуют снова. Стрелки Печени-

цын и Крупкин меткими выстрелами погнали одного „фоккера” к земле. Он развернулся необычайным правым разворотом, задымился и крупной беспорядочной спиралью, объятый пламенем, пошел вниз. Только белой вспышкой было заметно „приземление” противника. Стрелки Некрасов, Скворцов, Гутовский и Скорик на правом фланге быстро отразили атаки и послали еще двух „фоккеров” к земле».

Нет возможности описать все многочисленные подвиги мужества и подлинного геройства летчиков, которыми сопровождалась операция по прорыву «линии Маннергейма» как над полем развернувшегося ожесточенного сражения, так и за линией фронта, в тылу белофиннов, там, где наша авиация, несмотря на отчаянное сопротивление врага, бомбила его тылы, уничтожала его склады. В эти дни газета «На страже родины» писала в одной из своих передовиц:

«Отважный стрелок-радист, Герой Советского Союза Василий Бахвалов, раненный разрывной пулей, истекая кровью, отбивал атаки белофинских самолетов, стреляя до последнего патрона. Своим огнем он поддерживал товарищей. И враги не могли подступиться к ним.

Столь же благородный подвиг совершил Герой Советского Союза стрелок Лопатин, который выручил в бою товарища, когда у того отказал пулемет.

Взаимная выручка товарища, не дать его в обиду в воздушном бою, — стала законом наших летчиков. Боевое содружество, героизм и отвага всегда приносят победу сталинским соколам. Недавно самолеты Пятыхина громили важные объекты белофиннов. В момент выполнения задачи, на бомбардировщиков навалилась стая вражеских истребителей. Они хотели расстроить группу, сбить командира, помешать бомбежке. Не вышло!

„Ястребки” Героя Советского Союза Благовещенского, увидев, что товарищи в опасности, тотчас же пошли им на помощь и, приняв на себя удар, взяли в переплет белофинские самолеты. Через несколько минут они прогнали „фоккеров”, сбив при этом двух зарвавшихся „ассов”.

Подобных примеров можно привести десятки, сотни. Любовь и преданность родине, любовь к товарищам, взаимная выручка в самых сложных условиях, — вот что ведет на подвиг и героизм наших соколов, несет им победу в воздухе, не взирая на непреодолимые препятствия.

Благодаря взаимной выручке и взаимопомощи в бою, отважная эскадрилья Шинкаренко за 20 минут воздушного боя сбила 8 белофинских самолетов.

В боях с белофиннами сталинские соколы громят врага

на земле, бьют его в воздухе. Всюду реют краснозвездные птицы».

Среди этих подвигов, несших врагу поражение и гибель, должны быть упомянуты отдельно подвиги тов. Трусова и героического экипажа тов. Цыганова.

Рассказывая о подвиге капитана Трусова, капитан Я. Потехин говорит:

«Молчавшие до этого белофинские зенитки вдруг с бешеной злобой открыли огонь. Осколками снаряда был пробит радиатор и повреждены оба мотора у машины летчика Мазаева. Самолет охватило пламенем, из капота вырвались струи черного дыма. Это заметили вражеские истребители. Они плотным кольцом окружили идущий на посадку самолет.

Экипажу Мазаева угрожала большая опасность. Он находился между нашими войсками и белофиннами.

Но советские летчики никогда не оставляют товарищей в беде. Вот от бомбардировщиков отделилась машина капитана Трусова и пошла на посадку к горящему самолету. Чувством беспредельной радости наполнились сердца летчиков пострадавшей машины. Но радость сменилась беспокойством. Противник, видя, что обреченным, как ему казалось, людям спешат на выручку их боевые товарищи, открыл бешеный ружейно-пулеметный огонь.

Не выключая моторов, самолет Трусова приземлился. Вокруг самолета свистели пули.

Экипаж поврежденного бомбардировщика быстро разместился в самолете Трусова. Два человека были помещены в кабину стрелка-радиста и один в бомбовый люк. Такое распределение груза затрудняло полет. Но не было еще таких случаев, чтобы сталинские соколы останавливались перед трудностями.

Самолет сделал разбег, оторвался от снежного поля и, набирая высоту, пристроился к ожидавшим его в воздухе бомбардировщикам».

Экипаж самолета тов. Мазаева был спасен.

Не менее замечателен подвиг, совершенный экипажем тов. Цыганова.

Погода в этот день была плохая. Лететь приходилось вслепую. Но так уже повелось с самого начала, что даже враг признавал, что нелетных условий для наших сталинских соколов нет. В наступившие ненастные дни, по выражению белофиннов, летали лишь «черти да русские летчики».

Выполняя трудное задание, бесстрашный экипаж прошел далеко в тыл белофиннов. Появление нашего самолета в плохую погоду с той стороны, с которой враг никак не ожи-

дал нападения, обеспечило летчикам полный успех. Зенитные огневые средства, застигнутые врасплох, опоздали с открытием огня — бомбы были сброшены на цель, прежде чем вражеские артиллеристы пришли в себя.

В тот момент, когда самолет тов. Цыганова, выполнив задачу, взял уже курс на свой аэродром, в него попал случайный снаряд вражеской зенитки.

«Большевик-командир не растерялся, — рассказывает П. Антонов. — С большим усилием он вывел самолет из пике. Обстановка сложилась тяжелая. Бензиновая магистраль перебита. Управление элеронами не работало, все приборы были разбиты. Образовалась сильная вибрация, но самолетом можно было еще управлять за счет руля поворота.

Этой последней возможностью и воспользовался отважный летчик. Воздушный стрелок Коновалов засыпал врага пулями. Когда дальше лететь было нельзя, Цыганов посадил самолет на озере.

Где они? С разбитым компасом в руках они пошли на восток. Утоляя снегом жажду, карабкались они на горы, в лощинах шли по пояс в снегу. На усталом теле леденело мокрое от пота белье. Переночевали у костра, разведенного в глубокой лощине. С рассветом снова пустились в тяжелый путь.

Вот впереди, между толстыми деревьями, мелькнули слегка согнувшиеся человеческие фигуры. Штурман Луценко остановился, наскоро обтирая обледеневшие ресницы.

— Кто они? — недоумевающе спросил он.

— Если враг, будем бить до предпоследнего патрона, — отвечал Цыганов, — а последний...

— Понятно, — твердо ответил Луценко.

Ловко маневрируя между деревьями, люди на лыжах приблизились к летчикам. На головах у них были красноармейские шлемы с пятиконечными звездами».

Это были свои. Отважный экипаж летчика Цыганова был спасен.

Только за десять дней сражения, с 11 по 21 февраля 1940 года, нашими летчиками было уничтожено 109 белофинских самолетов, то есть более четвертой части всех наличных воздушных сил белофинской армии.

В БОЯХ ЗА ВЫБОРГ

Стремительное наступление наших частей после прорыва главной укрепленной полосы «линии Маннергейма» продолжало развиваться с неудержимой силой.

«Могучим ударом Красной Армии прорваны укрепления „линии Маннергейма — Кирка", — писала в это время газета «На страже родины». — За несколько дней боевых действий части Красной Армии захватили свыше 700 укрепленных пунктов. В бою захвачено несколько важнейших опорных баз.

В последние дни наши части, прорвавшие укрепленную „линию Маннергейма — Кирка", разгромили и заняли крепость Койвисто (Бьёркё), укрепленные острова Койвисто, Тиуринсаари, Пиисаари и другие, совершенно очистив от врага сильно укрепленный им Бьёркский район. Важнейшие в стратегическом отношении станции Ляйпясуо и Кямяря пали под неудержимым напором Красной Армии.

В боях с белофиннами добыто огромное количество ценных трофеев: сотни орудий, пулеметов, огромное количество снарядов, миллионы патронов».

Об этой победе вдруг заговорила и заграничная печать. Те самые газеты, которые всего лишь несколькими неделями раньше писали всевозможные небылицы о поражениях и отступлении наших частей, о бессилии Красной Армии перед неприступными белофинскими укрепленными районами, стали теперь бить отбой. Корреспонденты ряда стран, предсказывавшие нашим частям такое же поражение, какое потерпел в свое время Наполеон в России, стали быстро перестраиваться под давлением неопровержимой действительности.

«Военные действия в начале войны в Финляндии фактически носили только подготовительный характер, — писала задним числом в своем военном обзоре из Каунаса газета «Овентблат». — Теперь Красная Армия решила прорвать финскую

оборонительную линию, которая преграждает путь ко всем важнейшим центрам Финляндии. В военном отношении это было очень тяжелой задачей. Как известно, обе воюющие стороны на Западе до сих пор не осмеливаются наступать на вражеские фортификации. Финские укрепленные линии строились теми же инженерами, которые строили „линию Мажино" и „линию Зигфрида". По мнению объективных экспертов, финские укрепленные линии не слабее французских или германских. Советское наступление против финских укрепленных линий является первыми операциями такого рода в истории современных войн».

Военный обозреватель газеты «Нью-Йорк пост» теперь писал, что Красная Армия «своим наступлением на Карельском перешейке уже почти достигла намеченной цели», и тут же указывал, что это свидетельствует о большом военном искусстве русских.

В то же время журнал «Лайф» указывал, что победоносное наступление Красной Армии вынуждает иностранных корреспондентов пересмотреть их мнение о Красной Армии, так как она «... располагает первоклассным вооружением, в особенности пулеметами и танками».

Хельсинкский корреспондент агентства Рейтер после падения крепости Койвисто заявил, что это «... рассматривается там, как серьезный удар, так как огонь береговых батарей этой крепости не давал возможности приблизиться к берегу русским военным кораблям и предотвращал все попытки высадить десант за „линией Маннергейма"».

Болгарская газета «Зора» в свою очередь писала, что с падением острова Койвисто начинается новая фаза русского наступления на Карельском перешейке. «Непосредственным результатом падения этих укреплений,— заявляла газета,— явится падение Виипури».

Развивая одержанную победу, наши дивизии не остановились на достигнутом — стремительное наступление в глубь расположения врага продолжалось с прежней силой.

Между тем враг не потерял еще надежды остановить натиск наших полков. В спешном порядке, откуда только можно, собирали белофинны резервы, чтобы бросить их в контрнаступление. Этот удар был нацелен во фланг нашим частям. Сколоченной наспех ударной группе белофинское командование придало 9 танков англо-французского происхождения. Наступление белофинской пехоты должны были поддержать бомбардировщики и истребители.

27 февраля, в то время когда наши дивизии выходили уже к переднему краю Выборгского укрепленного района, враг

перешел в наступление. Белофинны рассчитывали этим внезапным ударом задержать дальнейший прорыв Красной Армии через укрепления Выборгского укрепленного района и воспрепятствовать этим занятию Виипури нашими частями.

Враг просчитался.

Танки не произвели в рядах наших бойцов того смятения, на которое рассчитывало белофинское командование. Увидя английских «виккерсов» и французских «рено», бойцы и командиры 123-й ордена Ленина стрелковой дивизии отважно бросились им навстречу. Несколько танков было тут же подбито, другие окружены.

На помощь пехоте в бой ринулись наши танки. Только двум белофинским машинам удалось спастись от их сокрушительного удара.

— За Родину! За Сталина! Бей беспощадно белофиннов!

С этими возгласами наша пехота бросилась в атаку.

Враг не выдержал этого дружного натиска и стал отступать, стараясь прикрыться дотами и дзотами Выборгского укрепленного района.

Было, однако, поздно.

На плечах отступающего, в панике бегущего местами противника наши танкисты и пехотинцы ворвались в его окопы и траншеи.

Наше боевое оружие дополняли сбрасываемые самолетами листовки. Почти все солдаты, несмотря на строжайший запрет офицеров, читали эти листовки, находившие среди них живой отклик.

«Иногда из окопов приносили листовки, сброшенные с советских самолетов, — рассказывал пленный солдат Лахтинен.— Их читали внимательно и передавали друг другу. Я тоже прочел листовку и много понял. Я понял, что мне нечего защищать на фронте, ведь у меня нет ни земли, ни имущества. Родина принадлежит богачам, пусть они и защищают ее».

Под сокрушительными ударами наших войск эти антивоенные настроения финских солдат, мобилизованных маннергеймовской кликой, стали быстро нарастать и охватывали иногда целые подразделения.

«Вряд ли найдется у нас солдат, который верит, что мы еще можем продержаться, — заявил во время опроса пленный солдат Клубб. — У большинства одно желание, чтобы вы поскорее окончательно разгромили маннергеймовскую армию и чтобы в нашей стране наступил мир».

Количество пленных с каждым днем увеличивалось.

Бесславный конец затеянной белофинскими правителями авантюры приближался. Об этом красноречиво говорили

факты, сообщаемые в оперативных сводках штаба Ленинградского военного округа.

«В течение 28 февраля на Карельском перешейке наступление наших частей продолжало развиваться. Противник, стремясь контратаками остановить наше наступление, неся большие потери, продолжал отступать. Наши части, овладев оборонительными пунктами на северном берегу реки Салменкайта, заняли местечко Риитасаари на западном берегу озера Вуоксенярви, далее заняли местечки: Мялкеля, Хаммарниеми и Хейкурила севернее озера Яюрепяянярви, Кямяря в 4 километрах юго-западнее станции Хейнйоки и Ала Сумма в 6 километрах южнее Виипури.

По неполным данным нашими частями в течение 28 февраля занято 42 оборонительных укрепленных пункта противника».

На следующий день сводка сообщала:

«В течение 29 февраля на Карельском перешейке наступление наших частей продолжало успешно развиваться. Наши части захватили железнодорожную линию Виипури — Валкярви, заняли станцию Яюрепяя, Хейнйоки, Перо (в 9 километрах восточнее Виипури), а также местечко Ала-Сяйние и дачи на восточном берегу Выборгского залива, что в 2 километрах южнее Виипури.

Нашими частями за 28 и 29 февраля занято 270 оборонительных укрепленных пунктов противника, из них 66 железобетонных артиллерийских сооружений, сверх 42 оборонительных укрепленных пунктов, указанных в сводке за 28 февраля».

Это означало прорыв Выборгского укрепленного района и разгром белофинских частей на ближних подступах к Виипури. Как сообщала оперативная сводка штаба Ленинградского военного округа от 1 марта, за время этого беспримерного сражения, длившегося непрерывно с 11 февраля, нашими частями было захвачено 922 оборонительных укрепленных пункта противника, из которых было 235 железобетонных артиллерийских сооружений, то есть дотов с установленными в них орудиями. При этом потери белофиннов оружием и боеприпасами составляли: 506 орудий, 2732 пулемета, 10 тысяч винтовок и более 14 миллионов патронов. Белофинская авиация потеряла 191 самолет.

Это было поражение, от которого белофинны не могли уже оправиться.

Между тем наступление наших полков продолжало безостановочно развиваться (см. схему 9).

На подступах к Виипури завязались ожесточенные бои, в которых маннергеймовская военщина делала последние по-

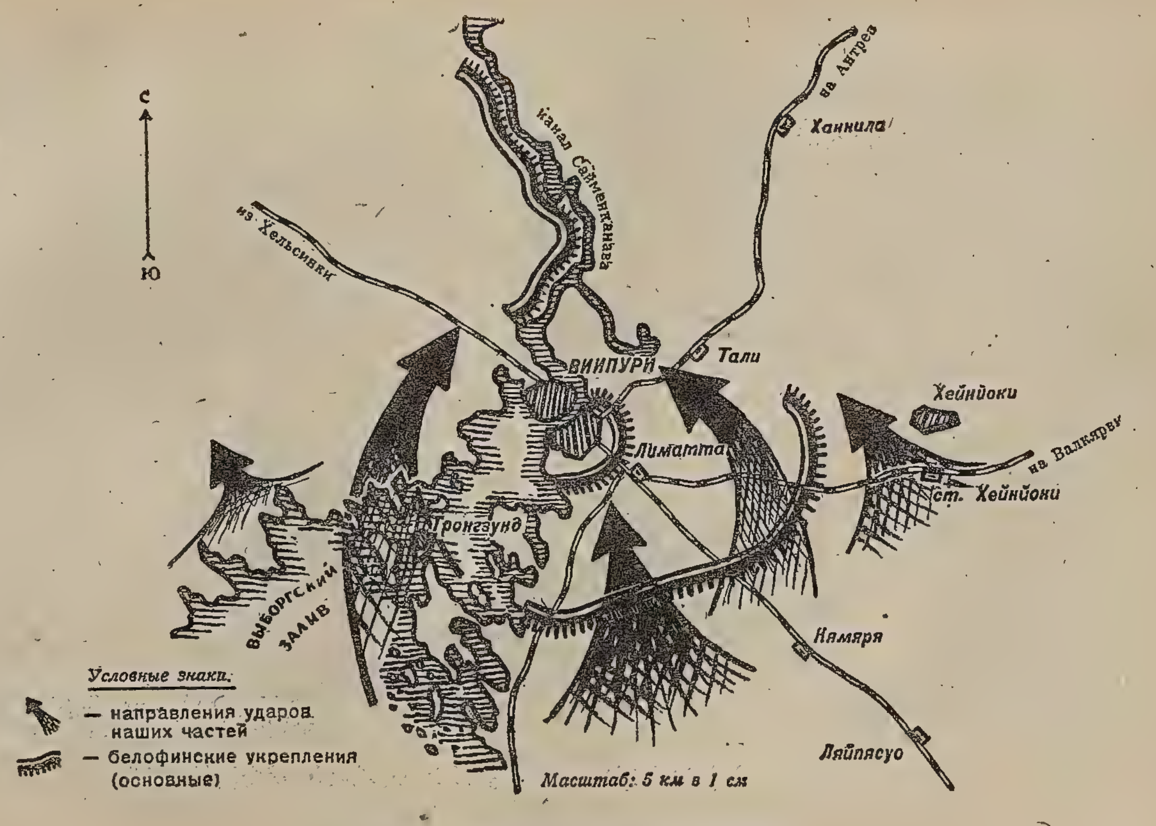

Схема 9. Бой на подступах к Выборгу.

пытки отстоять город. Эти попытки были обречены на неудачу. В неудержимом порыве вперед наша пехота, совместно с артиллеристами, танкистами, летчиками, наносила врагу один жестокий удар за другим и заставляла его вновь и вновь отступать.

Бесчисленными примерами мужества и геройства бойцов, командиров, политработников отмечены эти дни.

Вот например, взвод тов. Усаченко. Не раз отбивал он контратаки врага.

«В последний раз группа белофиннов, численностью в 40 человек, снова бросилась в контратаку, — рассказывает младший политрук С. Песляк. — Наши бойцы были наготове. Пулеметным огнем они рассеяли контратакующего противника. Другая группа белофиннов в это время пыталась обойти взвод с другого фланга.

Тогда командир взвода Усаченко решил жестоко проучить врага. Он взял с собой шесть бойцов и, скрытно подойдя к лесной просеке, огнем встретил здесь пробиравшихся на фланг шюцкоровцев. Белофинны не выдержали дерзкого порыва смельчаков и повернули обратно. Шесть отважных бойцов, во главе с командиром Усаченко, беспощадно косили их ружейно-пулеметным огнем.

В результате схватки вся группа противника была уничтожена. Ни одному белофинну не удалось бежать. Взвод захватил много автоматов, станковые пулеметы, винтовки и боеприпасы».

С исключительным мужеством дралась с врагом рота лейтенанта Пожарского.

Преследуя белофиннов, рота забралась к ним в тыл. Пользуясь ночной темнотой, она незаметно приблизилась к расположению крупного неприятельского отряда. Старший политрук Я. Падорин рассказывает:

«Шопотом Пожарский передал команду:

— Пока не стрелять. Бросайтесь на врага и бейте его штыком, прикладом, гранатой.

Через несколько минут в ночной тишине раздался голос Пожарского.

— Ура, товарищи! Вперед! За Родину! За любимого Сталина!

Белофинны, ошеломленные неожиданным появлением красных воинов с тыла, открыли беспорядочный ружейно-пулеметный огонь. Тогда Пожарский во весь голос закричал:

— Четвертая рота, заходи справа! Пятая, окружай белофиннов слева! Вперед!

Наши храбрецы ринулись лавиной на белофиннов. Враг

бежал, оставив десятки раненых и убитых, оружие, две грузовые и одну легковую машины».

В другом месте разведчики под командой политработника Сукачева, забравшись в расположение врага, смело атаковали его с тыла и принудили к бегству, захватив 135 винтовок, 2 станковых пулемета, 17 ручных пулеметов, 2 автомата и другое военное имущество. Белофинны бежали, оставив в котлах неостывшую кашу.

Очень показательна инициатива лейтенанта Новикова, пробравшегося под прикрытием пурги в расположение врага и отрезавшего ему своей ротой путь отступления в то время, как другие наши подразделения повели наступление с фронта.

От своих командиров не отставали бойцы.

Нет никакой возможности описать все те примеры замечательного мужества, боевой доблести и геройства, которыми ознаменовывался каждый день, каждый час наступления наших полков, батальонов и рот в боях за Виипури. Таков красноармеец Веселов — он возглавил свое отделение, когда во время боя был тяжело ранен его командир. Будучи сам ранен, он остался в строю и продолжал командовать отделением. В схватке с белофинским автоматчиком он получил второе ранение, но после перевязки не покинул своего места в строю. Обнаружив группу белофиннов, герой вступил с врагом в бой. Несколько белофиннов были уничтожены, остальные бежали. Получив третью рану, тов. Веселов хотел вновь итти в бой, и лишь приказание комиссара заставило его остаться на пункте медицинской помощи. А вот красноармеец Цыганков. Находясь в разведке, он был ранен в ногу. Не имея возможности пробраться к своим, боец-коммунар лег в канаву. Когда к нему приблизилась группа белофиннов, он притворился убитым. Позднее, напрягая все свои силы, он все же дополз до командира своего подразделения и доложил добытые им во время разведки ценные сведения о противнике. Каждая часть, каждое подразделение рождали героев, мужество и доблесть которых крепили одержанную над врагом решительную победу.

В тесном взаимодействии с пехотой работали артиллеристы. Огневой вал артиллерии сопровождал наступление наших полков на всех участках. Гул артиллерийской канонады не прерывался ни днем, ни ночью. Доблестные артиллеристы работали с огромным подъемом и самоотверженностью.

Меняя огневую позицию, одна из батарей застряла в глубоком снегу. Эта остановка срывала выполнение боевой задачи. Тогда младший командир Мурашко, наводчики Некра-

сов и Иванов, водитель Разумовский схватились за орудие и повезли его на себе. Их примеру тут же последовали другие артиллеристы.

В результате этого самоотверженного поступка, батарея прибыла на новую огневую позицию без опоздания и открыла огонь по врагу в указанный ей срок.

Отважно действовала батарея тов. Крапова в районе станции Ала Сумма.

Продвигаясь вперед совместно с пехотой, орудийные расчеты тащили на руках свои орудия. Не взирая на огонь врага, они выкатывали их на огневые позиции и били прямой наводкой по врагу.

Немало вражеских блиндажей было таким образом разбито нашими артиллеристами.

Когда наша пехота пошла в наступление на врага, засевшего на окраине одного из предместий Виипури, артиллеристы Першин, Русаков, Карагин, Золотухин и другие — всего 8 человек — приняли участие в атаке. Продвижению пехоты мешал огонь одного из орудий противника. Артиллеристы самоотверженно бросились вперед, окружили вражеское орудие и овладели им.

Семь шюцкоровцев окружили артиллериста Золотухина. Отбиваясь от них, он убил двоих. К врагу подоспело подкрепление. Однако тов. Золотухин не только отбился от врагов, но еще и захватил в плен белофинского офицера.

Артиллерия работала так хорошо, что пленные в один голос заявляли:

— Мы не знали, куда укрыться от вашего огня.

Вместе с пехотой и артиллерией шли в бой с врагом герои-танкисты. Обгоняя пехоту, они устремлялись на врага, сея в его рядах смерть и расстройство.

На ближних подступах к Виипури белофинны сильно укрепили одну из возвышенностей. Надолбы, колючая проволока и минные поля преграждали доступ к вражеским окопам. Попытки наших саперов подорвать гранитные надолбы были пресечены огнем примостившихся за ними финских снайперов.

Тогда за дело взялись танкисты лейтенантов Проничева и Ивашева и младшего комвзвода Мишинова.

Гранитные надолбы были тут же разбиты меткими выстрелами из танковых орудий. Под прикрытием пулеметного и орудийного огня танков, саперы разминировали находившееся за надолбами минное поле.

Теперь дорога была открыта. Опережая пехоту, танкисты направились к белофинским укреплениям.

На огневой позиции гаубичной батареи

Корабли Краснознаменной Балтики на страже наших морских рубежей

«С возгласами — За Родину! За Сталина! — танкисты устремились в атаку, — рассказывает политрук Осипов. — Преодолев препятствия, они развернулись и заранее согласованным приемом уничтожили расчеты противотанковых пушек. Смертоносные струи свинцового дождя беспощадно били по врагу, пытавшемуся отстоять свой последний перед Виипури огневой рубеж».

Шесть раз переходил противник в контратаку, но все они были отражены танкистами совместно с пехотой.

Несмотря на понесенные нашими частями в этих боях тяжелые потери, на всех участках враг был отброшен на окраину предместий Виипури.

В это время в воздухе несли свою службу наши самолеты. Сталинские соколы с честью выполнили поставленную им боевую задачу — ни один вражеский самолет не смог прорваться к расположению наших наземных войск и помешать их дальнейшему победоносному движению вперед.

Этого мало.

Под ударами наших воздушных сил оказались все тылы врага. Так же как и при прорыве укрепленной полосы «линии Маннергейма», работа железных дорог была нарушена, подвоз боеприпасов и продовольствия на автомашинах производился с большими перебоями. Это имело прямое действие на состояние белофинских частей, делая безвыходным их положение.

— Наши орудия могут отвечать лишь несколькими выстрелами на ваши залпы, — говорили теперь пленные финны. — Снарядов у нас мало и привезти их неоткуда. Все важнейшие пути сообщения разбиты вашей авиацией.

— Из-за нападения ваших самолетов наш продовольственный транспорт погиб. Два дня как мы без горячей пищи.

— Пища стала плохой. Подвоз нарушен. Ваши самолеты разрушили дороги.

Эти и подобные им заявления показывали, что дезорганизация охватывала все сильнее белофинские части, приближала их все ближе к полному разгрому.

К 1 марта линия фронта надвинулась вплотную на южную окраину Виипури.

В то самое время, когда развернулись горячие бои на южных подступах к Виипури, наши части, наступавшие правее и левее, уже охватывали город с востока и запада. Этот охват ясно выявился уже к 1 марта. Оперативная сводка штаба Ленинградского военного округа за это число характеризовала положение на фронте следующим образом:

«В течение 1 марта на Карельском перешейке наступление

наших частей продолжало успешно развиваться. Наши части заняли: район водопада Пааккоданкоски на реке Вуоксе, город Хейнйоки, местечко Манниккала, станцию Тали на железной дороге Виипури — Сортавала, южную окраину города Виипури и мыс Кейхясниеми на западном побережье Выборгского залива.

Противник поджигает город Виипури».

Таким образом, к востоку от Виипури наши части уже прервали железнодорожное сообщение между железнодорожным узлом Виипури и важными в оперативном отношении станциями Валкярви и Антреа. Это грозило изолировать силы белофиннов, продолжавшие еще находиться в восточной части Карельского перешейка.

В ожесточенных схватках с врагом одна за другой захватывали тут наши части железнодорожные станции, мосты, переезды... Там, где противник оказывал упорное сопротивление, приходилось прибегать к разрушению железнодорожных сооружений. Немало подвигов совершили при этом наши бойцы, командиры, политработники. Вот например, рассказ красноармейца Аляева, ныне получившего звание Героя Советского Союза:

«Наше подразделение получило задание пробраться в тыл противника и взорвать там железную дорогу, имевшую для врага большое значение. Не успели мы приступить к выполнению приказа, как пуля противника вывела из строя нашего командира. Командование взял на себя я. Во время нашего продвижения я был ранен, но продолжал продвигаться вместе с бойцами к намеченной цели. Взорвав железную дорогу, мы укрепились в разрушенных домах станции. Противник наседал, но мы решили защищаться до последней пули. Белофинны окружили нас со всех сторон, но мы не сдавались и отбили все его атаки. На третьи сутки подоспело подкрепление — противнику пришлось поспешно отступать».

Бой с врагом приходилось вести на местности, покрытой лесом. Белофинны прилагали все силы, чтобы сдержать натиск наших частей. Все средства были пущены ими в ход, чтобы не допускать захвата нашими частями железнодорожных линий. Все оказалось, однако, напрасным.

«Нам предстояло достигнуть железной дороги, форсировать реку и преследовать противника, — рассказывает младший политрук А. Анаприенко. — Это была трудная задача. Враг засел на господствующей высоте. Мы выступили ночью. Противник оказал сильное сопротивление. Но неудержим был натиск красных воинов. Особенно отличились пулеметчики старшего лейтенанта Блохина. Комсомольцы Курдюмов и Ти-

щенко, выдвинув свои отделения на опушку леса, ураганным огнем стали поливать белофиннов. Враг попятился, ухватился за минометы. Вокруг загремели взрывы мин. Красноармеец-наводчик Козяба установил пулемет левее обстреливаемой белофиннами просеки и заставил миномет замолчать. Стрелки еще стремительнее двинулись вперед. Вот и железнодорожный путь. Козяба выкатил на него пулемет и с новой силой ударил по белофиннам. С боем ворвались красные пехотинцы в лес. Противник с потерями отошел, оставив оружие и продовольственный склад».

Так, прорываясь через села и болотные топи, опрокидывая врага с занимаемых им удобных огневых рубежей, заходя ему во фланг и тыл, продолжали, несмотря на встречаемые на каждом шагу трудности, наступление наши полки и батальоны. Вскоре Виипури вместе с находившимся в нем гарнизоном был уже охвачен с востока и северо-востока.

Одновременно шли горячие бои за острова в северной части Выборгского залива.

Продвигаясь по льду от захваченных перед тем полуострова Койвисто и островов Тиуринсаари, Пиисаари и других к западному берегу Выборгского залива, балтийские моряки отряда комбрига Денисевича, вместе с пехотинцами, артиллеристами и саперами, захватывали один за другим укрепленные белофиннами острова.

— Вперед, на материк!

Забрать острова, блокировав Виипури со стороны залива, выйти на берег и перерезать там единственный железнодорожный путь, связывавший город с Финляндией, наконец, зайти в тыл белофинским укреплениям, подготовленным по западному берегу канала Сайменканава, — вот те задачи, которые стояли перед нашими частями, наступавшими через залив.

Враг делал все возможное, чтобы воспрепятствовать продвижению наших частей, но ничто не могло уже спасти его от поражения. Наши артиллеристы метко били по амбразурам белофинских укреплений. Попытки врага выкатывать противотанковые орудия на открытые позиции тут же пресекались огнем наших батарей. Преодолевая торосы и глубокий снег, двигались в атаку танки. За ними шла в наступление пехота. Саперы подрывали блокированные вражеские доты.

4 марта наше наступление закончилось полным успехом — вместе с целым рядом более мелких укреплений противника пала крепость Тронгзунд, запиравшая доступ к Виипури с моря. Первыми вступили в город Тронгзунд бойцы подразделения тов. Еременка. Отчаянно сопротивлявшийся враг был

выбит героями-пехотинцами, которых увлек вперед личным примером командир-орденоносец Мирошников.

Падение Тронгзунда укрепляло положение наших частей, уже прорвавшихся к этому времени на западный берег Выборгского залива и стремительно двигавшихся вперед к намеченным целям.

Оперативная сводка штаба Ленинградского военного округа сообщала по этому поводу:

«В течение 4 марта на Карельском перешейке в районе Выборгского залива наши части заняли остров Уураансаари с городом и крепостью Тронгзунд (Ураа) и остров Тейкаринсаари в Выборгском заливе, а также местечки Хейняляхти, Вилайоки и Мухулахти на западном берегу Выборгского залива. В крепости Тронгзунд взято три батареи морских дальнобойных орудий и большое количество пулеметов, винтовок, снарядов, патронов».

Успешное наступление наших частей через лед Выборгского залива, их выход на его западный берег и быстрое там продвижение вперед вызвали переполох в руководящих кругах белофинской военщины. Белофинская и англо-французская печать подняла неистовый крик о глубоком ударе в тыл финской армии, о прямой угрозе Хельсинки и т. д.

Тревога была настолько велика, что белофинское командование сняло с Выборгского участка фронта две пехотные дивизии и послало их на лед Выборгского залива с задачей сбросить наши части с западного берега залива.

Эта задача, однако, оказалась им не под силу.

Между тем бои за Виипури на южных подступах к городу продолжались с прежней неослабевающей силой. Медленно, но безостановочно продвигались вперед от одного участка к другому пехота, саперы, артиллеристы, танки.

«Враг всячески пытается сопротивляться, помешать наступлению наших войск. Он взрывает мосты, портит дороги, сооружает на окраинах и улицах города в наиболее уязвимых местах каменные надолбы в несколько рядов, проволочные заграждения в 4—5 колов, долговременные и скрытые огневые точки, окружает отдельные дома траншеями, ведет артиллерийский и минометный огонь, — писали Я. Потехин, А. Парфенов и П. Нестеров.

Горячий бой развернулся у воинских казарм, где враг оказывал сильное сопротивление. Из окон казарм, закрытых мешками с песком, из траншей, окружающих казармы, он вел обстрел наших частей. Подступы к казармам лежали через открытую поляну, просматриваемую и простреливаемую противником. Но наша бесстрашная пехота упорно пробива-

лась к зданиям. Крепко поддержали ее артиллеристы. Орудийный расчет младшего командира Онищенко выкатил противотанковое орудие и ударил по огневым точкам. Он, выпустив 40 снарядов, многие огневые точки уничтожил и обеспечил продвижение пехоты. С боем наши подразделения окружили казармы и заняли их».

Так же была занята радиостанция и захвачено железнодорожное полотно окружной железной дороги Виипури. Отступая, белофинны поджигали дома, промышленные предприятия, здания городских учреждений. Над городом, по вечерам, появлялось большое зарево охватывавших его со всех сторон пожаров.

К 11 марта, не взирая на отчаянное сопротивление белофиннов, Виипури остался уже позади продвинувшегося к северу фронта. Засевшему в городе врагу не удалось задержать преследования разбитой белофинской армии нашими частями. Стремительное наступление наших частей на плечах бегущего врага продолжалось.

Это безостановочное наступление частей Красной Армии, ставившее под удар жизненные центры внутренней Финляндии и обрекавшее на капитуляцию силы белофиннов, остававшиеся еще в восточной части Карельского перешейка, заставило правителей Финляндии признать свое поражение. Англо-французская военная помощь войсками опоздала. Ставка поджигателей войны на создание единого антисоветского фронта в Скандинавии оказалась битой. Перед лицом неудержимо развивающегося наступления наших доблестных полков финляндская белогвардейщина оказалась вынужденной просить о мире.

А на рассвете 13 марта, после двухчасового стремительного штурма, наши войска заняли город Виипури. Последний оплот финляндской белогвардейщины на Карельском перешейке перестал существовать.

ПОРАЖЕНИЕ ФИНЛЯНДИИ И ОБРАЗОВАНИЕ КАРЕЛО-ФИНСКОЙ ССР

Еще с самого начала боевых действий, в ноябре 1939 года, Советское правительство открыто заявляло о том, что оно не посягает на независимость Финляндии, что единственной целью его политики является ликвидация той опасности, которая была создана правителями Финляндии нашим северо-западным границам и особенно такому важнейшему культурному и промышленному центру страны, как Ленинград.

Красная Армия ликвидировала возведенные на Карельском перешейке белофинские долговременные укрепления, овладела городом Виипури и вышла далеко на север и запад от него. Одновременно были заняты финские острова в восточной части Финского залива. Все это означало, что задача обеспечения безопасности северо-западных рубежей СССР и Ленинграда полностью достигнута. Поэтому, когда правительство Финляндии обратилось с предложением об окончании войны, Советское правительство сочло возможным не отказывать Финляндии в мире.

Статьи подписанного нами 12 марта мирного договора с Финляндией гласили:

«Статья I.

Военные действия между СССР и Финляндией прекращаются немедленно в порядке, предусмотренном прилагаемым к настоящему Договору Протоколом.

Статья II.

Государственная граница между СССР и Финляндской Республикой устанавливается по новой линии, по которой в состав территории СССР включаются весь Карельский перешеек с г. Выборгом (Виипури) и Выборгским заливом с островами, западное и северное побережье Ладожского озера с

городами Кексгольмом, Сортавала, Суоярви, ряд островов в Финском заливе, территория восточнее Меркярви с гор. Куолаярви, часть полуостровов Рыбачьего и Среднего — согласно приложенной к настоящему Договору карте.

Более подробное описание пограничной линии будет установлено смешанной комиссией из представителей Договаривающихся Сторон, каковая комиссия должна быть образована в десятидневный срок со дня подписания настоящего Договора.

Статья III.

Обе Договаривающиеся Стороны обязуются взаимно воздерживаться от всякого нападения одна на другую и не заключать каких-либо союзов или участвовать в коалициях, направленных против одной из Договаривающихся Сторон.

Статья IV.

Финляндская Республика выражает согласие сдать Советскому Союзу в аренду с ежегодной уплатой Советским Союзом 8 миллионов финских марок, сроком на 30 лет, полуостров Ханко и морскую территорию вокруг него, радиусом в 5 миль к югу и востоку и в 3 мили к западу и северу от него, и ряд островов, примыкающих к нему, в соответствии с приложенной картой, — для создания там военно-морской базы, способной оборонять от агрессии вход в Финский залив, причем в целях охраны морской базы Советскому Союзу предоставляется право держать там за свой счет необходимое количество наземных и воздушных вооруженных сил.

Финляндское Правительство в течение десяти дней с момента вступления в силу настоящего Договора выводит с полуострова Ханко все свои войска, и полуостров Ханко вместе с прилегающими островами переходит в управление СССР, в соответствии с настоящей статьей Договора.

Статья V.

СССР обязуется вывести свои войска из области Петсамо, добровольно уступленной Финляндии Советским государством, согласно Мирному Договору 1920 года.

Финляндия обязуется, как это было предусмотрено Мирным Договором 1920 года, не содержать в водах своего побережья Северного Ледовитого океана военных и прочих вооруженных судов, за исключением вооруженных судов размером меньше 100 тонн, каковые Финляндия имеет право держать без ограничения, а также содержать не более 15 воен-

ных и прочих вооруженных судов, тоннаж которых не должен превышать 400 тонн для каждого.

Финляндия обязуется, как это было предусмотрено тем же Договором, не содержать в означенных водах подводных лодок и вооруженных воздушных судов.

Равным образом Финляндия обязуется, как это было предусмотрено тем же Договором, не устраивать на этом побережье военных портов, баз для военного флота и военных ремонтных мастерских объемом больше, чем потребно для упомянутых судов и их вооружения.

Статья VI.

Советскому Союзу и его гражданам, как это было предусмотрено Договором 1920 года, предоставляется право свободного транзита через область Петсамо в Норвегию и обратно, причем в области Петсамо Советскому Союзу предоставляется право учреждения консульства.

Грузы, провозимые через область Петсамо из СССР в Норвегию, а равно грузы, провозимые из Норвегии в СССР через ту же область, освобождаются от осмотра и контроля, за исключением лишь контроля, необходимого в видах урегулирования транзитного сообщения, а также не облагаются таможенными пошлинами, транзитными и иными сборами.

Упомянутый выше контроль транзитных грузов допускается лишь в форме, соблюдаемой в таковых случаях по установившимся обычаям международного сообщения.

Граждане СССР, направляющиеся через область Петсамо в Норвегию и обратно из Норвегии в СССР, имеют право свободного транзитного проезда на основании выдаваемых подлежащими советскими органами паспортов.

При соблюдении действующих общих положений советские невооруженные летательные аппараты имеют право поддерживать воздушное сообщение через область Петсамо между СССР и Норвегией.

Статья VII.

Финляндское Правительство предоставляет Советскому Союзу право транзита товаров между СССР и Швецией, и в целях развития этого транзита по кратчайшему железнодорожному пути СССР и Финляндия признают необходимым построить, каждая сторона на своей территории, по возможности в течение 1940 года железную дорогу, соединяющую г. Кандалакша с г. Кемиярви.

Статья VIII.

По вступлении в силу настоящего Договора возобновляются экономические отношения между Договаривающимися Сторонами и с этой целью Договаривающиеся Стороны вступят в переговоры для заключения торгового договора.

Статья IX.

Настоящий Мирный Договор вступает в силу немедленно по его подписании и подлежит последующей ратификации.

Обмен ратификационных актов будет произведен в течение десяти дней в г. Москве».

Из текста мирного договора видно, что Советское правительство, несмотря на одержанную Красной Армией решительную победу и наличие полной возможности успешного наступления во внутреннюю Финляндию, осталось верным тем принципам мирной политики, которые оно старалось осуществить еще в период, предшествовавший боевым действиям. Мирный договор предусматривал лишь мероприятия, являвшиеся строго необходимыми для достижения безопасности наших северо-западных границ и Ленинграда (см. схему 10).

Заключение мира вызвало многочисленные отклики в зарубежной печати. Те самые прожженные борзописцы капиталистической прессы, которые еще совсем недавно на все лады кричали о красном империализме, об агрессии Советского Союза и высокой миссии своих стран защищать малые государства, — теперь подняли яростную антисоветскую кампанию против Советского правительства за то, что оно подписало с Финляндией мирный договор.

Это являлось лишним подтверждением слов товарища Молотова, который в своем докладе на Шестой сессии Верховного Совета СССР говорил:

«Красная Армия не только сокрушила „линию Маннергейма" и тем покрыла себя славой, как первая армия, в труднейших условиях проложившая путь через большую мощную полосу вполне современных военных укреплений, — Красная Армия вместе с Красным Флотом не только сокрушила финляндский военный плацдарм, подготовленный для нападения на Ленинград, но и ликвидировала кое-какие антисоветские планы, взлелеянные на протяжении последних лет некоторыми третьими странами».

В отношении этого последнего обстоятельства, товарищ Молотов пояснил свою мысль более подробно.

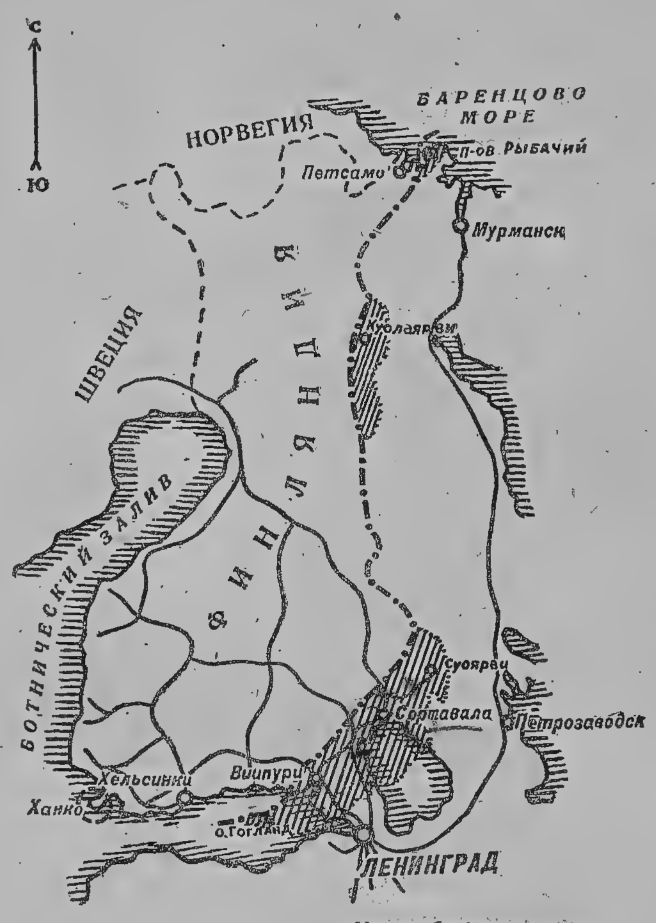

Схема 10. Границы СССР и Финляндии по мирному договору от 12 марта 1940 года.

«Не трудно видеть, — продолжал он, — что война в Финляндии была не просто столкновением с финскими войсками. Нет, здесь дело обстояло посложнее. Здесь произошло столкновение наших войск не просто с финскими войсками, а с соединенными силами империалистов ряда стран, включая ан-

глийских, французских и других, которые помогали финляндской буржуазии всеми видами оружия и, особенно, артиллерией и самолетами, а также своими людьми под видом „добровольцев", своим золотом и всяким снабжением, своей бешеной агитацией во всем мире за всяческое раздувание войны против Советского Союза».

Дав свое согласие на заключение мира и подписав мирный договор с Финляндией, Советское правительство, верное своей традиционной политике мира, разбило антисоветские планы англо-французских империалистов и положило конец раздуванию войны на севере Европы.

Это решение своего правительства приветствовал весь советский народ. На необъятных просторах нашей прекрасной родины, во всех ее городах, в колхозах, на шахтах, на фабриках и заводах в горячих патриотических выступлениях рабочие, инженеры, колхозники, ученые и писатели полностью одобряли заключение мира, заявляли о своей готовности в любой час стать на защиту родной советской земли.

«С величайшим воодушевлением встретили мы, кировцы, радостную весть о заключении мирного договора между СССР и Финляндской республикой, — говорилось в резолюции, единогласно принятой на собрании рабочих и инженерно-технического персонала Кировского завода в Ленинграде. — Благодаря мудрой сталинской политике ликвидирован опаснейший очаг войны на северо-западной границе. Мирный договор еще раз демонстрирует силу и могущество нашей родины, мощь и непобедимость нашей любимой Красной Армии.

Мы, кировцы, особенно горды тем, что самоотверженным трудом, выполнением производственных заказов, помогли нашей Красной Армии».

На многолюдных митингах в цехах завода «Большевик» рабочие приняли резолюцию, в которой говорилось:

«Мы, рабочие, инженерно-технические работники и служащие завода „Большевик", одобряем заключение мирного договора между Советским Союзом и Финляндской республикой...

Мудрая сталинская политика обеспечила безопасность границ Советского Союза. Героическая Красная Армия мощным ударом разгромила укрепления, созданные с помощью англо-французских империалистов на Карельском перешейке, и показала всему миру, что никакие укрепления и преграды не могут остановить Рабоче-Крестьянскую Красную Армию и Военно-Морской Флот».

Резолюция заканчивалась словами:

«Силой оружия Советский Союз добился безопасности северо-западных границ и города Ленина. Наша задача — и дальше повседневно крепить обороноспособность нашей социалистической родины».

С большим подъемом прошел митинг в Ленинградском государственном университете. Огромный амфитеатр зала был переполнен университетской молодежью и профессорско-преподавательским составом.

«С гордостью подводим мы итоги событиям в Финляндии, — говорил профессор Вознесенский. — Сыны победоносного народа — бойцы, командиры, политработники, вооруженные мощной техникой, преодолели укрепления, казавшиеся неприступными.

Генеральным штабам империалистических держав доставлено немало неприятных хлопот. Виновницей их является наша славная победоносная Красная Армия».

Любовью к своей родине, гордостью за одержанные победы, преданностью партии Ленина—Сталина и Советскому правительству звучали выступления академика Струве, члена-корреспондента Академии наук СССР профессора Жирмунского, профессора Гуковского, доцента Семевского, студента Гладомицкого.

На митинге в колхозе имени Обкома МОПРа Красносельского района выступил счетовод Онучин.

«Наши бойцы проявили чудеса героизма, — сказал он, — своими подвигами они доказали, что для Красной Армии нет несокрушимых железобетонных твердынь. Это послужит крепким уроком поджигателям империалистической войны, — англо-французским империалистам. Они лишились плацдарма, который готовили много лет вблизи Ленинграда».

Председатель колхоза Шефер призвал колхозников ответить на мудрое решение Советского правительства стахановской работой на полях.

Так было во всех городах, во всех колхозах нашей родины. Всюду патриоты нашей великой Советской страны выражали свою горячую поддержку принятому правительством решению, свою готовность стать на защиту советских границ.

Потоку приветственных телеграмм бойцам, командирам и политработникам Красной Армии, казалось, не было конца.

К 20 марта в Ленинград стали прибывать с фронта первые пехотные и танковые части, отправляемые на места своего постоянного расквартирования. Их прибытие вылилось в мощную демонстрацию великого единства Красной Армии с самыми широкими массами советского народа.

Это была волнующая, трогательная встреча. Десятки ты-

сяч ленинградцев устремились к северной окраине города, чтобы первыми приветствовать бойцов-лыжников, артиллеристов, танкистов... Женщины и подростки, рабочие и ученые, университетская молодежь, с букетами цветов, наполнили улицы. Всюду виднелись радостные лица. Оживленные разговоры, приветствия, крики ура наполнили воздух.

— Победа завоевана нами сообща, — сказал на коротком митинге майор Молев, обращаясь к встречавшим.

В этих простых, коротких словах было выражено все то, что сознавал во время боевых действий каждый боец Красной Армии, каждый житель Ленинграда, каждый гражданин Советского Союза. Монолитное единство фронта и тыла, беспредельная преданность родине и сплоченность вокруг партии Ленина—Сталина — вот что обеспечило победу над врагом.

29 марта в Кремле открылась Шестая сессия Верховного Совета СССР, которая заслушала и единогласно одобрила доклад председателя Совнаркома СССР и народного комиссара иностранных дел товарища Молотова о внешней политике Советского правительства.

На заседании сессии был заслушан доклад товарища Жданова о преобразовании Карельской Автономной Советской Социалистической Республики в Союзную Карело-Финскую Советскую Социалистическую Республику (см. схему 11).

Товарищ Жданов говорил:

«Согласно Мирному Договору, заключенному между СССР и Финляндской Республикой, к Союзу Советских Социалистических Республик от Финляндии отошли новые территории и в том числе весь Карельский перешеек с гор. Выборгом (Виипури) и Выборгским заливом с островами, западное и северное побережье Ладожского озера с городами Кексгольмом, Сортавала, Суоярви, территория восточнее Меркярви с городом Куолаярви. Как известно, эти территории, и особенно Карельский перешеек, представляли из себя до недавнего времени оборудованный по последнему слову военной техники плацдарм для военных нападений на Союз Советских Социалистических Республик и, в первую очередь, на Ленинград. Теперь, когда в результате героических побед нашей Красной Армии, разгромившей в войне с Финляндией финскую армию, а вместе с ней соединенные силы ряда наиболее враждебных Советскому Союзу империалистических стран, ликвидирован опаснейший источник войны на наших северо-западных границах, сами эти территории приобретают совсем иное назначение, чем доныне. Из очага войны они превращены теперь в оплот мира и безопасности, прежде всего, Ленинграда, а также и Мурманска и Мурманской железной дороги.

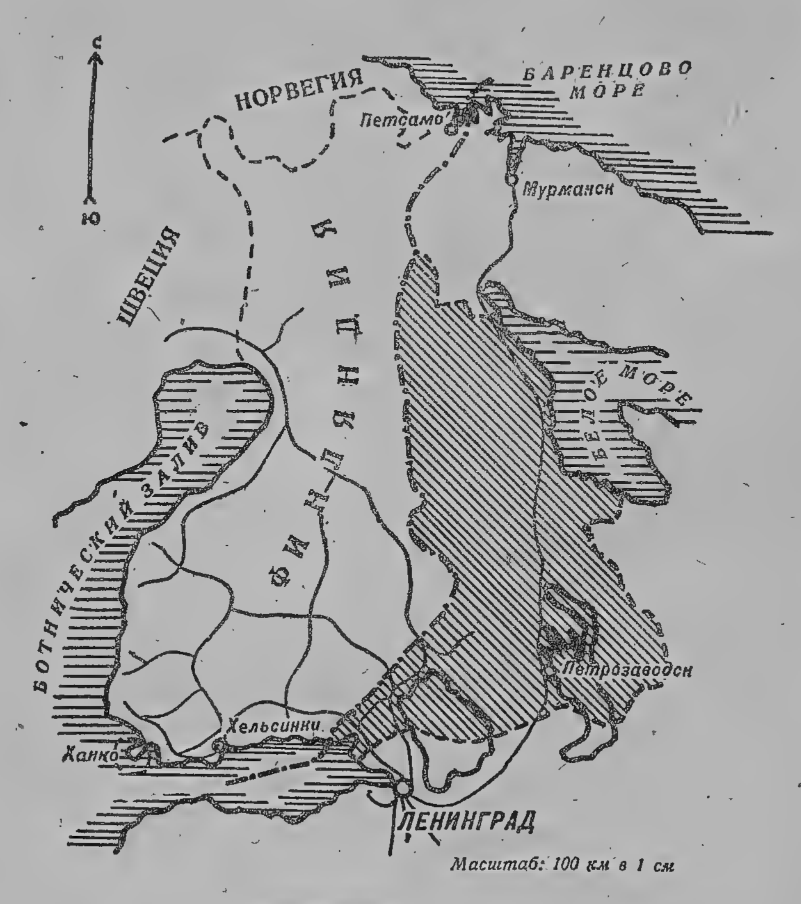

Схема 11. Территория вновь образованной решением Верховного Совета СССР Карело-Финской ССР.

Отход к Союзу Советских Социалистических Республик новых территорий, естественно, ставит вопрос о наиболее целесообразном их государственном устройстве и о путях их хозяйственного и культурного развития.

Эти территории, за малым исключением, примыкают к

Карельской Автономной Советской Социалистической Республике и тяготеют к ней, как по характеру естественных и исторических условий, так и по направлению своей народнохозяйственной деятельности.

Поэтому, обсуждая вопрос о государственном устройстве новых территорий, перешедших к СССР от Финляндии, Совет Народных Комиссаров в полной мере учел законные и справедливые пожелания трудящихся Карельской Республики о том, чтобы территории, отошедшие от Финляндии к Союзу Советских Социалистических Республик, за исключением незначительной полосы, примыкающей непосредственно к Ленинграду, передать в состав Карельской Автономной Советской Социалистической Республики, в том числе передать города: Выборг, Антреа, Кексгольм, Сортавала, Суоярви и Куолаярви. Совнарком Союза ССР вносит соответствующее предложение на рассмотрение Верховного Совета. Из этого предложения, если оно будет принято Верховным Советом, вытекает и другое предложение, также основанное на пожеланиях трудящихся Карельской Автономной Советской Социалистической Республики — о преобразовании Карельской Автономной Советской Социалистической Республики в Союзную Карело-Финскую Советскую Социалистическую Республику».

Заканчивая свой доклад, товарищ Жданов указал на то коренное различие, которое имеет положение малых народов в капиталистических странах и в великом Союзе Советских Социалистических Республик. Он сказал:

«В эпоху империалистического рабства, национального и колониального угнетения, достигшего крайнего обострения в связи с империалистической войной, в период, когда права и интересы малых государств являются лишь разменной монетой в руках империалистов, создание новой Союзной Республики с особой силой подчеркивает коренные преимущества советского строя, обеспечивающего малым народам полную возможность свободного национального развития».

На эту широкую, светлую дорогу, по которой с 1917 года шел, под руководством великой партии Ленина — Сталина, наш советский народ, вступила новая Союзная Карело-Финская Советская Социалистическая Республика с тем, чтобы под знаменем Сталинской Конституции развернуть свои творческие возможности и быстрыми шагами итти по пути коммунизма.

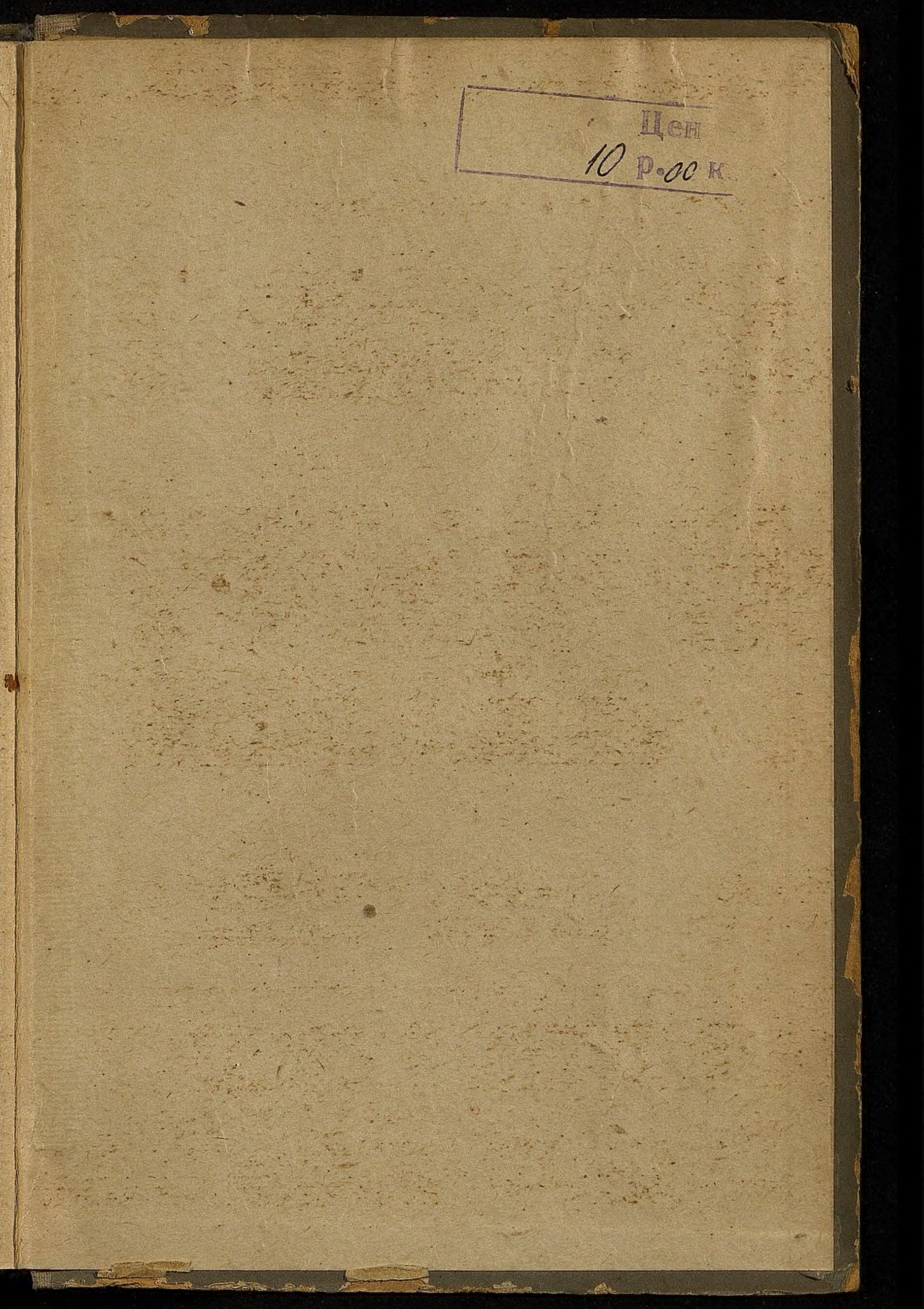

СОДЕРЖАНИЕ

Редактор *И. Филиппов*. Подписано к печати 24 февраля 1941 г. Печ. листов 10. Авт. листов 10,8. Тип. знаков в печ. листе 42 000. М34674. Тираж 10000. Заказ № 99. Цена 4 р. 50 к., переплет 1 р.

Лениздат—типография № 2, Ленинград, Социалистическая, 14

Цен
10 р.00 к

Цена ~~5 р. 50 к.~~